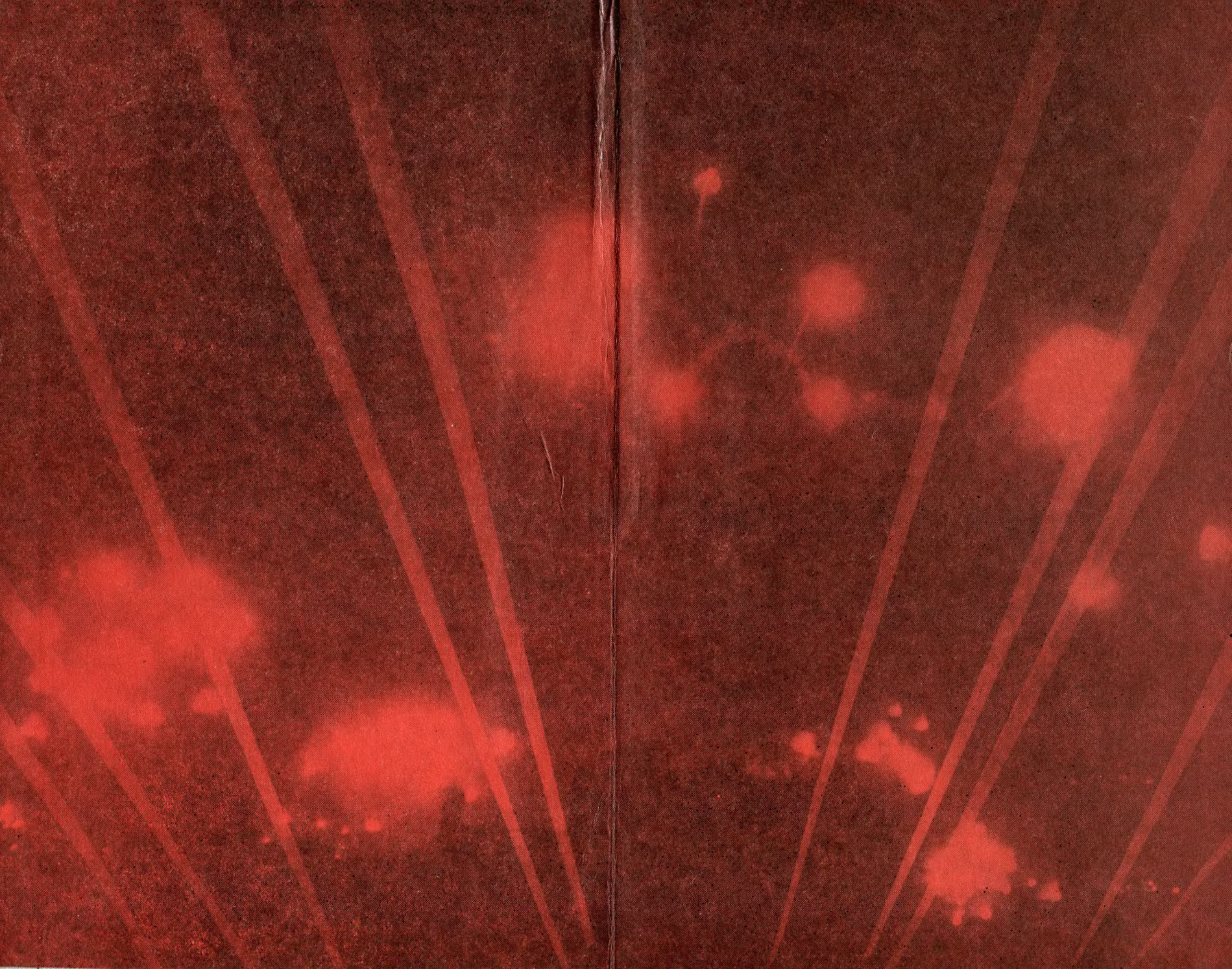
В. И. Чуйков

КОНЕЦ

ТРЕТЬЕГО РЕЙХА



Скан и обработка:
krestik

КОНЕЦ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

ДВАЖДЫ ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

В. И. Чуйков

КОНЕЦ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ» МОСКВА — 1973

9(С)27
Ч87

В 1959 году вышла первым изданием книга Маршала Советского Союза В. И. Чуйкова «Начало пути». Это были воспоминания о боях в Сталинграде, о героической обороне города воинами 62-й армии, которой тогда командовал В. И. Чуйков..

После Сталинградского сражения армия в составе Юго-Западного фронта была направлена в район Купянска и Сватова. Она освобождала Донбасс, форсировала Северный (Северский) Донец, участвовала в освобождении Украины.

Весной сорок третьего года 62-й армии было присвоено высокое звание — гвардейской. Она стала 8-й гвардейской армией.

В 1972 году вышла вторая книга воспоминаний «Гвардейцы Сталинграда идут на Запад», повествующая об этих боях. Гвардейцы Сталинграда, начав свой героический путь на Волге, закончили его в Берлине. 8-й гвардейской армии выпала высокая честь сражаться в составе той группы войск, которой поручался штурм вражеской столицы, завершающий сокрушительный удар по гитлеровскому государству.

Рассказу о боях на главном направлении нашего последнего наступления на немецко-фашистских захватчиков, о боях по освобождению Польши, о боях на территории Германии, о штурме Берлина и посвящена третья книга «Конец третьего рейха».

1—12—2
76—73

© Издательство «Советская Россия», 1973.

НА ГЛАВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

1

5 июня 1944 года войска 8-й гвардейской армии были выведены с Днестровского плацдарма в резерв 3-го Украинского фронта.

Перед армией не ставилось общих задач, она спешно пополнялась, довооружалась, готовилась к передислокации. О чем-то я мог догадываться, но на догадку полностью полагаться не смел. Сначала прошел слух, что нас отправляют севернее, затем мне и официально сообщили, что 8-я гвардейская переводится в состав 1-го Белорусского фронта и выводится на главное направление удара наших войск.

Честь высокая. Но в армии мало кто о ней знал, и мы об этом решении не имели права распространяться. Это была очень серьезная военная тайна. Передислокация целой армии должна была совершиться незаметно для противника и неожиданно.

На штаб армии ложилась огромная задача — подготовить и провести эту передислокацию, наметить пути, маршруты, районы сосредоточения, распределить транспорт, наметить на новом месте расположение частей, складов боеприпасов, продовольственных складов.

В штабе у нас к этому времени свершились перемены. На место генерала Владимирова В. Я. был назначен Виталий Андреевич Белявский. Он работал до этого в штабе армии начальником оперативного отдела. Это был у нас в армии самый молодой генерал. Ему еще не исполнилось сорока. Его звали в шутку «юный генерал». Энергии в нем было с переизбытком, хватало и старания и тщательности в работе. Делал он все быстро, точно и аккуратно.

10 июня Белявского вызвали в Москву с полными данными о состоянии армии. В этот же день, сразу после его отъезда, был получен приказ о передислокации армии по железной дороге с южного фланга в центр советско-

германского фронта. Планы переброски войск пришли в действие.

Погрузка войск была назначена на 6 часов утра 12 июня. Для проведения передислокации была создана специальная оперативная группа во главе с моим заместителем генерал-лейтенантом М. П. Духановым.

Убедившись, что погрузка и отправка эшелонов идет по плану, было решено мне, члену Военного совета генерал-майору Пронину Алексею Михайловичу и командующему артиллерией генерал-лейтенанту Пожарскому Николаю Митрофановичу выехать на машинах в штаб 1-го Белорусского фронта.

Наш отъезд назначался на 14 июня. Я вызвал водителя Каюма Калимулина и приказал готовить машину к дальнему рейсу, бензину взять на тысячу километров.

— На тысячу? — переспросил Калимулин.

Мне послышалось сомнение в его голосе.

— На тысячу! — подтвердил я ему.

Калимулин покачал головой:

— Я, конечно, выполню приказ... Только зря это, товарищ командующий! Мы можем заправиться и в пути... В Бердичеве, в Виннице, а то и в Житомире.

Можете представить мое удивление, и только ли удивление! Самая настоящая тревога охватила меня. Тайну из тайн, святое из святых — вот так просто проговаривает мой шофер. Он начертил весь путь целиком, которым должна была передислоцироваться армия.

Я поспешил его испытать, насколько он уверен в точности своей информации.

— Не придумывай своих маршрутов! — сказал я ему. — Выполняй приказ...

Каюм понимающе улыбнулся.

— Поедем куда прикажете, товарищ командующий... Только мы знаем, куда ехать!

С «солдатским вестником» мне приходилось сталкиваться и ранее. И только ли меня поражала иной раз его осведомленность. Но информация информации — рознь. Здесь я всерьез обеспокоился. Если бы информация о нашей передислокации по железной дороге попала бы в руки врага, наша армия могла бы иметь большие неприятности, понести большие и ничем не оправданные потери. В чем, где граница распространения «солдатского вестника», сумеет ли он на этот раз удержать тайну в пределах границы? Вот что беспокоило меня и начальника

особого отдела армии. Но мы беспокоились напрасно. «Солдатский вестник» не попал в руки врага. Где-то у незримой черты солдат замолкал, замолкал, если у него не было доверия к собеседнику. Противник ничего не знал о передислокации 8-й гвардейской армии.

Итак, мы покидаем Днестр...

Минул еще один этап в жизни 8-й гвардейской армии. В один год боевых действий на Украине казалось бы вместилась целая жизнь.

Вспоминались ожесточенные кровопролитные бои, которыми начался наш путь по украинской земле, бои за безвестный дотоле поселок Голая Долина. Этот поселок теперь навечно вошел в историю армии.

Там мы только начинали, начинали обучаться ведению наступательных боев, обогащая опыт ведения обороны опытом штурма, броска, стремительного маневра и натиска.

Живо рисовала память ночной штурм Запорожья. Дерзкая была операция, но в силу как раз своей дерзости она завершилась успехом и была осуществлена малой кровью. И на старости лет ее участники будут вспоминать ночные всполохи артиллерийских залпов, пожары, которые колеблющимся красным огнем освещали путь штурмовым группам, ротам и целым дивизиям. Мрачный, туманный угарный рассвет над городом... Кругом горело, чадило, рушилось. Бои на улицах были проведены в столь стремительном темпе, что фашисты не успели взорвать город и Днепровскую плотину. Вперед граната, за ней в пролом очередь из автомата, по углам, по сторонам — еще граната, и наш солдат вскакивает в дот, в блиндаж или в дом, превращенный в крепость... В дыму и тумане он делается почти неуязвимым. А впереди и по сторонам уже шли на подмогу, гремели гусеницами наши танки, на руках катились пушки и минометы. Полное и четкое взаимодействие давало поразительные результаты. А потом... Потом трудный перевал... Началась зима сорок третьего—сорок четвертого года. Мы знали, что в эту зиму готовились силы для окончательной схватки с врагом, что наша промышленность дала фронту тысячи танков и самолетов, что мы своим наступлением выдвигаем далеко вперед плацдармы для этого наступления, готовим почву для распада гитлеровской коалиции, для выхода из войны его сателлитов... Мы честно сражались теми средствами,

которые имелись в нашем распоряжении, иногда этих средств было меньше, иногда больше, но всегда меньше того, что надо бы иметь... Начинали мы с упорных боев у ворот Донбасса, но к концу нашего пути уже вырисовывались задачи выхода к государственной границе. То, что с таким нетерпением желалось, о чем и мечтать едва смели, то, ради чего миллионы наших товарищей сложили голову, а миллионы прошли страдный путь — свершилось. Наша земля освобождалась от захватчиков, очищалась от страшной скверны...

Как слагалась обстановка на советско-германском фронте к тому времени, когда 8-я гвардейская получила приказ о передислокации в состав 1-го Белорусского фронта?

Сократилась общая протяженность линии фронта. Наша сторона имела теперь возможность при наступлении достичь большей концентрации сил, но и обороняющиеся углубляли оборону, обильно насыщали ее большими огневыми средствами, людскими резервами. Наступление становилось более концентрированным, оборона — более плотной. У наступающих в связи с этим возрастала потребность в увеличении технической оснащенности, обороняющийся в плотной обороне получал некоторые тактические преимущества.

В этой обстановке каждое новое наступление требовало от нас повышенной маневренности, быстрого и незаметного сосредоточения значительно превосходящих сил на одном каком-то участке, столь быстрого, чтобы противник не успел совершить ответного маневра. Стало быть, значительно повышалась и роль фронтовой разведки и контрразведки.

Родина отдала фронту все, что могла. Это касалось и людских резервов и технического оснащения. Промышленность работала на полную мощность, начали вводиться в строй промышленные предприятия на освобожденной земле. Прошлогодние бои давали свои результаты. Пошли в дело и донецкий уголь, и криворожская руда, и никопольский марганец, и многое другое.

Перед летне-осенней кампанией сорок четвертого года линия фронта имела протяженность в 4450 километров, она все еще простиралась от Баренцева и до Черного моря. Стояли на этой линии фронта одна перед другой многомиллионные армии с таким техническим оснащением, которого еще не знали предыдущие сражения.

Действующая Красная Армия насчитывала в своих рядах около шести с половиной миллионов человек. Ее огневая мощь приобрела чудовищную силу. Расчищая дорогу для наступления, готовы были открыть огонь 83 200 орудий и минометов.

Я вспоминаю предвоенные учения в Киевском и Белорусском военных округах. Никто тогда, я смело это утверждаю, никто не мог предполагать, что в войне могут быть задействованы такие силы артиллерии.

Красная Армия имела около 8000 танков и самоходных орудий, силы авиации перевалили за 11 800 самолетов.

Несмотря на то что фашистским захватчикам удалось временно отторгнуть огромные территории, несмотря на то, что на Гитлера фактически работала вся европейская промышленность, несмотря на все наши потери, на перебазирование промышленности в условиях военного времени, наш рабочий класс под руководством Коммунистической партии сумел выковать оружие победы и создал перевес в техническом оснащении нашей армии над армией немецко-фашистского блока. Это было важнейшей победой советского народа. К штурму вражеских укреплений, укреплений мощнейших, мы приходили не с голыми руками.

Сегодня многие западные военные историки, а также битые гитлеровские генералы на все лады твердят, что советское наступление сорок четвертого года проходило при огромном превосходстве советской стороны в технике и в людских резервах...

Огромного превосходства не было, было лишь некоторое превосходство, и Красная Армия била врага не числом, а умением. Хотелось бы кое-что напомнить моим бывшим противникам, а ныне моим противникам в освещении некоторых фактов из истории мировой войны.

А разве наступление сорок первого года, внезапное и вероломное, попирающее все нормы международного права, велось не при многократном превосходстве армии вторжения над Красной Армией?

Гитлер в 1941 году создал многократное превосходство в артиллерии, в танках и самолетах на направлениях своих главных ударов. Его армия имела за собой двухлетнюю практику ведения маневренной войны.

Здесь мы не слышим жалоб со стороны западных военных историков и гитлеровских генералов на то, что они

воевали при таком превосходстве. Они это обстоятельство относили за счет своего военного искусства, умения маневрировать войсками, умения концентрировать силы и средства наступления.

Много раз Геббельс объявлял, что с Красной Армией все покончено, в немецкой печати перечислялись разбитые начисто советские формирования, готовился парад гитлеровских войск на Красной площади, дымы Сталинграда объявлялись заревом новой эры в немецкой истории. Все рухнуло! Откуда же теперь слова о нашем превосходстве? Оно было создано в невероятно трудных условиях, невероятными героическими усилиями всего народа и его Коммунистической партии. Кто только в сорок первом и в сорок втором годах не предсказывал краха советского строя. Выдержал, выдюжил, не рассыпался, как рассыпались западные державы. В этом и прочность советского строя, гениальность советской стратегии, советской политики.

Против шести с половиной миллионов наших солдат в сорок четвертом году гитлеровская коалиция смогла уже выставить армию лишь в четыре миллиона. Остальные силы были разбиты в сражениях на советско-германском фронте. Все было мобилизовано в Европе. Но вся мобилизация, всех промышленных средств дала возможность гитлеровскому командованию сосредоточить на советско-германском фронте лишь 49 тысяч орудий и минометов, свыше 5200 танков и штурмовых орудий, около 2800 боевых самолетов.

Ясно, что с такими силами гитлеровская армия уже не могла предпринять сколь-нибудь серьезного наступления. История неумолимо перевела ее в положение армии обороняющейся. Но с такими силами было еще чем держать серьезную оборону.

Должен сказать несколько слов о немецком солдате и о младшем офицерском составе немецкой армии с чисто профессиональной стороны. В наступлении мне их пришлось видеть недолгое время, только в Сталинграде, а в Сталинграде бои носили специфический характер. В обороне я имел возможность оценить их достоинства. Это был сильный противник, искусный, упорный. Авторитет Гитлера и фашистской партии сильно упал в немецкой армии. Но оставалась верность присяге и понимание, что теперь уже и над их страной нависла смертельная угроза. Не думаю, что в 1944 году кто-нибудь в немец-

кой армии всерьез верил в гений Гитлера и в обещанное им чудо. Но не нужно было пропагандистских трюков Геббельса, чтобы «подбодрить» немецких солдат. Немецкий солдат знал, что им содеяно на нашей земле и, страшась расплаты, сражался с полной выкладкой, обнаруживая все, на что он способен. Оборона имеет свои характерные особенности. В обороне можно воевать меньшим числом, было бы умение. Так что нам предстояли огромные ратные усилия, чтобы реализовать полученное преимущество.

Теперь нам известны планы Ставки на летне-осеннюю кампанию сорок четвертого года. Тогда мы могли только о них догадываться по множеству признаков, которые могут много раскрыть военному человеку.

Прежде всего о линии фронта. Из начертаний линий фронта и исходила в своих планах Ставка, поставившая целью летом и осенью сорок четвертого года полностью очистить нашу землю от захватчиков и зыйти на территорию противника.

Линия фронта в то время образовывала в нашу сторону выступ севернее реки Припять. Южнее реки Припять мы вклинились глубоко в расположение врага. Северный выступ немцы называли «белорусским балконом». Он прикрывал пути к Варшаве и по прямой — к Берлину.

На этом «балконе» немецкое командование могло накапливать силы для ударов по нашим войскам, нацеленным на Восточную Пруссию. Отсюда были вероятны удары во фланг и тыл нашим войскам на юго-западном направлении, в случае нашего наступления на Львов и в Венгрию. Здесь располагались аэродромы, с которых гитлеровская авиация могла совершать налеты на Москву. Последние, пригодные для этого аэродромы.

По директивам Ставки Верховного Главнокомандования 17 апреля прекратили наступательные действия и перешли к обороне: 1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты; 18 апреля — 2-й Прибалтийский фронт; 19 апреля — Ленинградский, 3-й Прибалтийский, 3-й и 2-й Белорусские фронты, а 6 мая перешли к обороне 2-й и 3-й Украинские фронты. Бои на западном берегу Днестра за плацдарм Пугачены—Шерпены, которые вела 8-я гвардейская армия, собственно говоря, были последними боями перед наступившей паузой на всем советско-германском фронте протяженностью свыше 4 тысяч киломе-

тров от Баренцева моря и берега Черного моря в устье Днестра.

На этот раз фашистское командование не имело возможности, как год тому назад, под Курском, бороться за стратегическую инициативу. В результате побед под Сталинградом, под Курском Красная Армия резко изменила обстановку в ходе войны, наше наступление осенью и зимой сорок третьего года и зимой и весной сорок четвертого поставило в повестку дня задачу на полный разгром противника. Война шла к своему логическому завершению

В сорок первом году фашистские войска вели наступление на всем протяжении фронта, летом сорок второго года полоса наступательных операций значительно сузилась. Гитлеровское командование смогло развернуть наступление лишь на юге страны на Сталинград и Кавказ. В сорок третьем году полоса удара сузилась еще более, и он был отражен под Курском. На летнюю кампанию сорок четвертого года наступления фашистских войск не предвиделось. Армия агрессора, армия вторжения, армия, действовавшая по захватническим планам на частично занятой территории, переходила к обороне. История войн не знает примеров, когда оборона на частично захваченной территории привела бы к победе армию завоевателей. Теперь известно из многих документов, что гитлеровское военное командование в сорок четвертом году не надеялось военным путем избежать поражения. Все надежды Гитлера и его окружения сводились к возможности затянуть войну и найти выход из катастрофы в политическом плане. Интересны некоторые ответы генерал-фельдмаршала В. Кейтеля на допросе, проводившемся группой советских офицеров 17 июня 1945 года в Нюрнберге.

Генерал-фельдмаршал В. Кейтель занимал один из высших постов в вермахте, он был начальником штаба верховного командования.

Вопрос. Когда вам, как начальнику штаба верховного главнокомандования стало ясно, что война для Германии проиграна?

Ответ. Оценивая обстановку самым грубым образом, я могу сказать, что этот факт стал для меня ясным к лету 1944 года...

В. Кейтель добавляет: «С лета 1944 года я понял, что военные уже сказали свое слово и не могут оказать

решающего воздействия — дело оставалось за политикой...»

Проще говоря, гитлеровское командование рассчитывало на возможность столкновения внутри антифашистской коалиции, на возможный ее раскол под воздействием каких-либо, может быть, и неожиданных обстоятельств.

Известно, что группа немецких генералов даже сделала попытку устранить Гитлера, чтобы облегчить определенным кругам в правительствах наших союзников вступление в переговоры о сепаратном мире. Подробности заговора стали известны после войны, но о самом факте покушения на Гитлера мы узнали вскоре после того, как взорвалась бомба в его бункере. Никто из нас тогда не считал, что устранение Гитлера принесет нам облегчение. Рассчитывать мы могли только на свои силы. В расчете на эти силы и планировалась летне-осенняя кампания сорок четвертого года. Задача была ясной. Как можно скорее освободить все советские земли от захватчиков, освободить от фашистского ига миллионы советских людей, полностью разгромить агрессора. Мы тогда отлично понимали, что всякая затяжка действительно может сыграть на руку Гитлеру и его присным.

В первомайском приказе Верховного Главнокомандующего были достаточно полно сформулированы общие цели летне-осенней кампании сорок четвертого года. В приказе говорилось: «Очистить от фашистских захватчиков всю нашу землю и восстановить государственные границы Советского Союза по всей линии, от Черного моря до Баренцева моря... вызволить из немецкой неволи наших братьев поляков, чехословаков и другие союзные с нами народы Западной Европы, находящиеся под пятой гитлеровской Германии».

Конкретизируя эти задачи, переводя их в военную плоскость, Ставка Верховного Главнокомандования разработала планы наступательных операций.

Еще весной создалось невыгодное для нас начертание линии фронта на смоленско-минском направлении. В нашу сторону вдавался выступ севернее реки Припять. Именно здесь враг находился ближе всего к Москве. На первое место в летне-осенней кампании года выдвигалась задача разгромить крупнейшую группировку фашистских войск на «белорусском балконе», группы армий «Центр» и «Северная Украина».

В мою задачу не входит описание всех этапов сражения за Белоруссию. Я хотел бы отметить одну характерную особенность нашего нового широкого наступления. Удары наносились сразу на нескольких фронтах. Этим наше Верховное Главнокомандование лишало возможности гитлеровцев маневрировать и резервами и войсками, расположенными в обороне. Серия ударов на разных фронтах накатывающимися волнами привела к тому, что гитлеровское командование не сразу определило, где же Красная Армия наносит главный удар.

Наступившая пауза в конце апреля и начале мая была активно использована нашим командованием для подготовки наступления.

Грандиозные сражения лета 1944 года начались 10 июня нашим наступлением на Ленинградском фронте. 21 июня перешел в наступление Карельский фронт, а 23 июня началось сражение за Белоруссию. В сражение час за часом вводились более и более крупные силы. Как враг ни уплотнял оборону, она прорывалась на всех направлениях.

Начал 1-й Прибалтийский фронт под командованием генерала И. Х. Баграмяна. Тут же двинулись войска 3-го Белорусского фронта генерала И. Д. Черняховского и 2-го Белорусского фронта генерала Г. Ф. Захарова. Действия сухопутных войск трех фронтов поддерживали три воздушные армии генералов Н. Ф. Папивина, Т. Т. Хрюкина и К. А. Вершинина. В ожесточенных и массовых воздушных сражениях наши летчики завоевали господство в воздухе.

24 июня перешел в наступление 1-й Белорусский фронт под командованием генерала К. К. Рокоссовского. 29 июня К. К. Рокоссовскому было присвоено звание Маршала Советского Союза.

Развернулись ожесточенные бои под Витебском, Оршей и Бобруйском, на переправах через Березину. Наступали войска четырех фронтов. Их наступление поддерживали несколько воздушных армий. Только в сражении под Бобруйском на переправе через Березину командарм 16-й воздушной генерал С. И. Руденко поднял в воздух 400 бомбардировщиков под прикрытием 126 истребителей. Занималась заря полной и убедительнейшей победы над гитлеровской Германией...

Как все переменилось!.. В те же месяцы сорок первого года, используя преимущество вероломного нападе-

ния, временный перевес в живой силе и технике, гитлеровцы шли по этим же землям. Теперь наступали мы на противника могучего и громили его, гнали, уничтожали...

4 июля завершился первый этап грандиозных сражений в Белоруссии. В центре советско-германского фронта наши войска создали прорыв протяженностью в 400 километров. Мы получали возможность стремительно продвигаться к границам нашей Родины.

Такова была в общих чертах обстановка в те дни, когда 8-я гвардейская армия влилась в состав 1-го Белорусского фронта, чтобы нарастить удар, который начался в 20-х числах июня.

2

Расстояние в 800 километров на машине было преодолено менее чем за двое суток. 15 июня я, член Военного совета армии А. М. Пронин и командующий артиллерией Н. М. Пожарский прибыли в штаб фронта, расположенный в лесу западнее города Коростень.

В то время командующим фронтом, как уже упоминалось выше, был К. К. Рокоссовский, начальником штаба фронта — генерал М. С. Малинин. Рокоссовского в тот день в штабе фронта мы не застали, он выехал в войска на правое крыло фронта, севернее реки Припять. Принял нас генерал М. С. Малинин. Невысокий, круглолицый, степенный человек. Он ориентировал нас о ближайшей задаче и посоветовал, не дожидаясь командующего, выехать в район сосредоточения армии.

Его карандаш скользнул по карте, указывая путь; он на минуту задумался.

— Конечно, для армии опасности бандеровцы не могут представлять... Но при передвижениях высших командиров этими лесами они опасны! Осторожнее! — предупредил он. — Леса глухие, есть где спрятаться бандитам!

Малинин указывал на карте те самые леса, в которых предстояло сосредоточиться войскам армии.

Поехали мы вдоль железной дороги Коростень — Сарны. Глухие, почти непроходимые леса. Резкая перемена после бескрайних украинских степей. Мне эти места были знакомы еще по довоенной службе. Каждая станция была превращена гитлеровцами в укрепленный центр. Они расчистили вокруг станции леса, прорубили

просеки, соорудили огневые точки дерево-земляные и бетонные. Осесть они здесь надеялись надолго, но явно чувствовали себя неспокойно. Нам пояснили, что эти укрепления вокруг станций возводились против партизан. Возможно... Но эти укрепленные районы располагались и с расчетом на оборону на случай нашего наступления. С такого рода системой обороны по опорным пунктам мы встречались и на Украине.

До станции Рафалувка, возле которой должен был обосноваться штаб армии, доехали благополучно, хотя вдоволь наглотались пыли в сыпучих песках, по которым проходила дорога. Вскоре встретили первый эшелон штаба армии. После разгрузки штаб быстро развернулся в лесу и приступил к работе.

Сразу же провели авиационную разведку района сосредоточения армии. Важно было быстро развести войска со станций выгрузки и надежно укрыть их.

Выгружались эшелоны на станциях Рафалувка, Галлы, Антонувка, Тутовичи, Сарны. Командиры соединений и частей получили указание — передвижение войск и техники производить только в ночное время, строго соблюдая меры маскировки. Штаб и начальник тыла должны были четко наладить службу регулирования. На перекрестках дорог выставлялись контрольные посты во главе с офицерами штаба армии с задачей следить на месте за дисциплиной ночного марша. Войска располагались в лесу и тщательно маскировались. Запретили купание и стирку белья на открытых местах рек и озер. Следы гусениц по всему маршруту и в районе сосредоточения тщательно заметались. До особого распоряжения запретили всякую радиосвязь. Радиостанции опечатали. Разговоры по проводным средствам шифровались и кодировались.

Памятуя о предостережении М. С. Малинина о бандеровцах, мы прежде всего тщательно прочесали леса, проверили население деревень. В этом нам помогли местные органы НКВД. Мы должны были обезопасить себя и от лазутчиков, и от диверсантов, иначе все меры по маскировке армии оказались бы бессмысленными. На спокойную жизнь никто не рассчитывал. В эти дни шла последняя подготовка к сражению за Белоруссию, а нашей армии надо было и пополняться и учиться, учиться перед новым наступлением в новых условиях, резко отличных от условий на юге страны.

Военный совет армии провел подготовительную работу с политработниками. На них ложилась огромная ответственность в самой разносторонней подготовке личного состава армии к решению новых задач.

Политработник обязан был думать прежде всего о человеке, о солдате, о его моральной и политической подготовке к новым боям.

Командиры и политработники разъясняли бойцам обстановку, сложившуюся на советско-германском фронте, организовывали обмен боевым опытом, вели культурно-просветительную работу.

Передислокация нашей армии на направление главного удара совпала с открытием второго фронта в Европе. 6 июня войска союзников высадились в Нормандии. Должен сказать, что это событие не произвело сильного впечатления на фронтовиков. Самое трудное было уже позади. Это понимал каждый. Я помню, как бойцы ждали открытия второго фронта осенью сорок второго года, когда фашистские армии рвались на Кавказ, когда армия Паулюса втянулась в уличные бои в Сталинграде, когда севернее Сталинграда наши бойцы прямо с пятидесятикилометрового марша штурмовали укрепления гитлеровцев. Ждали открытия второго фронта и в страдное лето сорок третьего года, когда развертывалось сражение под Курском, и Гитлер подбрасывал в бой все новые и новые дивизии. Наша 8-я гвардейская армия в то лето штурмовала укрепления гитлеровцев по Северному Донцу, стучалась в ворота Донбасса. Мы видели, как гитлеровское командование вводит в бой новые резервы, и ждали... Вот-вот заговорят орудия на побережье Западной Европы...

Спору нет, лучше поздно, чем никогда. Несомненно, с первых же дней высадки десантов англо-американских войск во Франции положение гитлеровской Германии значительно усложнилось. Но мы не должны были забывать, что в рядах наших союзников действовали и враждебные нам силы. Шла по крупному счету тайная дипломатическая игра между некоторыми представителями правящих кругов западных держав и гитлеровцами. За нашей спиной мы могли ожидать предательского сговора.

Каждый отчетливо сознавал, что теперь мы изгнали бы врага с нашей территории и закончили бы победоносно войну и без второго фронта. Но мы не путали и не

смешивали событий. Одно дело — правящие круги различных стран, другое дело — солдат... Фронтовики с интересом и сочувствием следили за разгорающимися боями на побережье Нормандии. Каждый сознавал, что чем эффективнее будет наше наступление, тем легче будет нашим союзникам.

Особенно большая работа на политработников падала при подготовке вливающегося в нашу армию пополнения. Политработники организовывали встречи молодежи с прославленными воинами, со знаменитыми снайперами, артиллеристами, пулеметчиками, танкистами. Молодежь с глубоким интересом слушала рассказы ветеранов о боях и подвигах, о битве за Сталинград, о боях на Украине, о повадках и хитростях врага, о его тактике, о слабых и сильных ее сторонах, училась выработанным и испытанным в боях приемам.

В массово-политической работе участвовали все офицеры, все бывалые воины — от солдата до генерала.

Особое внимание при обучении войск уделялось умению воевать в лесистой местности, умению в этой обстановке вести разведку, расчищать дороги и тропы от завалов, волчьих ям, от мин в самых неожиданных местах. К этому времени немецкое командование начало очень широко применять мины.

Мины в основе своей оружие, конечно, оборонительное. Мины и ранее применялись немцами. Но теперь, увидев, что неминуемо надвигается поражение, немецкие саперы ставили мины не только там, где они могли помешать наступлению. Ставились мины-ловушки на уничтожение живой силы и с более дальним расчетом... С расчетом на поражение мирного населения и после войны...

На Украине много было своих трудностей. Особенно ветеранам 8-й гвардейской армии запомнились бездорожье гнилой зимы сорок третьего — сорок четвертого года, причерноморские лиманы, которые пришлось форсировать в момент весеннего паводка. Но с обширными болотами, в особенности торфяными болотами, там не приходилось сталкиваться. В болотистых лесах, прорезанных к тому же бесчисленными речушками с заболоченными берегами, военные действия требуют особых навыков. Надо было учиться прокладывать гати через топи, тщательно маскировать гнезда на деревьях для наблюдателей-разведчиков. Здесь мне отчасти прогодился опыт, который я приобрел во время войны с белофиннами.

Одновременно и разведка армии должна была работать с полной нагрузкой, без всякой скидки на новые условия. Мы должны были знать о противнике как можно больше.

Так командованию фронта стало известно, что к середине июля гитлеровцы перебросили в Белоруссию с других участков фронта свыше двадцати дивизий. Несмотря на это, наши войска, закончив уничтожение минской группировки противника, успешно развивали наступление и вышли на рубеж Вильнюс — Гродно — Волковыск. Правда, столь стремительное и глубокое продвижение сильно растянуло коммуникации, усложнилось снабжение, войска устали, требовалась передышка. Но, приостанавливая наступление на правом крыле, командование фронта готовило наступление на левом крыле. Для этой цели южнее Полесья, на Люблинском направлении была создана ударная группировка войск из нескольких общевойсковых армий и крупных подвижных соединений. В ударную группировку вошли: 47-я, 8-я гвардейская и 69-я армии. Во втором эшелоне стояла 1-я Польская армия. В районе Ковеля были также сосредоточены 2-я танковая армия, 11-й танковый, 2-й и 7-й гвардейские кавалерийские корпуса. Действия ударной группировки с воздуха обеспечивала 6-я воздушная армия.

47-я армия под командованием генерал-лейтенанта Н. И. Гусева, 8-я гвардейская и 69-я под командованием генерал-лейтенанта В. Я. Колпакчи получили задачу прорвать оборону противника западнее Ковеля. Осуществив прорыв, общевойсковые армии должны были обеспечить ввод в сражение 2-й танковой армии генерала С. И. Богданова и 2-го и 7-го гвардейских кавалерийских корпусов, которыми соответственно командовали генералы В. В. Крюков и М. П. Константинов, и во взаимодействии с ними развивать наступление на Седльце и на Люблин с последующим выходом на Вислу.

Ударной группировке противостояла 4-я танковая армия группы армий «Северная Украина». Она состояла из 8-го и 42-го армейских и 56-го танкового корпусов. В начале июля фашисты без всякого нажима с нашей стороны оставили ковельский выступ, врезавшийся в глубину нашей обороны. Тем самым они уплотнили свой фронт.

Враг успел создать три полосы обороны. Первая,

глубиной до шести километров, была оборудована траншеями полного профиля, соединенными ходами сообщения. Свой передний край противник прикрывал минными полями и проволочными заграждениями в два-три кола. В расположении его были высоты, некоторые из них господствовали над местностью и давали возможность просматривать наши позиции на значительную глубину. Высоты были подготовлены к круговой обороне и превращены в опорные пункты, связанные между собой системой огня. На флангах планируемого нами участка прорыва населенные пункты Мацеюв и Торговище враг тоже превратил в мощные опорные пункты. Фланкирующий огонь из них прикрывал подступы к вражескому переднему краю.

Вторую полосу обороны гитлеровцы создали по западному берегу реки Плыска — километрах в 12 от переднего края первой полосы. Здесь они отрыли одну, а местами две траншеи. Но главным препятствием для нас была сама река, небольшая, но с сильно заболоченной поймой.

Третья, армейская оборонительная полоса тянулась по западному берегу реки Западный Буг, в 35 километрах от второй. Она состояла из узлов сопротивления и опорных пунктов, внутри которых имелись траншеи. Дзоты находились во взаимной огневой связи. С фронта и флангов многие опорные пункты прикрывались заграждениями.

Таким образом, общая глубина подготовленной в инженерном отношении обороны противника достигала 50—60 километров. Кроме того, враг спешно строил еще один рубеж — по реке Висле. Однако у фашистов уже не было возможности держать войска на всех этих рубежах, тем более на висленском, удаленном более чем на 200 километров от переднего края. Вражеские войска занимали лишь главную и частично вторую полосу. Армейская полоса пустовала, предполагалось, что ее займут отходящие войска или подоспевшие резервы.

Цели немецко-фашистского командования были понятны: измотать и обескровить советские наступающие войска и остановить их продвижение на третьей полосе обороны, в крайнем случае на висленском рубеже. На большее гитлеровцам нельзя было рассчитывать: соотношение сил благодаря умелой перегруппировке войск было создано в нашу пользу. Ударная группировка пре-

восходила противостоящие немецкие войска по людям — втрое, по артиллерии и танкам — в пять раз. 6-я воздушная армия под командованием генерал-лейтенанта авиации Ф. П. Полынина располагала 1465 самолетами. Непросто было добиться такого перевеса в силах. Более тысячи орудий и минометов с боеприпасами были быстро и скрытно переброшены сюда с других участков фронта, подчас за сотни километров. Советское командование стремилось максимально использовать мобильность и маневренность артиллерии, мощь ее ударов, чтобы тем самым сберечь жизнь тысячам наших солдат.

Тщательно изучали мы и район боевых действий 8-й гвардейской армии. Он был сложным и трудным для наступления. Лесисто-болотистая низменность, изрезанная бесчисленными ручьями и осушительными каналами, стесняла маневр. Нам предстояло форсировать Западный Буг, реку с извилистым руслом шириной до 80 метров и глубиной 2—4 метра. Трудности были на каждом шагу. Даже такая неприметная речка, как Плыска, могла доставить нам уйму хлопот своими болотистыми берегами. Дорог было мало, да и те главным образом грунтовые, с разбитыми мостами, с давно не обновлявшимися гатями и насыпями.

В ожидании приказа о наступлении войска армии находились в 120 километрах от переднего края. Здесь они занимались боевой учебой и доукомплектованием.

Наконец пришла оперативная директива командующего фронтом. Она предписывает 8-й гвардейской армии прорвать оборону противника на участке Паридубы, Торговище и, уничтожив обороняющиеся вражеские части, к исходу первого дня операции овладеть рубежом Почапы — Хворостов — Хворостов Южный. На второй день мы должны выйти на рубеж Куснище I — Любомль — Подставе. На третий день — занять населенные пункты Гороховистко, Опалин, Голендры. На четвертый день — форсировать Западный Буг, с тем чтобы в дальнейшем наступать в направлении Парчев, Лукув.

По достижении рубежа Городно — Машев (ориентировочно на второй день операции) планировался ввод 2-й танковой армии под командованием генерал-полковника танковых войск С. И. Богданова.

Наступление обеспечивается авиацией 6-й воздушной армии. Справа от нас наступала 47-я армия. Она должна прорвать оборону противника на участке в 5 км. Слева на

участке в 4 километра прорыв осуществляют войска 69-й армии.

8-я гвардейская действует в центре оперативного построения войск левого крыла 1-го Белорусского фронта и обеспечивает ввод в прорыв фронтовой подвижной группы — 2-й танковой армии.

На подготовку наступления дается восемь суток.

С начальниками родов войск, командирами корпусов и дивизий мы провели рекогносцировку участка прорыва. Многое надо было учесть, взвесить, проверить, прежде чем принять решение. Оно рождалось в результате усилий большого и дружного коллектива.

Что нас ожидало нового в тактике противника? К тому времени геббельсовская пропаганда шумно восхваляла так называемую «эластичную оборону». В этой обороне гитлеровское командование использовало высокую подвижность и маневренность своих войск.

Ее принцип строился на внезапности в смене действий. Сначала плановый отход, затем внезапный контрудар, подкрепленный подвижными резервами или частями, спешно переброшенными с другого участка фронта. Мы это уже испытали на Днестровском плацдарме. На Днестре ни в штабе армии, ни в штабе фронта не ожидали, что жестоко потрепанные и разбитые гитлеровские войска способны организовать контрудар большой силы. Бои за Днестровский плацдарм Пугачены—Шерпены нас многому научили.

Второй раз с «эластичной обороной» мне пришлось столкнуться уже здесь, под Ковелем, на участке соседней 47-й армии.

6 июля враг оставил ковельский выступ и отошел на 20 километров. В штабе 47-й армии сочли, что гитлеровцы начали общий отход, не проверив дополнительной разведкой.

Такая оценка действий противника имела основания. Севернее Полесья наши войска к тому времени одержали крупную победу. 3 июля был освобожден Минск. В связи с поражением под Минском немецкое командование вполне могло принять решение об отходе и на Ковельском направлении с целью уплотнить свою оборону. Что в таком случае могло предпринять наше командование? Не дать гитлеровцам оторваться, преследовать отходящего противника, ворваться в его боевые порядки, рассечь отступающие части, может быть, даже попытать-

ся часть сил взять в окружение. Поскольку противник оставлял укрепленные позиции, создавалась как будто бы возможность ввести подвижные соединения с задачей выйти на оперативный простор. Вслед отходящему противнику, на его преследование, 8 июля был брошен 11-й танковый корпус. Безусловно, надо было бы провести тщательную разведку, проследить за передвижениями противника с воздуха. Но на это потребовалось бы время. А время в таких случаях драгоценно. Противник, отходя, мог успеть занять следующую линию обороны, а вся идея танкового удара заключалась в том, чтобы к этим укрепленным позициям успеть раньше противника, прошив его отступающие части. Корпус был поднят по тревоге и брошен вперед.

Передовые части корпуса шли на полной скорости. Они обогнали отступающую немецкую пехоту и натолкнулись на заранее подготовленные именно для такого случая оборонительные позиции. Перед тем как снять части для отхода, немецкое командование перебросило на вторые позиции соединения противотанковой артиллерии, разместив ее для фланкирующего и перекрестного огня. Наши танки попали под уничтожающий прицельный огонь на пристрелянных заранее площадях... Корпус понес большие потери. Короче говоря, и проще, танкисты попали в засаду. Спланированную, продуманную засаду.

...Ясно, что враг в новых условиях не цепляется за территорию. Возможно, если гитлеровцы почувствуют угрозу нашего наступления, то поспешат снова отойти на следующий рубеж, лишь бы сохранить свои силы. Леса и болота помогут им незаметно произвести маневр, организовать оборону и встретить неожиданным ударом наши наступающие войска.

Нет, нельзя допустить, чтобы противник обманул нас хитрым отходом и коварным контрударом. Нужно суметь разрубить «эластичную оборону» с наименьшими потерями. Но как это сделать?

Ведь и сейчас противник может спокойно допустить сосредоточение наших войск, а перед артподготовкой незаметно отойти. Мы израсходуем эшелоны боеприпасов, перепахивая покинутые окопы, а чуть двинется пехота вперед — враг с нового рубежа обрушит на нее заранее подготовленный огонь. В результате нам все придется начинать сначала: тратить время и сотни тысяч

снарядов на новую артподготовку, переразвертывать войска из одного порядка в другой и т. д.

Но где же ключ к решению задачи?

Надо найти такой оперативно-тактический прием, который помог бы нанести по врагу неожиданный и мощный удар, удар, настолько ошеломляющий и сокрушительный, чтобы противник был разгромлен сразу и не успел оттянуть свои силы на новые рубежи.

Для того чтобы уточнить группировку и силы противника, проводилась разведка боем. Но иногда разведка боем была нам во вред. Враг догадывался, что вслед за разведкой боем — через день, максимум через два — последует решительное наступление. За это время он успевал изменить свои боевые порядки, подтянуть резервы на угрожаемое направление или отходил из первых траншей и выходил из-под удара.

После напряженных раздумий, после анализа собранных сведений о противнике стало созревать решение. Оно основывалось на приобретенном опыте. На юге, в боях на Украине мы применяли разведку, перерастающую в наступление. Сущность этого приема заключалась в следующем: разведку боем мы начинали не за день или два, а за два-три часа до наступления, чтобы гитлеровцы не успели изменить свои боевые порядки.

Такая разведка — с короткой, но мощной артиллерийской подготовкой — велась не на одном участке, а на всем фронте предстоящего наступления. Цепи стрелковых подразделений — по две-три роты от полка с танками при поддержке артиллерийского и минометного огня — атакуют передний край противника. Если враг занимает основные позиции, то разведывательный эшелон в худшем для него случае будет остановлен перед передним краем неприятельской обороны. Зато в ходе боя наши артиллеристы уточнят огневую систему противника, чтобы часа через два уже наверняка провести артиллерийскую подготовку, уничтожая выявленные цели.

Если же противник, желая обмануть нас, оставит на первых позициях лишь подразделения прикрытия, а основные силы отведет в глубину своей обороны, наш разведывательный эшелон овладеет первыми траншеями и начнет продвигаться дальше, до основных вражеских позиций.

В том и другом варианте наши боеприпасы будут расходоваться по настоящим целям, а стрелковые части

и танки в своем продвижении не будут встречать неожиданностей со стороны противника.

С разведывательным эшелоном и вслед за ним продвигаются все средства разведки и наблюдения, точно засекая расположение пехоты, артиллерийских и минометных батарей, места сосредоточения резервов. Командиры всех степеней со средствами связи, наблюдая, следовали за разведывательным эшелоном и были готовы при необходимости в течение короткого времени организовать артиллерийскую подготовку и атаку основных позиций противника. Главные силы наступающих войск по сигналам командиров идут вперед, готовые на своих направлениях развернуться в боевые порядки и атаковать врага. Образно говоря, поднятый кулак основных сил армии движется за подразделениями, ведущими разведку боем, и может в любой момент опуститься на голову неприятеля.

Такая тактика требует непрерывного наращивания мощи удара привлечением свежих сил из глубины и непрерывным расширением полосы наступления. Это диктует особое построение боевого порядка, который двигался бы за разведывательным эшелоном в полной боевой готовности и на определенном расстоянии.

Под руководством армейского командования командиры корпусов и дивизий на практических учениях в поле и на рельефных планах отработали построения и боевые порядки войск, увязав взаимодействие со всеми родами войск.

3

Не скрою своих дум и волнений и о судьбе армии и о судьбе первого наступления гвардейцев Сталинграда в составе войск нового фронта. Армия покрыла себя неувядаемой славой в боях за Сталинград, она с честью пронесла гвардейское знамя по украинской земле, за ее спиной стояли бои за освобождение Донбасса, ночной штурм Запорожья, бои за никопольский марганец и криворожскую руду, армия участвовала в освобождении Одессы, сражалась на Днестре. Здесь, в составе 1-го Белорусского фронта, она должна занять подобающее ей место без каких-либо скидок на прошлые заслуги. Мы не имели права уронить славу сталинградцев.

Пожалуй, у каждого человека в новой обстановке пе-

ред решением новых задач обостряется не только чувство ответственности, но и чувство собственного достоинства. Я не верю людям, которые, играя в показную скромность, говорят, что они в такие моменты не думают о себе, о своем самолюбии. Отсутствие чувства достоинства и гордости в боевом деле делает человека безразличным и инертным. Мог ли я в новой обстановке быть равнодушным к боевой славе своих полков? Конечно, нет. В противном случае сдавай армию другому и подавай в отставку. Я верил, я знал: мы справимся, мы сможем поставить дело так, что полки и дивизии 8-й гвардейской и здесь приумножат славу своих знамен и будут служить примером для других соединений. Хотя это и не просто на 1-м Белорусском, войска которого накопили большой опыт как оборонительных, так и наступательных боев. Штаб фронта — бывшего Донского — имел замечательную практику руководства крупными операциями. В свое время он организовал разгром окруженной группировки Паулюса, с честью провел Курскую битву, прославился во многих выдающихся операциях...

Заканчивается подготовка к наступлению, идут последние дни, последние часы. Уже двинулись в широкое и мощное наступление войска соседнего 1-го Украинского фронта на рава-русском направлении. Уже его передовые отряды выходят на Западный Буг. Вступает в силу намеченное нашим Верховным Главнокомандованием взаимодействие фронтов. И наш черед...

Проведены в корпусах и дивизиях рекогносцировки, уточнены последние данные о противнике, известна обстановка. Настало время принять развернутое решение Военному совету армии и мне, как командарму.

В основу решения были положены следующие соображения:

Противник уже один раз без нашего нажима отвел свои войска на 20 километров. Возможно, если он почувствует нависший удар, то он, с целью сохранения своих сил, легко решится отойти на следующий оборонительный рубеж еще и еще раз. Лесисто-болотистая местность вполне способствует такой оборонительной тактике.

Для нас, наступающих, такая тактика противника может привести к затяжным маневрам и боям на неизвестных позициях, к возможным частым и напрасным развертываниям своих сил и особенно артиллерии.

Нам, наступающим, важно захватить или «прихва-

тить» противника на такой позиции и в такое время, чтобы он не сумел бы с нее уйти без боя с нашими превосходящими силами.

Своими действиями, в особенности разведкой боем, мы не должны заставить противника покидать занимаемые позиции. В то же время наш удар должен быть решительным, с наращиванием вводимых непрерывно сил из глубины без промедления с использованием расширяющихся границ наступления армии после прорыва. Это требовало и соответствующего оперативного построения армии.

Прорвать оборону противника было решено во взаимодействии с частями 47-й и 69-й армий на участке Паридубы—Торговище и, уничтожив его противостоящие части, овладеть рубежом Волянщина — Окунин — Новоселки, где ввести в прорыв 11-й танковый корпус и стрелковые дивизии второго эшелона. Не прекращая наступления ночью уничтожить резервы противника, овладеть районом Любомль и обеспечить ввод в прорыв 2-й танковой армии.

В дальнейшем предполагалось захватить переправы через Западный Буг, форсировать его и развивать наступление в общем направлении на Парчев, Лукув.

Оперативное построение армии было одноэшелонным, все три стрелковых корпуса в линию. В резерве армии оставлялись три дивизии, по одной от каждого корпуса. Корпуса строили боевые порядки в два эшелона — одна дивизия в первом, другая — во втором эшелоне.

Наличие подготовленного рубежа обороны по реке Западный Буг диктовало необходимость быстрейшего выхода на этот рубеж и его захват. Поэтому планировалось в первый день наступления ввести в бой 11-й танковый корпус и нарастить удар общевойсковых соединений с тем, чтобы на плечах противника, и даже опережая его, с ходу форсировать реку Западный Буг и прорвать армейский рубеж обороны противника.

Для поддержания высоких темпов прорыва и наступления, дивизии второго эшелона корпусов вводились в бой с утра второго дня, то есть вслед за вводом в бой 11-го танкового корпуса.

Поскольку командованием фронта планировался ввод в прорыв 2-й танковой армии на участке прорыва 8-й гвардейской армии, решено было, что лучшим обеспечением ввода ее в прорыв будет быстрое безостановочное

наступление общевойсковой армии. Это обеспечивалось глубоким построением боевых порядков соединений армии.

На основе принятого решения был разработан план операции с детальным изложением действий войск и произведены все необходимые расчеты.

При принятии решения на прорыв учитывалась возможность отхода противника на реку Западный Буг. В связи с этим было решено до начала общей атаки, то есть атаки главными силами, провести разведку боем. Для этой цели было выделено от правофланговой и центральной дивизий по два стрелковых батальона, а от левофланговой дивизии — один стрелковый батальон. Разведка проводилась на всем фронте наступления армии.

Выделенным частям была поставлена задача — овладеть высотами на переднем крае первой позиции и, развивая наступление, овладеть высотами на рубеже Трубли — Видють, то есть на 3 километра в глубине обороны. С разведывательными батальонами следовали также танки НПП и танки-тральщики. Для обеспечения действий этого мощного разведывательного эшелона была спланирована 30-минутная артиллерийская подготовка.

Решением предусматривалось, в случае успешных действий разведывательного эшелона, перейти в наступление главными силами без проведения артподготовки и прорвать оборону противника на всю глубину оборонительной полосы. Если же этот разведывательный эшелон не выполнит поставленной задачи, то есть будет остановлен на переднем крае обороны противника, тогда должна проводиться артподготовка продолжительностью 1 час 50 минут, а затем атака основными силами всего первого эшелона армии.

В этом решении предусматривалось сильной разведкой не только вскрыть передний край и силы противника, но и возможность перерастания действий разведывательного эшелона и главных сил в общее наступление без проведения артиллерийской подготовки.

В первый день операции три дивизии первого эшелона должны были атаковать передний край обороны противника, прорвать его и, следуя за огневым валом, овладеть рубежом Высокое — Окунин — Новоселки и обеспечить ввод в бой 11-го танкового корпуса. Развивая дальнейшее наступление, предполагалось овладеть рубе-

жом обороны противника по реке Плыска и к исходу дня выйти на рубеж Куснище — Любомль — Радзехов.

Дивизии вторых эшелонов корпусов к утру второго дня должны были выйти на этот рубеж и вместе с дивизиями первого эшелона и 11-м танковым корпусом развивать наступление.

Дивизии армейского резерва должны были следовать за дивизиями вторых эшелонов и корпусов и к исходу дня выйти на рубеж реки Плыска.

На второй день операции дивизии первого эшелона, развивая наступление, к исходу дня должны были выйти на рубеж Гороховиско—Опалин—Свеже, захватить переправы в районах Забужье, Опалин, Свеже и плацдарм на западном берегу реки Западный Буг.

С вводом в прорыв 2-й танковой армии дивизии первого эшелона стрелковых корпусов должны были неотступно следовать за ней. Дивизии армейского резерва к исходу второго дня операции должны были выйти на рубеж Перекорка — Ровно.

На третий день операции дивизии первого эшелона обеспечивают переправу главных сил 2-й танковой армии через реку Западный Буг и продолжают наступление за ее соединениями.

Остальные соединения армии форсируют реку Западный Буг и продолжают наступление по задачам, которые должны быть уточнены ко времени выхода войск армии к реке Западный Буг.

Так планировались действия войск в этой наступательной операции.

Несколько слов необходимо сказать о том, какими силами располагала в то время армия. В июне месяце, как уже упоминалось, пополнялся ее личный состав. Численность личного состава дивизий была доведена до 6700 человек. К началу операции армия имела 9 стрелковых дивизий. Кроме того, армия была усилена рядом танковых частей. Нам были приданы 11-я гвардейская танковая бригада (53 Т-34), 34-й и 36-й гвардейские тяжелые танковые полки (42 ИС-122), 166-й инженерный танковый полк (21 танк-тральщик), 1061, 1087, 1200-й самоходно-артиллерийские полки (63 СУ-76), всего 179 бронеединиц.

В распоряжении командующего артиллерией армии Н. М. Пожарского находилось 2231 орудие и миномет, 501 установка гвардейских минометных частей.

Продумано было и инженерное обеспечение. Нам придавались 41-я мотоинженерная бригада РГК (5 батальонов), 64-я инженерная саперная бригада (4 батальона), 85-й отдельный мотопонтонный батальон.

Для того чтобы отработать взаимодействие соединений и частей армии, мы провели за сутки до наступления розыгрыш предстоящей операции. Был подготовлен точный макет местности. На него нанесли всю оборону противника, места расположения его резервов, артиллерии, танков. В розыгрыше принимали участие командиры корпусов и дивизий, начальники родов войск и служб. На занятии присутствовали Маршалы Советского Союза Г. К. Жуков и К. К. Рокоссовский, Главный маршал авиации А. А. Новиков, маршал войск связи И. Т. Пересыпкин, командующий 2-й танковой армией генерал-полковник С. И. Богданов.

Командиры хорошо поняли замысел и план операции. Сказывалось единство взглядов, сложившееся еще в боях на Волге, а затем на Украине. Не было сомнений, что люди вложат в дело всю свою душу, проявят инициативу, решительность и настойчивость.

Не обошлось без борьбы за намеченный нами план операции. Кое-кто из работников штаба фронта недоумевал, почему мы наметили более высокие темпы наступления, чем фронтовое командование. Возмутились и артиллеристы фронта: почему при разведке боем планировался большой расход снарядов, к тому же и крупных калибров? Не все могли понять, что мы собираемся сочетать разведку боем с прорывом всей обороны противника. Мы пытались провести в жизнь новое, шли вопреки некоторым сложившимся традициям, привычным шаблонам. И ясно, что не все это сразу поняли и приняли.

Пытаюсь доказать преимущество предложенного нами способа. Разговор постепенно принимает форму спора. А военные знают, что спорить с начальством — дело не из приятных. Но мне помог командующий фронтом К. К. Рокоссовский. Он во всеуслышание заявил:

— Вы командарм, вы решаете и вы будете отвечать и за хорошее и за плохое...

Это меня вполне устраивало.

Летчики недоумевали, что я нацеливаю их не на передний край обороны противника, а на артиллерийские позиции, расположенные в глубине вражеской обороны.

Пришлось разъяснить, что вражеский передний край наши артиллеристы хорошо знают, что при нашей мощи огня там все будет разрушено и подавлено. В глубине же обороны противника артиллерия не может добиться той же эффективности, как авиация. Летчики поняли, что от них требуется.

Военный совет, командиры и политработники готовили армию к предстоящим действиям. Состоялись совещания бывалых воинов. Ветераны армии собирались в лесу, под открытым небом. Без длинных речей, коротко, по-деловому обсуждали они задачи солдат и сержантов, с тем чтобы после пойти в отделения, расчеты и побеседовать с каждым бойцом...

НОВАЯ ЗАДАЧА

1

В ночь на 14 июля 1944 года дивизии первого эшелона армии вышли на исходные позиции на участке прорыва. Впереди наших дивизий занимала позиции 60-я стрелковая дивизия 47-й армии, ранее оборонявшаяся на этом участке. Наши артиллеристы крайне осторожно вели пристрелку по обнаруженным огневым точкам врага. Похоже было, что мы сумеем незаметно войти в соприкосновение с противником. Шла, как говорится, последняя доводка. Вот-вот грянет бой...

Поднявший меч от меча и погибнет! Не мы начинали эту разорительную войну. Где-то здесь, в этих местах, торжествующие, ликующие захватчики прорывали наши редкие боевые порядки и считали, что начали победоносную войну. А сегодня... Мы старались не вспугнуть противника, чтобы враг не оставил позиций без боя.

За несколько дней до наступления мне сообщили, что после ввода в прорыв 2-й танковой армии, вслед за нами двинется 1-я Польская армия. Нам стало известно, что на командный пункт 8-й гвардейской армии 17 июля прибудет польское командование, чтобы посмотреть организацию прорыва обороны противника. Мы ждали гостей, надеясь, что они найдут что посмотреть, чему поучиться.

Выход Польской армии на поля сражений в составе нашего фронта расценивался нами, как немалое событие военно-политического значения.

В годы, предшествующие первой мировой войне, в последние дни мира в Европе, еще общими усилиями европейских народов можно было остановить страшный разбег Гитлера. Стоял вопрос о Чехословакии. Стоял вопрос о ее защите от фашистского агрессора. Польское буржуазное правительство отказалось пропустить Красную Армию по польской земле... Как Советский Союз без этого согласия мог выполнить свои союзнические обязательства перед чешским и словацким народами? Преда-

вая своего соседа на западе, польские правители тем самым предали и свой народ, отдав его на растерзание гитлеровцам.

Пилсудский, Рыдз-Смиглы, Сикорский... Каждый из них пытался играть какую-то самостоятельную политическую роль, но все они были всего-навсего марионетками империализма. Ингересы польского народа были и далеки им и чужды. Разве польское буржуазное правительство не отдавало себе отчета, чем грозит польскому государству, польскому народу вторжение гитлеровских полчищ? Они не были слепы! Но фашизм их страшил меньше, чем польский революционный рабочий класс, чем задавленное нуждой польское крестьянство.

Когда в сентябре 1939 года в Польшу хлынули фашистские войска, мы переживали это как свое горе. Польскому народу грозило физическое истребление... И только Польская коммунистическая партия не сложила в те дни оружия, партия, загнанная в глубокое подполье своими же отечественными мракобесами. Силы были неравны. Наш народ в той степени, в какой это было возможно в то время, в той степени, в какой это позволяла политическая обстановка в Европе, пришел на помощь польскому народу.

По инициативе польских коммунистов, находившихся в эмиграции в Советском Союзе, весной 1943 года был создан Союз польских патриотов. В апреле 1943 года этот союз обратился к Советскому правительству с просьбой разрешить сформировать на советской территории польское воинское соединение, которое могло бы принять участие в борьбе с гитлеровцами. Просьба была удовлетворена. Сначала польские патриоты сформировали дивизию имени Костюшко. Затем формирование выросло в армию. Армия получила прекрасное оснащение, современное оружие, была обучена. Настал и ее час вступления в бой.

Командующий армией генерал-лейтенант Зигмунд Берлинг, член Военного совета армии Александр Завадский в сопровождении офицеров штаба прибыли на наш командный пункт в ночь на 18 июля, за несколько часов до начала наступления. Они ехали проселочной дорогой, которая методически простреливалась немецкой артиллерией. Мы очень волновались за своих польских друзей. К счастью, все обошлось благополучно.

Легко представить нашу радость. Мы встретили до-

рогих гостей по-братски, торжественно, да еще и в часы вообще торжественные для жизни фронтовиков, в последние часы перед началом наступления.

Ночь выдалась на редкость тихая, глухая. Над болотами висел невысокий, но плотный туман. Он глушил все звуки. Изредка и где-то далеко, за лесными массивами, утонувшими в полной темноте, вспыхивали зарницы и доносился гул взрывов. Это наши бомбардировщики наносили удары в глубоком тылу противника.

Польские товарищи засыпали нас вопросами. Чувствовалось, что они и сами рвутся в бой. Их можно было понять. Впереди, не так уже и далеко пролегала польская граница. Недалеко был город Люблин, люблинская возвышенность, с которой, образно говоря, просматривалось будущее свободной Польши. За Люблиным лежали родные польские села, деревни, города. А там недалеко и столица — Варшава. Исстрадавшийся польский народ ждал освободителей.

Близился поворотный момент в истории польского народа, близилось его вступление в новую эру. Над Польшей занималась заря социализма. Это понимали и мы и наши польские друзья.

А между тем под покровом ночи шла напряженная работа. Части дивизии первого эшелона сменяли последние части 60-й стрелковой дивизии. Полки и батальоны выходили на исходные позиции.

Занялся ранний июльский рассвет. В лесу он вступал в свои права медленно, как бы даже неохотно. Сначала проступили из темноты верхушки могучих сосен, затем обрисовались зубчатые макушки еловых боров, ушла тьма из чащи, засверкали росистые поляны, поредел синеватый туман...

Командный пункт был размещен на высоте 202. К нему тянулись провода с передовых НП корпусов и дивизий. Проводная связь проходила, как нерв, по оси и направлениям намеченных ударов. Рации еще молчали, их час не настал.

Мы с Пожарским сверили часы еще с вечера. Я смотрел на минутную стрелку, затем на секундную. Пять часов тридцать минут...

Сразу заговорили орудия всех калибров. На один километр прорыва было сосредоточено местами свыше двухсот стволов. Казалось, что земля поплыла под ногами.

Сначала слышался грохот разрывов. Этот гул нарастал по мере того, как включались крупные калибры. Впереди, на позициях противника, все смешалось. Пыль, огонь, дым, фонтаны земли и болотистой жижи закрыли, затмили солнце. Утренний свет померк. Бушевал артиллерийский ураган возмездия...

Потом уже стало известно, что за тридцать минут артиллерийского налета артиллерия армии выпустила 77 300 снарядов.

— Душа поет! — восклицал Пожарский. — Поклон, глубокий поклон нашим рабочим... Это настоящий огонь!

За огневым валом поднялись в атаку разведывательные отряды. В шесть часов с минутами по проводам уже шли сообщения, что передовые отряды за танками НПП и танками-тральщиками ворвались в первые траншеи, овладели передним краем обороны и господствующими высотами. Я отдал приказ о переходе в наступление главными силами армии.

На мой передовой наблюдательный пункт прибыли командующий фронтом Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский и Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. С ними приехал и командующий артиллерией фронта генерал-полковник артиллерии В. И. Казаков, а также командующий 1-й Польской армией генерал-лейтенант Берлинг, член Военного совета армии генерал Александр Завадский и другие офицеры.

Генерал-полковник артиллерии В. И. Казаков спросил Пожарского:

— Что здесь у вас за гром? Так-то вы ведете разведку боем!

Николай Митрофанович видел, что план наш оправдался. Он спокойно ответил Казакову:

— Обратитесь к командующему армией! Он вам объяснит, чем вызван такой огонь...

Но Рокоссовский прервал готовый вспыхнуть спор:

— Мы им доверили операцию... Спросим итоги, а не то, как они вели огонь!

Об итогах говорить было пока еще рано. Поступали донесения об ожесточенных рукопашных схватках в уцелевших опорных пунктах обороны противника. Но главное, главное было достигнуто. Противник был «прихвачен» на месте, он не отошел за ночь с позиций, а это означало, что с минуты на минуту начнут поступать донесения о прорыве первой позиции.

В семь часов с минутами я смог доложить командующему фронтом и представителю Ставки, что первая позиция главной полосы обороны противника повсеместно прорвана. Главные силы армии вводились в бой без основной артиллерийской подготовки, без огневого вала. Этот метод прорыва обороны противника сэкономил государству многие сотни тысяч снарядов, сотни тонн авиабомб и горючего.

В бой с противником вошли главные силы дивизии первого эшелона. Противник попытался остановить их продвижение артиллерийским огнем. По его батареям тут же открыла огонь наша артиллерия, а затем обрушила бомбовые удары и наша авиация. В течение нескольких минут немецкая артиллерия была подавлена. То, что не могли сделать артиллеристы, доделали летчики.

Первым же броском наши войска углубились на несколько километров. К 17 часам наши части подошли к реке Плыска. Это уже была вторая полоса обороны противника. Здесь немецкое командование сделало еще одну попытку сдержать наше продвижение вперед. Но гвардейцы не остановились. 47-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием полковника В. М. Шугаева с ходу форсировала болотистую речку и завязала бой на противоположном берегу. Вслед за ней вступила в бой на переправах 88-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием генерала Б. Н. Панкова. Одним полком она форсировала речку в районе Хворостова. Подошла к реке и 27-я гвардейская стрелковая дивизия генерала В. С. Глебова.

К концу дня наши войска вклинились во вторую полосу обороны врага.

11-й танковый корпус к этому времени занял исходное положение в районе Окунин и Новоселки, направив свою разведку на западный берег Плыски.

Авиасоединения 6-й воздушной армии продолжали наносить удары по боевым порядкам и пунктам управления противника в глубине его обороны. Всего летчики произвели 855 самолетозылетов.

Польские товарищи пришли в восторг от всего увиденного. Все происходящее они также воспринимали как справедливое возмездие. Нам с трудом удалось уговорить их от поездки в боевые порядки у горловины прорыва.

Бой не прекращался и ночью. Разведчики и артилле-

ристы выявляли огневые средства противника. Инженерные части строили мосты и переправы для танков и артиллерии. В темноте 88-я стрелковая дивизия полностью переправилась на западный берег Плыски.

Утром 19 июля вновь заговорила артиллерия армии. На этот раз двадцать минут кромешного ада на позиции противника. Войска вновь пошли в атаку. К 11 часам 30 минутам они вышли на рубеж Городно — Машев.

Во второй половине дня двинулись танки. На этот раз 11-й танковый корпус, переправившись через Плыску, вошел в чистый прорыв с рубежа Скибы — Машев. Он рассек отступающие части противника и, обогнув город Любомль с севера, пошел по тылам врага. Корпус вместе с частями усиления двигался по двум маршрутам, имея боевой порядок в два эшелона.

На рубеже Куснище — Любомль 36-я и 65-я танковые бригады были остановлены противником. Тогда немедленно вступила в бой 20-я танковая бригада, шедшая до этого во втором эшелоне. Она обошла Любомль с севера и устремилась на запад. Это решило судьбу Любомля. Вскоре 47-я гвардейская стрелковая дивизия во взаимодействии с 65-й танковой и 12-й мотострелковой бригадами овладела городом.

По ходу боя мы могли судить, что на основных рубежах сопротивление противника было сломлено. Внезапность удара и созданное превосходство в силах сыграли свою роль на всем фронте прорыва, на участках наступления 47-й и 69-й армий также был полный успех.

Лесом я переезжал с одного наблюдательного пункта на другой. На лесной дороге повстречался с обычной для тех дней «процессией». Несколько наших автоматчиков сопровождали в наш тыл группу немецких военнопленных. Мрачные, казалось бы, должны быть лица. Радости, конечно, на лицах военнопленных не читалось, но ими явно владело чувство облегчения. Кончилось... Закончилась бесславный поход, начатый три года тому назад в этих местах. Я не удержался, остановился возле колонны. Под рукой случился и переводчик. Из немцев же. Говорил он на ломаном языке, с сильным акцентом, но легко понимал живую речь.

Военнопленные подтянулись, сколько могли привели себя в порядок. Не думаю, чтобы наши военнопленные вот так же вытягивались перед немецким генералом. Я обратился к переводчику:

— Спросите у своих, — сказал я ему, — кто-нибудь из вас может объяснить, что происходит?

Вопрос был переведен точно. Те, кто был постарше, закричали в ответ:

— Гитлеру капут! Капут!

Солдаты и офицеры помоложе помалкивали. Вопрос они поняли глубже.

— Что происходит? — повторил я вопрос.

Они между собой посовещались. Переводчик перевел ответ:

— Мы отступаем, господин генерал! Наши офицеры не знали, что на нас обрушатся такие силы...

— Это мы знаем, что вы отступаете... Это мы видим! Но это еще не все объясняет...

Ко мне поближе протиснулись пожилые солдаты... Мне перевели, что их давно мучило недоумение, откуда у русских такое обилие техники, откуда взялась такая мощная артиллерия... Они уже считали, что наша промышленность разрушена. Среди солдат были рабочие-металлисты. Советская промышленность оказалась значительно более мощной, чем им говорили в начале войны... «Война проиграна». Этих слов я от них и ждал.

— Вы шли, — говорил я им, — чтобы захватить нашу страну... Это была цель войны... Остались считанные километры, и наша земля будет полностью освобождена... Война вами действительно проиграна... Что после этого должно последовать в цивилизованном обществе?

— Мирные переговоры, — ответил мне кто-то из военнопленных.

— Это если исход войны неясен... Сегодня он ясен!

— Гитлер говорит, что у него есть секретное оружие!

— У нас есть такое же! Дальше что?

В ответ молчание...

На меня смотрел ненавидящими глазами молоденький обер-лейтенант. Он держал руку на перевязи, был исцарапан, грязен, весь в мазуте. По форме — танкист.

— Германия не капитулирует! — заявил он. — Немецкий солдат умеет сражаться до последнего...

Много лет спустя, когда я командовал Советскими войсками в Германии, мне довелось встретиться с обер-лейтенантом. Он стал отличным офицером в войсках Германской Демократической Республики.

Что мне дал этот разговор с военнопленными?

Во-первых, он подтвердил, что сила нашего удара

оказалась для немецкого командования неожиданной. Во-вторых, я убедился, что психологически враг сломлен, что этим созданы главные предпосылки для развития наступления в нарастающем темпе. Моральное состояние войск я всегда считал главным в любом сражении. Наши воины шли в бой с подъемом, противник шел в бой, ожидая поражения.

По данным авиационной разведки разбитые части отходили за Западный Буг, пытаясь зацепиться за новую линию обороны.

Перед нами вставала задача — преследуя противника, с ходу форсировать и этот водный рубеж, сбить врага с позиций и на его западном берегу.

На рубеже Куснище — Любомль — Вишнев вошли в бой вторые эшелоны стрелковых корпусов. Они получили задачу как можно быстрее выйти к Западному Бугу на широком фронте и с ходу форсировать реку. Наши стрелковые корпуса наступали в двухэшелонном построении боевых порядков.

С удовлетворением мы следили за действиями соседей. Они тоже успешно вели наступление и двигались вровень с нами.

Бои не прекращались и ночью. К утру 20 июля 65-я танковая бригада и части 57-й гвардейской стрелковой дивизии стремительным броском вышли на Западный Буг в районе Гущи. Используя броды, они форсировали реку. Подошедшая 47-я гвардейская стрелковая дивизия к 10 часам утра также переправилась на западный берег. Одновременно на рубеж реки Буг подтянулись 39-я и 88-я дивизии 28-го гвардейского стрелкового корпуса. Форсировав реку в районе Гнищув — Сверже, они постепенно расширяли захваченные плацдармы.

Таким образом, к полудню 20 июля армия двумя корпусами форсировала Западный Буг на фронте до 15 километров. Продолжая развивать наступление на запад, войска одновременно наводили паромные переправы через реку.

2-я танковая армия — основная ударная и мобильная сила нашей группировки — в сражение еще не вводилась, хотя ее ввод планировался на второй день операции. Она не успевала за общевойсковыми армиями развернуться и выйти вперед до реки Буг. Пока мы обходились силами 11-го танкового корпуса.

Утром 20 июля мы с начальником штаба В. А. Бе-

лявским выехали в расположение 4-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-лейтенанта В. А. Глазунова. Штаб корпуса располагался неподалеку от Опалина. Там Глазунов во взаимодействии с 11-м танковым корпусом начал переправу через Западный Буг. С нами поехал и командующий 2-й танковой армией генерал-полковник танковых войск С. И. Богданов. Он не расставался со мной с первого дня наступления. Его нетерпение было понятно, но и понятна его выдержка. Танковая армия сохранялась, как занесенный молот над наковальней. Нужно было устранить все, чтобы удар такого мощного соединения пришелся по обнаженным боевым порядкам противника.

С восточного берега Буга по огневым точкам, по артиллерийским позициям противника била наша артиллерия. Пожарский успел подтянуть сюда и крупные калибры. Под прикрытием артиллерии, при поддержке с воздуха гвардейцы Глазунова и танкисты наладили переправу и расширяли плацдарм на западном берегу.

Торжественная минута, хотя пришла она и в будничной боевой обстановке. Мы пересекли государственную границу, изгоняя врага, которую он вероломно нарушил три года тому назад. Чувствовалось, что здесь мы не остановимся даже для оперативной паузы, а погоним противника и дальше на запад. Уже и не в бинокль, а невооруженным глазом просматривалась польская территория. Как мне понятно было волнение наших польских товарищей!

Между тем события развивались. Нас беспокоил правый фланг. На правом фланге действовал 29-й гвардейский стрелковый корпус генерала Я. С. Фоканова. С Фокановым мы прошли огромный боевой путь. Его корпус в составе 8-й гвардейской армии участвовал в самых тяжелых боях на юге Украины. Генерал был опытным, волевым военачальником. Но в каждом наступлении создаются свои трудности. Ночью мы получили сообщение, что его корпус отстает от общего наступления. Но видя, как налажена переправа в корпусе генерала Глазунова и у танкистов, мы были в полной уверенности, что и 29-й гвардейский корпус тоже вышел на берег Западного Буга. Мы поехали на правый фланг по берегу реки. Должен признаться, что это было большой неосторожностью. С нами ехал и генерал Богданов.

Дорога шла то лесом, то открытым берегом. Вот уже

проехали километров восемь. Нигде, ни в одном месте мы не встретили ни одного нашего воина. У въезда в поселок Заблужье вдруг увидели немецких солдат, группами пробирающихся к берегу реки. Не вступать же в перестрелку командармам с немецкими солдатами. Мы резко свернули на восток. Та же история. Нигде не было видно наших. Это было и досадно и непонятно. Ночью Фоканов докладывал, что ведет тяжелые бои. С кем он мог вести тяжелые бои, что ему мешало сейчас выйти к Бугу?

На лесной дороге мы чуть было не попали под огонь наших разведчиков из 27-й гвардейской стрелковой дивизии генерала В. С. Глебова. Выручило нас только то, что бойцы знали меня в лицо. Я приказал разведчикам идти к берегу Буга, мы поехали в деревню Гороховище, где, как подсказали разведчики, размещался штаб корпуса.

Застали мы, прямо скажу, умилительную картину.

На крылечке крестьянской избы мирно беседовали генерал Фоканов, начальник штаба корпуса полковник Козловский и два представителя командования фронта.

Подъехали мы к ним не с востока, как они могли ожидать, а с запада...

С Фокановым мы были люди «свои». Выяснение отношений можно было отложить, но представителей фронта я предупредил. Мы с Богдановым повезли «отдохнувших» командиров в Заблужье, чтобы они имели возможность командовать войсками с берега Западного Буга...

Немецкое командование прикладывало все усилия, чтобы задержать наше продвижение. По берегу Западного Буга шли оборонительные позиции. Там собирались отступающие немецкие части. Немецкое командование поспешило их усилить, перебросив с других участков фронта части 213-й пехотной дивизии, 489-й охранный батальон и 609-й мотобатальон. Свои контратаки противник сосредоточил против наших плацдармов на западном берегу. Особенно ожесточенные бои разгорелись около населенных пунктов Добрылев и Рудки. Пехота и танки противника несколько раз бросались в контратаки.

Но мы уже имели богатый опыт сочетания наступательных боев с обороной. Там, где гвардеец успевал закрепиться, контратакой его сбить невозможно. На этот

раз мы располагали и мощной танковой поддержкой. При отражении немецких танковых контратак особенно эффективно действовали тяжелые танки ИС, вооруженные 122-миллиметровой пушкой. Эга пушка имела большую дальность прямого выстрела. Ее мощный снаряд при большой начальной скорости прошивал насквозь броню немецких танков, даже броню «королевского тигра».

Первое время немецкие танкисты, рассчитывая на мощность брони «королевского тигра», шли на сближение с танками ИС и попадали под уничтожающий огонь. Теперь они были осторожны. Наши танкисты смело шли на сближение с противником, прокладывая путь вперед для стрелковых частей.

На западном берегу, уже на польской земле, в тот день отличились и артиллеристы. Мне доложили о подвиге орудийного расчета, которым командовал гвардии старший сержант Петр Швыряев из 88-й гвардейской стрелковой дивизии.

Гитлеровцы укрепились на опушке леса. В кустарнике они замаскировали три танка и несколько пулеметов, которые простреливали прилегающую местность. Выбить оттуда гитлеровцев было приказано орудийному расчету Петра Швыряева. В клубах пыли прямо на вражеские позиции помчался «додж» с прицепленным к нему 76-миллиметровым орудием.

Фашисты не стреляли. Они, очевидно, решили, что машина ворвется в лес и достанется им в исправности, но они просчитались.

Водитель машины старший сержант Игорь Бакеркин на полном ходу выскочил на фланг немецкой позиции и с ходу развернул машину, артиллеристы отцепили орудие. Прошло несколько секунд, и наводчик Мироненко открыл прицельный огонь. До гитлеровцев было всего 300 — 400 метров. Первые же снаряды подожгли один, а затем и второй танк. Не прошло и минуты, как замолчали вражеские пулеметы. Лишь один танк сумел скрыться в лесу.

Грозное, нарастающее «ура» гвардейцев прокатилось над полем боя. Наши стрелки стремительно ринулись в атаку и ворвались во вражеские траншеи.

Много неприятностей доставляли нам «кукушки» — снайперы, замаскированные на деревьях. Коварный прием: сидит снайпер на дереве и стреляет в наших гвардейцев на выбор. Мне запомнился рассказ знаменитого

снайпера сталинградца Героя Советского Союза Виктора Медведева о поединке с «кукушками».

— Наша рота выдвинулась на лесную поляну. Сзади полоснуло несколько пулеметных очередей. Мы хорошо прочесали лес, казалось бы, никого в нем не осталось. Откуда же стрельба? У меня сразу родилась догадка: бьет гитлеровец, засевший на дереве. Но почему у него пулемет? Раньше мне приходилось встречаться с «кукушками», вооруженными или автоматами, или снайперскими винтовками.

Я выбрал удобную точку для наблюдения в кустарнике. Пулеметная очередь снова взрыла землю в середине нашей цепи. Успеваю определить направление выстрелов. На самом краю поляны стоит большой развесистый дуб. Вглядываюсь. В ветвях что-то чернеет. Подползаю ближе к дубу, не высовываясь из кустарника. Стреляю. На землю падает какой-то тяжелый предмет, а на ветвях повис гитлеровец. В руке он что-то сжимает. Стреляю еще раз. Предосторожность была не лишней: пуля пробила руку, и гитлеровец выронил пистолет.

Подбегаю к дереву. У ствола лежит ручной пулемет. Но не простой пулемет — с оптическим прицелом.

Внимательно осматриваю дерево. По стволу его тянется тонкий, оплетенный шелком провод. Оказывается, «кукушка» была одновременно и корректировщиком. Неспроста наша рота несколько раз попадала в этом месте под минометный обстрел.

Мы уже знали, что немецкие «кукушки» обычно действуют парами. И хотя второй гитлеровец не открывал по мне огонь, все же я был уверен, что он притаился невдалеке. Действительно, в листве одного из деревьев вижу темное пятно. Старательно целюсь, стреляю. Гитлеровец грохнулся на землю. Возле него нашли тоже пулемет с оптическим прицелом. На этот раз «кукушка» не была привязана к сучку, потому и упала сразу. Я осмотрел ствол дерева и снова обнаружил черный телефонный шнур. Один конец его поднимался на дерево, другой уходил куда-то в чащу леса.

В этот день мне удалось снять пять вражеских «кукушек». Все их гнезда были снабжены телефонными аппаратами. Несколько раз замечал я в траве тонкие, оплетенные шелком провода. Они были очень легкие, поэтому немецкие снайперы могли тянуть линию на большое расстояние. Я не мог далеко отрываться от своей роты

и идти по вражеским проводам, ограничивался тем, что рвал их.

Фашисты пошли на хитрость: снабжают своих «кукушек» особыми щитами, в которых сделан прорез для наблюдения за местностью и стрельбы. Броня спасает вражеского снайпера от пуль. Но громоздкие щиты трудно замаскировать в ветвях, и мы быстро научились находить их. Заметил такую «кукушку» со щитом — обходи ее сбоку и стреляй. В лоб бить нельзя: твоя пуля может отскочить от щита. И врага не убьешь, и себя выдашь выстрелом. А при умении и осторожности можно любую «кукушку» снять...

В те дни мне довелось встретиться с одним из героев наступления — комсомольским вожаком стрелкового батальона Максимом Цыркиным. Год назад молодой боец впервые участвовал в бою. На рыбачьем челноке он с товарищами переплыл Днепр, с автоматом в руках ворвался в немецкую траншею и несколькими очередями уничтожил до десятка фашистов. Таким было начало боевого пути комсомольца Цыркина. Его полюбили в батальоне за дерзость и отвагу в бою, за живой и общительный характер. Он первым вызывался на любое трудное дело. Однажды он с несколькими смельчаками разгромил вражеский гарнизон на железнодорожном переезде. В другой раз, в разгар боя Цыркин забрался на чердак дома и уничтожил вражеских пулеметчиков, преградивших своим огнем путь нашей пехоте.

Храброго воина комсомольца избрали комсоргом батальона. И тут со всей силой раскрылись его организаторские способности, талант воспитателя молодежи. Десятки молодых бойцов стали умелыми воинами, после того как с ними поработал Цыркин, ставший к этому времени младшим лейтенантом. По-прежнему его видели там, где всего труднее и опаснее.

Так было и на этот раз. Едва забрезжил рассвет, как гвардии младший лейтенант Цыркин был уже в роте автоматчиков. Он прочел бойцам сводку Совинформбюро, рассказал о наступлении наших войск в Белоруссии и Литве, напомнил бойцам, как нужно держаться в бою.

Когда подали сигнал атаки, вся рота дружно устремилась на высоту. Цыркин шел в первой цепи, увлекая гвардейцев. В это время, тяжело раненный, упал командир роты. Его заменил Цыркин (такой был приказ Военного совета армии: выбыл командир — политработник

обязан вступить в командование и довести до конца выполнение боевой задачи).

Неудержимо устремилась вперед рота автоматчиков. И вот она уже во вражеских траншеях, быстро очистила их и прочно захватила рубеж.

Когда мы встретились, я от души поблагодарил комсорга за настойчивость и отвагу. Мы беседовали в кругу бойцов, еще возбужденных и разгоряченных боем. Я поделился с солдатами своими думами, выношенными за эти дни:

— Наступать нелегко. Противник не будет сидеть сложа руки. Он всеми средствами попытается задержать твое продвижение вперед. Но как бы ни трудно было — не ослабляй натиска, оставайся бодрым, мужественным и решительным, настойчиво продолжай выполнять поставленную задачу. Знай, если тебе тяжело, то неприятелю в несколько раз тяжелее. Ты наступаешь — у тебя в руках инициатива. А у кого инициатива — у того победа.

Противник перешел в контратаку — не робей. У тебя винтовка, граната, автомат или пулемет. Обрушивайся всей силой огня этого мощного оружия, об обороне не думай, а смело иди вперед в атаку, и гитлеровец погибнет или сдастся в плен.

Противник контратакует с танками — держи себя еще смелее, дерись злее и упорнее. Свой огонь направляй против пехоты врага, отсеки ее от танков и прижми к земле. Знай: ты контратаку отражаешь не один. Бок о бок с тобой действуют танкисты, артиллеристы и бронебойщики. Они с танками расправятся, а твое дело — уничтожить пехоту противника.

Бывает и так: вражеским танкам удается подойти вплотную к позициям пехотинцев. У тебя есть гранаты, бутылки с горючей смесью или трофейные фаустпатроны. Обрушивайся на бронированного врага, вступай смелее в единоборство — и ты победишь. Идет танк через окоп — прижмись к дну окопа. Как только танк перевалил тебя — кидай в него гранаты.

Противник идет в контратаку на соседнее отделение — помогай соседу огнем. Решительное продвижение вперед и огонь твоего оружия — лучшая помощь соседу.

Измотал и обескровил контратакующего противника — снова быстрей вперед. Смелой и решительной атакой скорей опрокинешь и уничтожишь врага...

Говорю, а сам наблюдаю за своими слушателями, ло-

вят каждое слово. Глаза блестят, позабыта усталость...

Отбивая контратаки противника и преодолевая его сопротивление, войска армии продолжали форсировать реку. К утру 21 июля и части 29-го гвардейского корпуса переправились через Западный Буг. Таким образом, река была форсирована во всей полосе наступления и всеми силами армии. Соседи не отстают от нас: они уже тоже ведут бои на западном берегу.

Третья, наиболее подготовленная полоса обороны противника фактически оказалась прорванной на всю глубину.

Наше наступление на полутора суток опережало запланированный темп наступления фронтом.

Командование фронта, учитывая сложившуюся обстановку, изменило направление нашего наступления. Теперь мы двигались не на Парчев и Лукув, а на Люблин, Демблин, Гарволин. В стык между нашей армией и соседом справа на Парчев были направлены 11-й танковый корпус и 2-й гвардейский кавалерийский корпус под командованием генерал-лейтенанта В. В. Крюкова.

2

Переход государственной границы СССР с Польшей совершился во всей полосе ударной группы левого крыла Белорусского фронта.

Это ознаменовалось рядом важнейших исторических решений.

21 июля Крайова Рада Народова, высший орган власти народной Польши, издала декрет, который был опубликован в Хелме 23 июля в первом номере вышедшей легально на польской земле газете «Речь Посполита». Декрет объявлял о создании Польского комитета национального освобождения. Членами комитета утверждались Эдвард Болеслав Осубка-Моравский (председатель), Анджей Витос (заместитель председателя и руководитель отдела земледелия и аграрной реформы), Ванда Василевская (заместитель председателя). Руководителем отдела национальной обороны утверждался генерал-полковник Михаил Роля-Жимерский. Его заместителем утвердили Зигмунда Берлинга.

Комитет издал Манифест, в котором давалась характеристика политическому моменту и событиям, переживаемым польским народом, разъяснялось значение ре-

шений Крайовой Рады Народовой. В Манифесте раскрывалось, что Крайова Рада Народова является органом, в состав которого вошли представители самых широких слоев польского народа, крестьянской партии, ряда других демократических организаций и которые признали организации поляков за границей — Союз Польских патриотов и Польскую армию, сформированную в Советском Союзе. Манифест разоблачал лондонское эмигрантское правительство, давая точную оценку его политической деятельности, направленной на раскол польского народа. Создавалось специальным декретом Войско Польское, в которое вошли 1-я Польская армия, действовавшая в составе левого крыла 1-го Белорусского фронта, и Армия Людова, объединившая все партизанские силы на территории Польши...

Ставка требовала стремительного развития наступления. Это диктовалось политической обстановкой и интересами польского народа.

Утром 21 июля к нам на командный пункт прибыл командующий 1-м Белорусским фронтом Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский. Прежде чем попасть сюда, ему пришлось немало поблуждать, так как КП армии успел за это время продвинуться далеко вперед.

Ознакомившись с ходом наступления, маршал признал действия гвардейцев отличными и тут же принял решение немедленно ввести в прорыв 2-ю танковую армию. Она получила задачу двигаться в направлении Люблин, Демблин, Прага (пригород Варшавы), с тем чтобы обойти вражескую группировку и отрезать ей путь на запад.

Чтобы переправить танки через реку, были наведены три 60-тонных моста (до этого у нас уже имелось два 30-тонных и два 16-тонных моста). Быстрая наводка мостов обеспечивалась тем, что, несмотря на загруженность дорог, понтонные парки продвигались вслед за боевыми порядками войск.

Пока наши стрелковые части продолжали с боями идти на запад, танкисты переправились через Западный Буг и утром 22 июля уже обогнали пехоту и устремились к Люблину. Я крепко пожал руку сияющему С. И. Богданову, пожелал успеха и заверил, что пехотинцы 8-й не отстанут от танкистов. На другой день 2-я танковая армия совместно с 28-м гвардейским стрелковым корпусом окружила город и начала бой с его гарнизоном.

23 июля, поъехав к окруженному городу, я узнал от

командира 28-го гвардейского стрелкового корпуса генерала А. И. Рыжова, что Богданов ранен. Он ехал на бронетранспортере за своими танками по северной окраине города и попал под пулю немецкого снайпера. Ему раздробило плечевую кость.

То, что Богданов оказался в пекле боя, для меня не было неожиданностью. Это в его характере: видеть все своими глазами и руководить войсками непосредственно на поле боя, а не из глубокого тыла.

Я не осуждал Богданова. Командир только тогда правильно оценит обстановку, особенно в современном высокоманевренном бою, когда будет чувствовать пульс боя. Что ж, иногда приходится и рисковать, но это окупается сохранением жизней многих и многих солдат, и успех добывается меньшей кровью. Надо учитывать и огромное моральное значение поведения командира в бою. Бойцы, видя его в своей среде в самые напряженные минуты, проникаются большей уверенностью в победе. Такого командира солдаты любят, готовы прикрыть его своей грудью и идут за ним в самый яростный огонь, ибо видят, что он делит с ними все трудности.

Я разыскал Семена Ильича в армейском госпитале севернее Люблина. Его собирались эвакуировать. Я спросил:

— Семен, как настроение?

Он, преодолевая жестокую боль, весело отозвался:

— Ничего, Вася, скоро вернусь и обязательно вместе пойдем на Берлин.

Месяца два спустя он действительно вернулся, и мы опять вместе двинулись вперед на Одер, а затем на Берлин.

...Я подхожу к страшным событиям. Мне казалось, что уже ничего не сможет меня удивить, что касалось бы облика фашизма. Я видел все! И бои в Сталинграде, сожженные и разрушенные села и города Украины, только что освобожденные от немецких захватчиков, я видел горы трупов немецких солдат, преданных их генералами, брошенных в бессмысленную бойню. Мы громили армию, обреченную на уничтожение ее командованием и фашистскими правителями страны. Солдат, цепляясь за каждый метр чужой земли, в конечном счете выполнял приказ, он был связан до поры до времени присягой и чувством долга, даже если и видел бессмысленность дальнейшего сопротивления.

Что может быть страшнее преступления против своего же народа, против своей же армии? Оказывается — это еще не самое страшное. Мне рассказали, и я сначала даже не поверил...

На юго-восточной окраине Люблина наши части захватили фашистский концлагерь Майданек.

Теперь слово «Майданек» известно каждому, кто в какой-либо степени интересуется историей второй мировой войны. Тогда это было одно из обычных названий. Оно еще не прогремело на весь мир, о нем еще предстояло услышать на Нюрнбергском процессе. Лагерь смерти... Не лагерь! Фабрика смерти! Организованная и построенная по последнему слову инженерной техники, с помощью которой фашисты изощрялись в уничтожении людей. Я опускаю все подробности, которые теперь широко описаны во многих документальных изданиях. Но скажу откровенно, когда мне рассказывали, когда я увидел фотографии, сделанные нашими офицерами, я не пошел туда... Дрогнуло у меня сердце. Миллионы сожженных в печах людей. Миллионы! Мужчины, женщины, дети, старики... Никого не щадили! Подвешивали живых на крюки, убивали дубинками, травили газами...

Что теперь могло спасти немецкую нацию от уничтожения разгневанными победителями? Какая сила могла теперь остановить руку советского воина, когда он войдет на немецкую землю? Военный совет, командиры и политработники на основе приказа начальника Главного Политического управления от 19. 7. 1944 г. должны были перестроить работу по-новому, применительно к новой обстановке. Народ не мог отвечать за злодеяния своих правителей. Это народ и нация, сделавшие свой значительный вклад в человеческую цивилизацию.

Мне хочется процитировать несколько слов из книги английского журналиста Александра Верта, побывавшего в Майданеке в августе сорок четвертого года. Нет, я не буду приводить его свидетельств очевидца о том, как был устроен этот лагерь. Желающий узнать это поподробнее может просмотреть документальные фильмы. Есть несколько строк у Верта... Вот они: «Несколько дней назад по лагерю провели множество немецких военнопленных. Вокруг толпились польские женщины и дети, выкрикивавшие по их адресу ругательства; в толпе находился полусумасшедший старик еврей, который неистово кричал охрипшим голосом: «Детоубийцы, детоубийцы!»

Вначале немцы шли по лагерю обычным шагом, потом начали идти все быстрее и быстрее, пока наконец не бросились в панике бежать, смешавшись в обезумевшую, беспорядочную толпу. Они позеленели от ужаса, руки их дрожали, зубы выстукивали дробь...»

Да, сложнейшей вырисовывалась задача для командного состава армии и в особенности для политработников. Вот где нужна была политработа. Внушать, объяснить... А как? Как объяснишь, если семьи многих и многих наших бойцов были уничтожены, а некоторые, может быть, горели в этих печах! Мы опасались, что отныне никто не будет брать немецких солдат в плен...

Но истинные богатыри умеют сдерживать свой гнев, сильный духом не мстителен, он справедлив!

На другой же день после освобождения Майданека ко мне привели пленного немецкого офицера. Его взял в плен и привел командир пулеметного расчета 88-й гвардейской стрелковой дивизии старший сержант Юхим Ременюк.

Удивительна судьба этого воина.

В 1941 году, как только началась война, Юхим ушел на фронт. С болью в сердце покидал он родные места. Воевал на Волге, участвовал во многих боях. От рядового бойца вырос до старшего сержанта, за доблесть и отвагу получил четыре высоких правительственных награды — ордена Красной Звезды и Славы, медали «За отвагу» и «За оборону Сталинграда».

Бывало, в час передышки говорил он друзьям:

— Вот придем в наши места, в гости приглашу. Там у меня жинка Яринка, дочка Оксана, старики — отец, мать. Хорошо у нас — пасека, лес, кругом привольно.

И вышло так, что часть, где служил Юхим, действительно попала в его родные места и рота пошла в бой за село. Юхим первым ворвался в село — и к своему двору. А его нет, двора-то, хаты тоже нет — одни развалины. Садик сожжен. Лишь одна старая яблоня стоит, а на ней — отец повешенный, возле яблони — мать убитая. Яринку и Оксану фашисты с собой угнали — рассказала соседка, которой удалось спрятаться в погребе.

Солдаты узнали про горе Юхима и дали клятву — отомстить за его семью. Юхим с того дня переродился. Суровый стал и слова «фашист» слышать не мог...

А вот пленного привел. Живого. Пальцем не тронул.

Форсированием Буга и освобождением Люблина завершился первый этап операции.

Она началась 18 июля. За шесть дней 8-я гвардейская армия прошла с боями около 180 километров, форсировала Западный Буг, реку Вепш и к утру 24 июля вышла на рубеж Парчев — Фирлей — Кменка — Петровце — Стасин — Глуск — Пяски.

Передовые части 4-го гвардейского стрелкового корпуса, наступая за 2-й танковой армией, вышли на Вислу и захватили Пулава и Демблин.

28-й гвардейский стрелковый корпус занял оборону вокруг Люблина.

Наши соседи тоже успешно двигались вперед: 47-я армия вышла на рубеж Ломазы — Комарувка — Вохынь, а 69-я армия освободила город Хелм.

На занятом рубеже 8-я гвардейская армия по приказу фронта была остановлена на сутки с задачей подтянуть артиллерию, тылы, пополнить запасы горючего и боеприпасов.

С выходом на Вислу 2-й танковой и 8-й гвардейской армий была нарушена связь и взаимодействие между группами немецких армий «Центр» и «Северная Украина».

Действия наших соседей севернее, захват 11-м танковым и 2-м гвардейским кавалерийским корпусами Парчева, Радзыни значительно ухудшили оперативную обстановку для брестской группировки противника.

Перед нами вырисовывалась новая задача — форсировать Вислу!

ВИСЛА

1

Прежде чем приступить к рассказу о форсировании Вислы, о преодолении самого значительного водного рубежа на польской земле, я обязан сказать несколько слов об обстановке, сложившейся на правом крыле 1-го Белорусского фронта, иначе события, последовавшие за выходом левого крыла фронта на Вислу, будут непонятны или даже неправильно истолкованы читателем.

В те же сроки, когда войска левого крыла выходили к Висле, назревал кризис и на Брестском направлении. Завершалось окружение брестской группировки врага. 65-я и 28-я армии подходили к Западному Бугу севернее Бреста.

Возможность потери Бреста сильно беспокоила немецкое командование. Потеря Бреста означала выход наших войск напрямую на Варшаву и обход Восточной Пруссии с юга. Немецкое командование попыталось задержать развитие нашего наступления под Брестом. Оно стянуло туда остатки 2-й и 9-й полевых армий. Словом, под Брестом командование фронта не без оснований ожидало неприятностей значительно больших, чем сумел на деле подготовить противник.

Перебрасывались немцами и части для усиления обороны Праги, предместья Варшавы, куда продвигалась с боями 2-я танковая армия.

Вместо раненого командарма Богданова во временное командование 2-й танковой армией вступил генерал-майор танковых войск А. И. Радзиевский.

Итак, с одной стороны шло очень ответственное наступление 2-й танковой армии, введена была в сражение 1-я Польская армия, с другой стороны, контратаки немцев севернее и северо-западнее Бреста и нарастающая опасность, что немецкое командование совершит попытку соединить разрубленные группы армий «Центр» и «Северная Украина».

Командование фронта в этой обстановке проявляло крайнюю осторожность. В течение трех дней, начиная с 24 июля, 8-я гвардейская получила четыре приказа, ни в одном из них не ставилось задачи форсировать Вислу.

24 июля приказом фронта нашей армии была поставлена задача.

25 июля мы получили новый приказ фронта. Он гласил: «Общая задача 8 гв. А — выход на р. Висла на участке: Гарволин, Демблин. Армию ведите компактно в полной готовности для серьезного боя. Подвижные и передовые отряды можно выдвигать вперед с большим отрывом от армии».

Как раз в этот день командование фронта, видимо, ожидало каких-то очень решительных действий от противника.

26 июля вновь последовал приказ фронта: «8-й гв. А (без 28 гв. ск) продолжать наступление с задачей 27. 7. 44 г. овладеть рубежом Весолувка — Окшея — станция Рыки. В дальнейшем иметь в виду наступление в общем направлении Желехув, Ласкашев». И тут же последовал следующий приказ: «8-й гв. А не разбрасываться в пространстве, точно выполнять мои приказы по дням и рубежам. Главную группировку армий иметь на своем правом фланге, учитывая при этом, что активизация действий противника наиболее вероятная на направлении Седлец, Луков. Перегруппировку сил к правому флангу армии произвести в ходе наступления. С подходом 1-й Польской армии и 69 А в район Люблин 28 гв. ск в резерв и сосредоточить его за правым флангом».

Мне оставалось только восхищаться выдержкой и осторожностью К. К. Рокоссовского. Мы все время шли по восточному берегу Вислы, силы армии были собраны компактно в кулак, артиллерия была готова к бою. Стоило больших усилий удержаться от искушения выслать разведку на западный берег и начать форсирование Вислы.

Армию как бы вели на вожжах, сдерживая ее продвижение из-за угрозы ударов противника с севера. Но мне было ясно, что рано или поздно нам придется форсировать Вислу. Чем раньше, тем было, конечно, лучше.

Тогда мне было неведомо, что только 27 июля последовала директива Ставки Верховного Главнокомандования, предписывающая войскам левого крыла 1-го Бело-

русского фронта форсировать Вислу в районе Демблин, Зволень, Солец.

Захваченные плацдармы предлагалось использовать для удара в северо-западном направлении с тем, чтобы свернуть оборону противника по реке Нарев и по реке Висла. Этим облегчалось форсирование реки Нарев левому крылу 2-го Белорусского фронта и реки Висла центральным армиям 1-го Белорусского фронта.

29 июля последовало указание Ставки командующим 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, где прямо говорилось, что «приказ Ставки о форсировании реки Висла и захвате плацдармов названными в приказе армиями нельзя понимать так, что другие армии должны сидеть сложа руки и не пытаться форсировать Вислу».

Изучив местность по карте, я пришел к выводу, что форсировать реку надо в районе населенных пунктов Татарчиско, Скурча, Дамирув, Домашев. Здесь фланги армии прикрывались с севера рекой Пилица, с юга рекой Радомка. Прикрывая фланги этими речками, можно было наносить главный удар через Магнушев, имея ближайшей задачей захват на западном берегу плацдарма глубиной до железной дороги Варка — Радом.

Утром 29 июля я связался по телефону с К. К. Рокоссовским. Он спокойно выслушал мои предложения и разрешил выезд на рекогносцировку Вислы. Я тут же приказал командиру 4-го гвардейского стрелкового корпуса В. А. Глазунову к рассвету 30 июля выдвинуть охраняющие части на берег реки для обеспечения рекогносцировки. Штаб армии получил задание разработать план рекогносцировки с участием командиров корпусов, дивизий, а также командиров соединений и частей усиления.

К рассвету части 4-го гвардейского корпуса вышли на берег на участке Татарчиско — Вильга — Мажевице, тщательно соблюдая маскировку на марше и на месте.

Я уже не помню, был ли в тот день праздник или польские крестьяне отмечали освобождение от немецких захватчиков. В селах шло большое гуляние, несмотря на то, что противник располагался всего лишь за рекой.

Мы подъехали к селу Скурча. Оставив машины в лесу, разделились на три группы. Во главе групп стояли командиры корпусов: командир 4-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-лейтенант В. А. Глазунов, командир 29-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-лей-

тенант Я. С. Фоканов, командир 28-го гвардейского корпуса генерал-лейтенант А. И. Рыжов.

Мы переоделись и под видом мирных жителей, гуляющих на празднике, пробрались к берегу изучить русло и берега.

Западный берег выглядел пустым. Кое-где можно было разглядеть взмахи лопат, выбрасывающих землю. Это, видимо, отрывали траншеи. Кто там работал — сказать было трудно: немцы или местные жители под дулами немецких автоматов.

Ожидал ли противник, что мы примем решение форсировать Вислу? Это трудно сказать. Особенно активной подготовки к обороне мы не обнаружили. Земляная дамба, тянувшаяся по западному берегу Вислы, скрывала нам обзор в глубину западного берега. Не видно было и мощных укреплений. Июньское и июльское наступление развивалось столь стремительно, что немецкое командование явно не успело подготовиться к встрече наших войск на Висле. Если бы гитлеровцы предполагали, что мы так быстро придем в Люблин, они, безусловно, уничтожили бы следы своих зверских преступлений в Майданеке. Все говорило о том, что наш удар будет иметь необходимые элементы внезапности.

В полдень мы собрались в лесу севернее деревни Скурчи и обменялись результатами наблюдений. Я решил Вислу форсировать на участке между устьями рек Пилица и Радомка, с ближайшей задачей — захватить плацдарм в районе деревень Мнишув, Загробы, Богушков, Вильча-Воля, Дембовля, Рычивул.

Тут же мы нарезали участки и границы для корпусов и распределили средства усиления. Командирам корпусов было приказано организовать наблюдение за западным берегом, выявить силы и оборонительные сооружения противника. На западный берег решили наших людей не высылать, все передвижения производить скрытно, ничем не выдавая присутствия наших войск на этом участке. Начальник инженерных войск генерал В. М. Ткаченко получил задание разведать подступы к реке с востока и выбрать наиболее скрытные подходы.

Вернувшись в штаб армии, который в это время находился в местечке Желехув, я по телефону доложил командующему фронтом результаты рекогносцировки и свои предложения по форсированию Вислы. К. К. Рокоссовский одобрил их, но разрешения на форсирование

не дал, обещал обдумать и дать ответ на следующий день.

Поскольку штаб фронта продолжал ориентировать армию на север и войска все время подтягивались к рубежу Луков — Гарволин, на следующий вечер пять дивизий из девяти оказались севернее реки Вильга. Командующий фронтом наконец дал согласие на форсирование, но предупредил, чтобы до выхода 47-й армии на рубеж Седлец — Сточек две наши дивизии оставались на своих рубежах, то есть по-прежнему смотрели на север, а не за Вислу. В связи с этим я мог в первый эшелон выделить только четыре дивизии. 31 июля мы повторили рекогносцировку: надо было наметить организацию управления форсированием. Со мной выехала оперативная группа штаба во главе с В. А. Белявским. На берегу находились и командиры корпусов и дивизий. Вместе с артиллеристами и инженерами они уточняли на местности задачи войскам, пункты переправы, подхода к ним и места погрузки.

Я осматривал участки будущих переправ, когда был спешно вызван в штаб армии для переговоров с командующим фронтом. У нас произошел следующий разговор по ВЧ (передаю по памяти).

Рокоссовский. Вам необходимо подготовиться, чтобы дня через три начать форсирование Вислы на участке Мацеевице — Стенжица с целью захвата плацдарма. План форсирования желательно получить от вас кратко шифром к четырнадцати часам первого августа.

— Задача мне понятна, но форсировать прошу разрешить на участке устье реки Вильга—Подвебже, чтобы на флангах плацдарма были реки Пилица и Радомка. Форсирование могу начать не через три дня, а завтра с утра, так как вся подготовительная работа у нас проведена. Чем скорее начнем, тем больше гарантий на успех.

Рокоссовский. У вас мало артиллерии и переправочных средств. Фронт может вам кое-что подбросить не ранее как через три дня. Ставка Верховного Главнокомандования придает большое значение форсированию Вислы и требует от нас максимально обеспечить выполнение этой сложной задачи.

— Мне это понятно. Но я рассчитываю прежде всего на внезапность. Что касается средств усиления, то при

внезапности, думаю, обойдусь тем, что имею. Прошу разрешить начать завтра с утра.

Рокоссовский. Хорошо, я согласен. Но продумайте, взвесьте все еще раз и доложите окончательно ваш краткий план. Доведите до сведения командиров всех степеней, что бойцы и командиры, отличившиеся при форсировании Вислы, будут представлены к наградам вплоть до присвоения звания Героя Советского Союза.

— Будет сделано! Начинаю завтра утром. Краткий план доложу немедленно.

На этом закончился наш разговор. Я тут же передал в штаб фронта план действий. «Пристрелка с 5.00 до 8.00. Одновременно производится разведка боем батальонами от каждой дивизии. При удачных действиях разведка перерастает в наступление, как это было при прорыве обороны противника западнее Ковеля. Если разведка не будет иметь успеха (противник не даст возможности высадиться или десант не сможет развить успех на западном берегу), устанавливается часовая пауза для уточнения целей и увязки взаимодействия. Штурмовая авиация обрабатывает передний край противника. 9.00 — начало артиллерийской подготовки и начало переправы всеми силами».

Не было ли в повторении приема с разведкой боем перерастающей в наступление главных сил опасного для нас шаблона? Мог ли на этот раз противник предугадать наши действия? Думалось, что немецкое командование еще не разгадало этого приема, что перерастание разведки боем в наступление опять же будет для него неожиданностью.

Прием этот всего лишь один раз применялся нами на Украине, а под Ковелем части противника были так побиты, что навряд ли кто из офицеров добрался до Вислы. Но все это было, конечно, слабым утешением. Сила приема с перерастанием разведки боем в наступление была в другом. Я с достаточной серьезностью относился к немецкому командованию и понимал, что оно могло разгадать этот прием. Ну и что же? Если этот прием и разгадан, то что-либо предпринять против его применения нелегко. Есть такого рода тактические приемы, которые действуют безотказно. Предположим, противник разгадал, что наша разведка боем должна перерасти в общее наступление. Что он может сделать? У нас преимущество

во всех видах вооружения... Разведывательные отряды пошли в атаку. Что он предпримет? Оставит первые траншеи и отойдет. Прекрасно. С малой затратой артиллерийских снарядов мы занимаем его первые траншеи и тут же усиливаем разведотряды главными силами армии. С малыми потерями мы ломаем его первую позицию обороны. Противник принимает бой с нашими разведотрядами. Это нам и нужно. Он в траншеях первой позиции. Мы его подвергаем артиллерийской обработке, мы его «прихватываем» на месте и наносим по нему удар молота — удар всеми нашими силами. Опять его позиции сбиты...

Нет, не имело смысла отказываться и на этот раз от этого приема. Именно здесь на берегах Вислы наши бойцы его назвали «разведывательным эшелоном».

Вечер и ночь мы использовали для перегруппировки и подвоза переправочных средств. Несмотря на сжатые сроки подготовки, к 4 часам утра части заняли исходное положение.

Здесь у нас артиллерии было вдвое меньше, чем при наступлении западнее Ковеля, так как из состава армии ушел 4-й артиллерийский корпус прорыва. Но мы рассчитывали выйти из положения массированным применением орудий для стрельбы прямой наводкой. Большая часть дивизионной, вся полковая артиллерия, часть 152-миллиметровых пушек — гаубиц 43-й гвардейской пушечной артиллерийской бригады и все три самоходно-артиллерийских полка были поставлены на восточном берегу для стрельбы прямой наводкой.

Имевшиеся у нас переправочные средства — 83 автомобиля-амфибии и около 300 различных лодок и катеров — могли взять на борт в общей сложности до 3700 человек. О понтонных парках я не говорю: их было так мало, что не хватало для наведения одного моста через Вислу. Но это нас не смущало. Все надежды мы возлагали на стремительность и неожиданность удара.

2

Ночь перед боем... Которая по счету в жизни бойцов и офицеров 8-й гвардейской? Теплая и даже душная июльская ночь... Полная тишина на нашем берегу, но обманчивая тишина.

Свершается незримая, но напряженная работа. И не только идут какие-то последние передвижения войск.

Идет внутренняя душевная работа у каждого, кто завтра двинется в бой. Подготовить себя к броску... В который уже раз, и каждый раз словно бы заново.

Работники штаба разъезжаются по наблюдательным пунктам. Политработники с вечера в войсках. Идут летучие партийные и комсомольские собрания. Эти собрания проходили без оформления протоколов. Идет задушевный разговор. Значение завтрашнего боя, переправы через Вислу известно каждому. Политотдел армии уже успел провести большую разъяснительную работу.

А вот перед боем возникли какие-то вопросы. Иногда чисто личного характера. Политработник на месте. Пишутся заявления в партию. Прием в партию надо успеть оформить до начала боя...

Близится утро 1 августа.

Тихо катит свои воды Висла. Стелется над водой, над заливами молочный туман. В суровом молчании, в безветрии застыли величественные сосны. Стрелки часов медленно приближаются к заветной черте. Молчат телефоны, молчит радиосвязь. Сначала все будет тихо...

Впереди батальонов пойдут небольшие группы опытных разведчиков. Самыми первыми должны переправиться разведчики 79-й гвардейской дивизии под командой капитана Василия Графчикова. Влюбленный в свою опасную и трудную профессию, офицер имел за плечами уже немалый опыт. Много раз ходил он с друзьями в ночные поиски, захватывал «языков», добывал ценные сведения о противнике.

Но нынче разведка необычная. Впереди расстилается водная ширь, а вдали сереет тонкая полоска левого берега. Что там, на том берегу реки, какие силы у противника, какую встречу он готовит?

...Рыбачьи лодки ушли в предрассветную мглу. Графчиков — на первой. Рядом с ним его верные и проверенные в боях товарищи. Разведчики достигли берега и перебежками двинулись к вражеским траншеям. Гитлеровцы открыли огонь из пулеметов, но остановить советских воинов не смогли. Графчиков добежал до дзота, одну за другой бросил несколько гранат. Подоспели и другие бойцы. Автоматным огнем и гранатами два пулемета и их прислуга были уничтожены. Разведчики быстро очистили траншею от противника.

— Траншея взята! — радируют разведчики.

На другом участке первыми на западный берег выса-

дились разведчики под командой капитана Ивана Яковлевича Дунаева. Гитлеровцы, засевшие в прибрежных траншеях, отбивались отчаянно.

Но благодаря искусному маневру разведчики без потерь прорвали вражескую оборону. Офицер-коммунист ни на минуту не терял управления боем и своим мужеством воодушевлял гвардейцев.

Вслед за разведчиками, а подчас и вместе с ними переправлялись стрелковые подразделения. Под грохот артиллерийской канонады сотни лодок с людьми спешили к западному берегу. Немецкие наблюдатели заметили гвардейцев батальона капитана Е. Г. Цитовского, когда они вброд шли по отмели. Застрочили пулеметы. Столбы воды и ила, поднятые взрывами, выросли на пути наших бойцов. Батальон перебежками приблизился к вражеским позициям. В это время Цитовский заметил вражеский пулемет, стрелявший из-за небольшого, поросшего лозняком пригорка. Капитан увлек за собой гвардейцев к пулемету. Несколько бойцов подобрались к пригорку с фланга и уничтожили пулемет. Гвардейцы ворвались в траншеи, выбили из них гитлеровцев и, ни минуты не задерживаясь, двинулись дальше.

Горячий бой завязался за деревню Малый Магнуш. Когда батальон ворвался на ее окраину, гитлеровцы предприняли контратаку. Гвардейцы залегли и приготовились к отпору. Комсомолец Горюнов выдвинулся с пулеметом вперед. Когда гитлеровцы приблизились, Горюнов хлестнул по ним длинной очередью с фланга. Потом поднялся весь батальон и дружным ударом отбросил врага.

В следующую контратаку гитлеровцы применили танки. Но Цитовский своевременно расставил бронебойщиков. Как только вражеские танки подошли к нашим позициям, ударили противотанковые ружья. Метким огнем бронебойщики подожгли два танка. Остальные повернули вспять.

Восемнадцать бойцов и офицеров батальона, отличившихся в этом бою, были награждены орденом Красного Знамени, а гвардии капитан Ефим Григорьевич Цитовский — по представлению командования армии получил звание Героя Советского Союза.

Мне рассказали о комсорге батальона 217-го полка гвардии младшем лейтенанте Анатолии Баяндине. Он переправился через реку одним из первых. На вражеском

берегу комсорг повел в атаку группу бойцов. Бой был жарким. Комсомолец-пулеметчик Горюнов уничтожил в этой схватке 16 гитлеровцев. Баяндин немедленно передал по цепи весть о подвиге пулеметчика. Комсорг знал свое место в бою — он был всегда там, где возникало наиболее трудное положение. Когда гитлеровцы перешли в контратаку, он оказался у пулеметчиков. Комсорг своими глазами видел, кто из воинов дерется лучше всех, и призывал молодежь равняться на отважных. Двадцать молодых гвардейцев вступили после этого боя в ряды комсомола. Многие комсомольцы батальона получили правительственные награды.

У Анатолия Баяндина был настоящий талант воспитателя. Терпеливо, душевно он работал с людьми. Быть всегда в гуще событий стало для него жизненной потребностью. Таким он остался и после войны. К тому же у него проявились недюжинные литературные способности. Живо, увлекательно писал Баяндин о пережитом, о своих боевых друзьях. Наиболее крупное его произведение — повесть «Сто дней, сто ночей», вышедшая в Пермском издательстве, рассказывает о героях волжской твердыни. К сожалению, мне не довелось встретиться с автором этой книги: с большой скорбью я узнал, что Баяндин трагически погиб. А книгу его мне прислали друзья покойного.

На Висленском плацдарме гвардейцы снова показали богатырскую храбрость и силу. Сержант Ваган Багиров с красноармейцем Тимофеем Ляшенко трудились на переправе. Друзья уже успели сделать три рейса. Когда они отправились в четвертый раз, один из вражеских самолетов, непрерывно висевших над рекой, обстрелял лодку. Багирова ранило в правую руку, Ляшенко — в спину. Пулеметная очередь прошила борт, вода хлынула в лодку, грозя затопить ее. Гвардейцы забыли про свои раны. Заранее приготовленными колышками и паклей они заделали пробоины, и лодка продолжала свой путь. Багиров мог грести только левой рукой, но не выпустил весла, пока очередная группа бойцов не была доставлена на западный берег.

Во второй половине дня противник, оправившись от внезапного удара, перешел в контратаки, бросил против нас авиацию, но к этому времени дивизии первого эшелона были уже на той стороне.

Развернулись жестокие бои за плацдарм.

Воины всех родов оружия показывали высокое мастерство и отвагу. Мне доложили о командире взвода управления одной из батарей лейтенанте Маркове. Вместе с разведчиками-артиллеристами сержантом Глухим и красноармейцами Михайловым, Ковалевым и Лежскиным он переправился на противоположный берег одновременно с пехотой. Под вражеским огнем он четко корректировал стрельбу своих орудий. В результате точного попадания взлетел на воздух немецкий склад с горючим и боеприпасами.

Работник штаба 35-й гвардейской стрелковой дивизии майор Алексей Ераксин с восхищением рассказывал о саперах. Они под огнем вышли к реке. Впереди, как всегда, младший сержант Михаил Беленков. У нас в армии он с начала войны, награжден медалью «За отвагу». На фронте вступил в партию, а теперь вот назначен парторгом роты.

Взводу предстояло построить причалы на обоих берегах и навести мост через Старицу. Враг густо клал мины и снаряды, мешал работе. Беленков подбадривал товарищей и сам брался за самое трудное дело. Он первым вызвался устанавливать сваи. Быстро разделся и нырнул в воду. Вскоре одна свая уже стояла на месте, за ней вторая, третья. Раньше при всем старании сваю забивали за полчаса. Теперь управлялись за двадцать минут. И вот уже началась укладка настила. Бойцы торопились: причалы нужны были для переправы войск.

К вечеру, когда переправа была гогова, командир роты подвел итоги, отметил отличившихся. Среди них был парторг и другие коммунисты. А Беленков в это время уже выпускал «Боевой листок», посвященный тем, кто трудился наиболее самоотверженно.

В результате боев 1 августа был захвачен плацдарм до десяти километров по фронту и до пяти километров в глубину.

2 и 3 августа мы продолжали расширять плацдарм, переправлять на него войска и средства усиления. Это было очень трудно, так как с мостами у нас дело не ладилось: вражеские самолеты сразу же разбивали их.

И тем не менее плацдарм существовал, рос. Командирам корпусов было приказано подготовить себе командные пункты на западном берегу Вислы.

Три дивизии резерва армии оставались на восточном берегу.

Донимала нас авиация противника. Вражеские самолеты без конца атаковали наши переправляющиеся войска. Поскольку пехоты на этом участке у противника оказалось немного, он все надежды возлагал на свою авиацию, в то же время подводил резервы к захваченному плацдарму. Фашистские самолеты звеньями и поодиночке на бреющем полете вырывались из-за леса к переправе и сбрасывали кассеты с мелкими бомбами. Десятки лодок и катеров получали повреждения. Но наши бойцы быстро восстанавливали их и снова спускали на воду.

Героически действовали зенитчики. Но разве один зенитный армейский полк, прикрывавший наши войска на фронте в 25 километров, мог справиться со столь трудной задачей. Потом к нам подошла польская зенитная дивизия. Но положение мало изменилось: фронт расширялся, прикрывать его с воздуха становилось все сложнее. Истребительная авиация не могла помочь нам: она в полном составе действовала под Варшавой, где шли наиболее ожесточенные бои. К тому же для самолетов не хватало бензина. На войне никогда не бывает всего в достатке, особенно к концу операции, после того как войска прошли 500—600 километров с ожесточенными и непрерывными боями. Но нам не привыкать к трудностям. Сложнее было решать другие вопросы.

3

Я уже упоминал, что армию все время нацеливали на север, ожидая оттуда активных действий противника. Поэтому три дивизии армии оставались на восточном берегу, на прежних позициях. В самый разгар боев на плацдарме, 3 августа, армия получила приказ командующего фронтом. Привожу этот приказ полностью:

«На фронте Венгров — Станислав (иск.) Волошин действуют четыре танковые дивизии: танковая дивизия СС «Викинг», танковая дивизия «Мертвая голова», 19-я танковая дивизия и в районе восточнее и юго-восточнее Праги — дивизия «Герман Геринг».

Не исключена возможность попытки танковых дивизий противника прорваться в южном направлении. При этом наиболее вероятным участком прорыва следует считать Калушин, Минск-Мазовецкий.

47-я армия всеми силами наступает с рубежа: Тщебука, Виснев, Уязцув, Залесье в северном направлении.

2-я танковая армия двумя танковыми корпусами ведет бой на рубеже: Окунев — Мендзылесье и одним танковым корпусом занимает район Радзцмин—Марки—Осеув — Волошин.

В целях увеличения глубины боевых порядков 47-й армии приказываю:

Командующему 8-й гвардейской армией выдвинуть один стрелковый корпус (три стрелковые дивизии), усиленный не менее как тремя бригадами 6-й артиллерийской дивизии, с задачей — к утру 4.8.44 г. двумя дивизиями занять для обороны рубеж: Турки, Осецк и одну дивизию иметь во втором эшелоне корпуса в районе Пилява».

Получив этот приказ, я оказался в весьма затруднительном положении. С одной стороны, нужно было развивать наступление на западном берегу Вислы и расширять плацдарм, где уже втянуты в бой шесть стрелковых дивизий, с другой — требовалось повернуть фронтом на север три дивизии и держать оборону в 30—40 километрах от переправ. Этот приказ обессиливал армию на захваченном плацдарме и обрекал ее на пассивность.

Признаться, я был в недоумении: чем объяснить такую активность противника, откуда у него столько сил восточнее Вислы и какую цель он преследует, создав столь мощную танковую группировку в этом районе. Потеряв за короткий срок огромную территорию Белоруссии и Восточной Польши и потерпев жестокое поражение, враг, мне казалось, не мог и думать о контрнаступлении или о контрударе на юг. Но у штаба фронта, по-видимому, были основания для беспокойства, и мы постарались выполнить указания. Правда, удалось уговорить штаб фронта переправить на западный берег еще одну, 47-ю гвардейскую дивизию. Две другие заняли оборону севернее Гарволина.

Танковые части противника, о которых предостерегали нас, действительно появились перед фронтом 8-й гвардейской армии. 5 и 6 августа наш плацдарм контратаковали две танковые дивизии — 19-я и «Герман Геринг». Ударили они по нашим войскам не на восточном берегу Вислы, а на западном. Наступили дни тяжелых боев. Кроме двух танковых, гитлеровское командование бросило против нашего плацдарма 17-ю и 45-ю пехотные дивизии. А мы за эти дни смогли переправить на западный берег только 11-ю гвардейскую танковую бригаду и три самоходно-артиллерийских полка неполного состава. Две гвардейские

дивизии по приказу фронта готовили оборону фронтом на север, на Прагу.

Форсирование реки Висла и захват плацдарма в районе Магнушева 8-й гвардейской армией создавали угрозу удара с юга всей варшавской группировке противника, что и заставило гитлеровское командование уйти с правого берега Вислы и перебросить главные силы против Магнушевского плацдарма.

Превосходство в силах, и особенно в танках, теперь стало на стороне противника. Он напрягал все силы, чтобы столкнуть нас в реку. Обстановка на плацдарме осложнялась еще и тем, что мы не имели мостовой переправы. В районе деревни Скурча авиация противника, которая, по-видимому, имела специальную задачу — не допустить постройки моста, беспрерывно висела над головами понтонеров. Вечером 5 августа мы сумели собрать один мост и пустить по нему артиллерию и боеприпасы. Но мост просуществовал лишь около двух часов: налетевшая авиация противника разбила его. Оборонявшая переправу польская зенитная артиллерийская дивизия, сражавшаяся стойко и самоотверженно, понесла значительные потери.

Контратаки гитлеровцев усиливались. Вдоль реки Пилица наносила удар 19-я танковая дивизия, вдоль реки Радомка — танковая дивизия «Герман Геринг». Между ними действовали 17-я и 45-я пехотные дивизии. Противник контратаковал волнами. Стоило отразить одну, как накатывалась другая. И казалось, что им не будет конца. Тяжелая обстановка сложилась на участке 4-го гвардейского стрелкового корпуса. Его части под ударами танковой дивизии «Герман Геринг» и 45-й пехотной дивизии были вынуждены несколько попятиться. Населенные пункты Ходкув и Студзянки несколько раз переходили из рук в руки.

Вечером 5 августа нам удалось переправить на плацдарм три полка 47-й гвардейской стрелковой дивизии. Вместе с танковой бригадой они встали на пути вражеских танков.

Ночью переместился на западный берег, в лес юго-западнее Магнушева, и командный пункт армии. Работники штаба и политического отдела направились в роты и батальоны, чтобы организовать уничтожение танков — основную ударную силу контратакующего противника. Всем бойцам было разъяснено, что отход за Вислу равно-

силен катастрофе. Надо выстоять. Надо разбить в первую очередь дивизию «Герман Геринг». Наши воины с ненавистью относились к этому имени. В окопах появились начертанные солдатской рукой плакаты: «Бей танки толстопузого Германа Геринга!»

Утром разгорелся бой.

Полки 47-й гвардейской стрелковой дивизии едва успели занять свои позиции, как на них ринулись вражеские танки. 19 танков двигались к позициям пехотинцев с фланга. Там стояло хорошо замаскированное противотанковое орудие старшего сержанта Дмитрия Забарова. Подпустив их на 300 метров, расчет открыл огонь и с первого же выстрела поджег один танк. Фашисты развернулись, чтобы зайти с другой стороны. Наводчик Царен Каспарян воспользовался этим. Два выстрела — и на месте замер еще один тяжелый танк, а еще через минуту загорелся и третий. Гитлеровцы попытались прорваться лобовым ударом, но артиллеристы не дрогнули. Они подбили еще два танка.

Во время боя наводчик Каспарян, заряжающий Куценко и замковый Машенкин были ранены, но не отошли от орудия.

Отважно боролись с танками и пехотинцы. Когда вражеские машины стали прорываться к траншеям, бронебойщик Александр Зуев сказал своим товарищам:

— Ничего! Враг силен, а мы сильнее!

Танков было восемь. Следом за ними двигались автоматчики. Гвардейцы не спешили открывать огонь: хотели бить наверняка. Когда до танков осталось сто метров, на них обрушилась лавина огня. Били бронебойщики, пулеметчики, автоматчики, стрелки.

Александр Зуев, тщательно прицелившись, выстрелил. Пуля заклинила башню. Танк не мог теперь вести кругового обстрела. Второй пулей Зуев попал в бензобак, и вражеская машина запылала. Гитлеровцы повыскакивали из люка, но их догнали меткие пули пулеметчиков.

Столь же мастерски расправился Зуев и со вторым танком. Первую пулю бронебойщик послал вражеской машине в лоб. Танк продолжал ползти прямо на отважного бронебойщика. Зуев снял ружье с бруствера и укрылся на дно окопа. Как только танк перевалил через окоп, солдат приподнялся, выстрелил и перебежал на запасную позицию. Танк развернулся и снова пополз на окоп. В этот момент бесстрашный гвардеец с запасной

позиции пустил во вражескую машину третью пулю и поджег ее. Метко вели огонь и соседи Зуева. Враг бежал. Рядом с горевшими танками остались десятки убитых гитлеровцев.

Жаркая схватка развернулась на участке обороны 220-го гвардейского стрелкового полка 79-й гвардейской стрелковой дивизии. Стрелковая рота, которой командовал лейтенант Владимир Трифонович Бурба, занимала оборону во ржи. В ходе боя выяснилось, что это был самый ответственный участок обороны дивизии,— враг направил сюда главный удар.

Коммунист Бурба умело организовал оборону. Танки были встречены гранатами и огнем бронебоек. Стрелки били по смотровым щелям из винтовок и пулеметов, ослепляя водителей вражеских машин.

Шесть атак одну за другой предприняли гитлеровцы, но не могли пробиться через рубеж, занятый гвардейцами.

Началась седьмая атака. Танки вплотную подошли к позициям наших пехотинцев. Лейтенант устремился навстречу головному танку и связкой гранат подбил его. Но тут надвинулся второй танк. Бурба, не видя другого способа остановить врага, со второй связкой гранат бросился под вражескую машину и подорвал ее.

Офицер-коммунист до последнего дыхания был верен присяге. Ценой своей жизни он задержал врага. Воодушевленные бессмертным подвигом командира, гвардейцы стояли насмерть. Никто не щадил своей жизни, у всех была одна мысль: выстоять и победить, отомстить врагу за смерть любимого командира. Рядовой Петр Хлюстин — маленького роста, восемнадцатилетний, скромный и тихий смоленский паренек. Когда вражеский танк приблизился вплотную к нему, он выскочил с двумя связками гранат из горящей ржи и кинулся наперерез бронированному чудовищу. Первая связка угодила в борт. И тут пулеметная очередь прошила грудь героя. Падая, он швырнул вторую связку под гусеницы. Танк не прошел.

Подвиг Владимира Бурбы и Петра Хлюстина в тот же день стал известен всей армии, а потом им было присвоено звание Героя Советского Союза. Узнали и в селе Попирня, что затерялось в широких степях Украины. Там родился и вырос Владимир Бурба, там жила его мать колхозница Матрена Григорьевна Бурба. Однополчане героя получили от нее письмо:

«Дорогие мои!

Большое Вам спасибо, что в трудную для меня минуту не забыли меня. Из Вашего письма я узнала, как храбро дрался с врагом мой любимый сын Володя, и что он погиб смертью храбрых. Тяжело пережить это горе материнскому сердцу. Слезы непрерывным потоком льются из очей моих. Но я горжусь, что воспитала такого воина-героя.

Еще три моих сына сражаются на фронте. Я напишу им: бейте врага так, как ваш брат Владимир. Будьте такими же стойкими и бесстрашными, как он. Мстите фашистам за смерть Володи!

Отомстите за нашего Володю и Вы, дорогие бойцы — сыночки мои! Разрешите мне так называть Вас. Ведь Вы делили радости побед и все тяготы фронтовой жизни вместе с моим Володей, до победы стояли с ним в упорном и тяжелом бою, который был для него последним.

Дорогие сыночки! Мне 65 лет. Но я работаю в колхозе. В этом году мы собрали на освобожденной от врага земле высокий урожай. Мы, колхозники, отдаем все свои силы, чтобы помочь нашей доблестной Красной Армии быстрее разбить врага.

Пишите мне по адресу: село Папирня Радомышльского района Житомирской области.

Крепко целую всех Вас.

Матрена Григорьевна Бурба».

День 6 августа был страшно напряженным. Василий Афанасьевич Глазунов никогда не жаловался на трудности, а тут позвонил мне!

— Товарищ командующий! Никак не сдержать танки. Прошу помочь...

Помощь была оказана. К полудню удалось переправить на плацдарм полк тяжелых танков ИС и польскую танковую бригаду. Они сразу же вступили в бой.

С уважением и благодарностью вспоминаю я наших польских друзей, отважно сражавшихся плечом к плечу с советскими воинами. Еще до форсирования Вислы они оказали нам большую помощь, сменив стрелковый корпус, оборонявший Люблин. Я уже упоминал о польских зенитчиках, прибывших на Вислу в самое трудное для нас время. Польской зенитной дивизией командовал полковник Прокопович, а начальником штаба был майор Соко-

ловский. Эта дивизия самоотверженно прикрывала переправу наших частей через Вислу. Под огнем пулеметов, под разрывами бомб польские зенитчики вступали в тяжелые схватки с вражеской авиацией.

При форсировании Вислы и во время боев по расширению Магнушевского плацдарма отлично действовала первая саперная польская бригада, которой командовал полковник Любанский, а его заместителем по политчасти был подполковник Зельгинский. Эта бригада под огнем артиллерии и авиации противника за двое суток навела мост через Вислу длиною в 900 метров. И хотя он просуществовал всего два часа, по нему было пропущено немало ценных грузов.

Польская танковая бригада под командованием генерала Межицана подошла к реке, когда на плацдарме шел ожесточенный бой. В течение нескольких дней и ночей под непрерывными бомбежками танки бригады переправлялись на пароме на западный берег реки. Польские танкисты проявляли исключительное мужество. Какой бы неистовой ни была бомбежка, они оставались на пароме. Но вот паром разбило. Танкисты отправились на поиски переправочных средств. Вскоре они доложили, что под Демблином нашлась исправная баржа, на которую можно сразу поставить 8—10 танков. Ночью баржу доставили в район Пшевуз — Тарновский, и переправа танков продолжалась.

Переправившиеся танки сосредоточивались у Магнушева. Командир бригады сразу же организовал здесь крепкую оборону. Первая же попытка фашистских войск прорваться к Висле на этом направлении потерпела неудачу. Все атаки были отбиты с большими потерями для противника.

Исключительный героизм проявили польские танкисты на участке Ленкавица, Тшебень. В разгар боя генерал Межицан на танке занял место в строю...

Сражение не прекращалось целый день. Все поле боя было усеяно горящими немецкими танками. Дорогой ценой удалось противнику вклиниться в нашу оборону, но добиться большего он уже не смог. На помощь польским танкистам пришли танкисты тяжелого танкового полка подполковника Оглоблина и артиллеристы полковника Кобрина. Общими усилиями боевые друзья ночью выбили противника. На поле боя осталось много трупов вражеских солдат и до 40 танков и бронемашин.

За этот бой более ста танкистов польской танковой бригады тут же на поле боя получили советские ордена и медали. Среди награжденных запомнился мне экипаж танка № 212: командир хорунжий Павлицкий, водитель Яковленко, капрал Левик, рядовые Забницкий и Свянтек. Отважная пятерка на своей боевой машине несколько раз ходила в разведку, подавила гусеницами огневые позиции двух батарей, подбила три немецких танка.

Командир бригады генерал Межицан, начальник штаба полковник Полищук и другие офицеры по ходатайству Военного совета армии были представлены к правительственным наградам.

Не менее отважно сражались за Магнушевский плацдарм на его правом фланге воины 3-й пехотной дивизии Войска Польского. Командовал дивизией полковник Станислав Галицкий. С ним мне довелось несколько раз встречаться на плацдарме. Храбрый и вдумчивый командир. На их долю выпала тяжелая задача. Они оборонялн участок Залесский, Загшев, который почему-то особенно облюбовала фашистская авиация. «Юнкерсы» без конца пикировали на боевые порядки полков. Только за одно утро было здесь зарегистрировано более 400 самолетовылетов. После массированного удара авиации в наступление пошли немецкие танки и пехота. В этом бою погибли многие польские товарищи. Но дивизия не дрогнула и отбила все атаки.

Когда положение за Вислой немного улучшилось, 3-я пехотная дивизия и 1-я танковая бригада Войска Польского были отозваны с плацдарма для наступления под Варшавой. Мы провожали их с почетом. Наша дружба была скреплена кровью на одном поле боя. Такая дружба — на века!

О ходе боев за плацдарм я докладывал штабу фронта через каждые два-три часа. Командование внимательно следило за боями на западном берегу.

69-я армия генерал-лейтенанта В. Я. Колпакчи так же, как и мы, с ходу переправилась через Вислу и захватила плацдарм западнее Демблина и Пулавы.

В наше распоряжение прибыли три зенитно-артиллерийские дивизии, которые мы поставили на прикрытие переправ. Наконец вернулись в свою армию те две дивизии, которые были оставлены в обороне на восточном берегу Вислы: их разрешили снять и переправить на плацдарм.

Как только прибывшие зенитные дивизии заняли огневые позиции, авиация противника прекратила налеты на переправы. С командного пункта армии было видно, как бомбардировщики противника девятками, а истребители — парами старались прорваться через заградительный огонь. Однако, встретив на своем пути густые разрывы снарядов, они уходили в сторону. Это было вечером 7 августа. А к утру следующего дня наши инженерные части закончили наводку двух мостов через Вислу, и на плацдарм полным потоком пошли свежие силы — артиллерия, танки, стрелковые части. На плацдарм был введен один танковый корпус 2-й танковой армии.

Теперь нас невозможно было столкнуть с западного берега.

Новые контратаки противника уверенно отражались войсками. 10 августа противник бросил против нас свежую 25-ю танковую дивизию. В первый же час боя она понесла большие потери и приостановила наступление.

Во второй половине дня мне позвонил К. К. Рокоссовский:

— Как дела?

Я доложил, что попытка противника атаковать наши части свежими силами не увенчалась успехом. На всех участках борьбы за плацдарм враг остановлен.

В телефонной трубке послышался вздох облегчения. Константин Константинович Рокоссовский, вероятно, с нетерпением ждал часа, когда противник выдохнется. И наконец этот час пришел. Судя по всему, командующий фронтом был доволен моим докладом.

Помолчав, он спросил меня:

— Как тебя найти?

Я понял, что он собирается приехать на плацдарм. Мне хотелось встретиться с ним. Но мог ли я рисковать жизнью командующего фронтом? Мой командный пункт недалеко от переднего края, противник может заметить движение машины и совершить артиллерийский налет. Я не терплю неправды, а на этот раз пришлось пойти на обман. Зная внимательность К. К. Рокоссовского к людям, я сказал ему:

— Товарищ командующий, я заказал баню. Хочу помыться. Часа через два буду на том берегу.

— Проще говоря, ты не хочешь пустить меня на плацдарм?— догадался он.

— Нет, серьезно, я хочу помыться. Баня уже заказана! — повторил я.

— Ну хорошо! — согласился Константин Константинович.

Вечером я встретился с ним на восточном берегу Вислы, в расположении второго эшелона штаба армии. Встретились тепло, сердечно, как брат с братом. Сходили вместе в баню, хорошо поужинали. Беседа наша — откровенная, доверительная — затянулась почти до утра. После того как я рассказал о ходе форсирования Вислы и о боях за плацдарм, вспомнили встречу на Волге, Сталинградскую битву. Поговорили и о текущих делах и планах на будущее. Наши мысли о дальнейшем развитии наступательных операций совпадали.

Константин Константинович — превосходный собеседник. В эту ночь мы глубже и полнее узнали друг друга и с той поры навсегда остались хорошими друзьями. Наша встреча оставила в моей памяти хороший след и помогла отчетливее понять характер, взгляды и мысли этого душевного человека и замечательного полководца. Уезжая, Константин Константинович не разрешил проводить его. Такая уж у него была натура. Он не любил подчеркивать свое высокое звание, со всеми держался как равный с равным. Хорошая, прекрасная черта, говорящая о полноте души и глубине разума.

Прощаясь с командующим фронтом, я заверил его, что противник в районе плацдарма не продвинется к Висле ни на шаг. Так и случилось. Прошло еще несколько дней, и гитлеровцы, получив отпор, окончательно отказались от попыток столкнуть нас в Вислу.

С 18 июля по 10 августа войска 8-й гвардейской армии прошли с боями около 250 километров, форсировали Вислу и овладели Магнушевским плацдармом — более 50 километров по фронту и до 20 километров в глубину.

Это был первый шаг 8-й гвардейской на главном, Берлинском направлении, шаг, который приближал нас к заключительному сражению, положившему конец третьему рейху.

Оценив значение завоеванного плацдарма, командующий фронтом приказал нашей армии перейти к жесткой обороне. Для усиления позиций нам придавался в оперативное подчинение 16-й танковый корпус, выведенный из состава 2-й танковой армии.

К 6 сентября войска армии закончили работу по инженерному оборудованию первой позиции оборонительной полосы. Перед двумя линиями сплошных траншей полного профиля, отстоящих на двести-триста метров одна от другой и соединенных ходами сообщения, были поставлены сплошные противотанковые и противопехотные минные поля, заграждения из колючей проволоки. Закончив оборудование площадок для пулеметов и противотанковых орудий, войска приступили к строительству блиндажей и второй позиции обороны (ее создавали дивизии второго эшелона).

По районам вероятного скопления танков и пехоты противника спланировали огонь орудий и минометов. Артиллеристы учились по первому же сигналу открывать точный сосредоточенный огонь. Особое внимание при организации системы огня обращалось на обеспечение маневра подвижных частей резерва. На наиболее угрожаемых направлениях стояло до 30 орудий на километр фронта. Во всех крупных населенных пунктах создавалась круговая оборона.

Мой заместитель генерал-лейтенант М. П. Духанов и начальник инженерных войск генерал-майор В. М. Ткаченко получили приказание провести рекогносцировку запасной армейской оборонительной полосы с передним краем по восточному берегу Вислы. Положение наше становилось более прочным. Прибывало пополнение. Мы принимали его в тылах армии, переодевали в военное обмундирование и направляли в дивизии, которые поочередно готовились к выходу в резерв.

Теперь, когда мы закрепились на плацдарме и стало ясно, что противник уже не в силах столкнуть нас в Вислу, можно было обстоятельнее поразмыслить над тем, как проходила операция, как действовали части и соединения, входившие в состав армии, как справлялись со своей задачей возглавляющие их командиры.

Кто они, эти замечательные люди?

Генерал-лейтенант Михаил Павлович Духанов. О нем

можно было бы очень много сказать. Его способности как военачальника во всем блеске проявились во многих операциях. Он умел всегда выбрать место, где было труднее. Спокойный, рассудительный, он вносил уверенность в действия войск, оказывался самым нужным человеком и для командира и для бойца.

А вот командир 4-го гвардейского корпуса генерал-лейтенант Василий Афанасьевич Глазунов. В прошлом воздушный десантник, он не раз, еще в 1941 году, с войсками побывал в тылу у противника. Затем, после переформирования воздушнодесантных корпусов в гвардейские стрелковые дивизии, его назначили заместителем командира корпуса. Заместитель командира — должность, которая не всегда упоминается в реляциях и приказах. При удачных операциях лавры достаются прежде всего командирам. Но Глазунова нельзя было не заметить. Энергичный, решительный, он всюду оказывался в центре событий. Его видели с бойцами в окопе и в атаке, он был незаменим и на передовом командном пункте.

Вскоре его назначили командиром корпуса, и в боях на Висле, где требовалось проявить особенно высокие организаторские способности, быстроту действий и командирскую волю, он вовсю развернул свой талант. Глазунов правильно понял, что главное — быстрота подготовки маневра и внезапность действий. Его части быстрее всех и лучше всех приступили к выполнению задачи, стремительно и решительно форсировали реку и отлично сражались на противоположном берегу.

В корпусе ведущую роль при форсировании Вислы сыграла 57-я гвардейская стрелковая дивизия во главе с генералом Афанасием Дмитриевичем Шеменковым, сумевшим скрытно и вовремя сосредоточить свои полки для мощного удара, который по существу обеспечил успех всему корпусу.

Правее, в центре оперативного построения армии, форсировал Вислу 28-й гвардейский корпус под руководством генерал-лейтенанта Александра Ивановича Рыжова. Его задача была — нанести глубокий рассекающий удар. Александр Иванович успешно справился с этой сложной задачей, показав огромную волю и мужество. Дивизия первого эшелона этого корпуса — 79-я гвардейская — под командованием генерал-майора Леонида Ивановича Вагина начала переправу одновременно с диви-

зиями корпуса Глазунова. Полки дивизии, дружно форсировав Вислу, сразу перемахнули через дамбу, отбросили противника на запад и тем самым лишили его возможности наблюдать за рекой и подходами к ней.

На правом фланге армии форсировала Вислу 27-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием генерал-майора В. С. Глебова. Полки этой дивизии несколько запоздали с выходом к реке, но в дальнейшем наверстали упущенное и вовремя переправились на плацдарм.

Умение этих командиров воодушевить и повести людей на подвиг, их инициатива и личное бесстрашие в значительной степени способствовали успеху операции. Не случайно звание Героя Советского Союза получили В. А.Глазунов, Л. И. Вагин, В. С. Глебов, А. И. Рыжов и Е. Г. Цитовский.

При форсировании такой широкой и глубокой реки, как Висла, много пришлось потрудиться инженерам и саперам. Благодаря их самоотверженности и мастерству удалось переправить через реку не только людей, но и танки, артиллерию, боеприпасы, продовольствие и другое имущество. Эту трудную и опасную работу направлял инженерный отдел армии. Его дружный коллектив сумел в кратчайший срок скрытно сосредоточить все необходимое для форсирования реки. Они работали в основном ночами, чтобы скрыть от противника нашу подготовку. Под пулями, снарядами и авиационными бомбами организовали переправу. Трудно передать, с каким напряжением физических и моральных сил работали инженерные и саперные части, пока основная масса войск и техники не была переправлена на западный берег.

Возглавлял всю эту титаническую работу начальник инженерных войск армии генерал Владимир Матвеевич Ткаченко — спокойный, неторопливый в рассуждениях и действиях человек, в то же время он умел организовать дело так, что все задачи выполнялись вовремя.

Генерал Ткаченко обладал хитринкой хорошего хозяина. У него всегда имелись какие-то свои, только ему одному известные резервы. Поэтому никакие случайности не могли его застать врасплох.

Нельзя не сказать доброго слова об армейских артиллеристах во главе с командующим артиллерией Николаем Митрофановичем Пожарским, начальником штаба

Владимиром Фомичом Хижняковым и другими офицерами, в большинстве своем участниками великого сражения на Волге. Артиллеристы искусно маневрировали огнем и колесами, наносили врагу мощные и точные удары.

Первое время на плацдарме у нас было мало тяжелых танков, которые могли бы состязаться с гитлеровскими «тиграми» и «фердинандами». Борьбу с ними вела артиллерия, главным образом орудия крупных калибров, которые выдвигались на открытые позиции и били прямой наводкой. Переброшенные из-под Варшавы для ликвидации нашего плацдарма дивизия «Герман Геринг» и другие танковые части были остановлены и разгромлены артиллерией крупных калибров и пехотинцами — истребителями танков. Дрались по-сталинградски. Прямая наводка, связка ручных гранат плюс фаустпатроны, добытые в боях у врага, а главное — патриотизм и героизм советских людей преградили путь отборным фашистским войскам.

Наши пехотинцы и танкисты тесно взаимодействовали на поле боя, дополняли друг друга, прокладывая путь вперед, очищая и навсегда закрепляя за собой освобожденную землю. Они хорошо использозали результаты огневых ударов артиллерии и авиации, сразу же развивали достигнутый успех.

Магнушевский плацдарм, как и другие плацдармы на Висле, стал воротами, через которые наши войска двинулись на освобождение Польши.

В дни совершенствования обороны плацдарма мне довелось побывать во многих частях, повстречаться с героями боев за Вислу и вручить им заслуженные награды. Я приколол орден Славы I степени к груди бывшего донецкого шахтера командира орудия гвардии старшего сержанта Нестера Григорьевича Мосина. Это уже пятая его награда. Золотой орден Славы он заслужил замечательными делами. Вместе со своим братом ефрейтором Леонидом Мосиным и заряжающим красноармейцем Кулиновым Нестер Григорьевич разбил за минувший год 4 немецких танка, 3 самоходных орудия, 2 бронетранспортера, 12 орудий, до 15 пулеметов и уничтожил свыше 300 гитлеровцев.

Рядом с воинскими наградами на гимнастерке сержанта медаль «За трудовую доблесть» — свидетельство самоотверженного труда на шахте в Донбассе, где Нестер Григорьевич работал в мирное время. Мосин настой-

чив, делает все обстоятельно, наверняка. Из любого самого трудного положения он умеет найти выход.

Однажды расчет сержанта Мосина вместе с группой пехотинцев вклинился глубоко в расположение противника. Враг зажал смельчаков в кольцо. Бесстрашно действовали артиллеристы. Прямой наводкой они разбили три орудия и два бронетранспортера. А когда гитлеровцы приблизились на триста метров, артиллеристы открыли огонь. Они уничтожили не менее двухсот фашистов. Общими усилиями пехотинцы и артиллеристы прорвали вражеское кольцо и вышли к своим.

На подступах к Люблину орудийный расчет Мосина прямой наводкой разрушил три дзота, уничтожил несколько пулеметных гнезд противника. Шаг за шагом продвигалось орудие вместе со штурмующей пехотой.

При форсировании Вислы артиллеристы Мосина, погрузив орудие на лодку, одними из первых переправились на плацдарм. Зацепившись за клочок земли, гвардейцы своим огнем помогли пехоте в наступлении.

Во многих боях участвовал кавалер трех орденов Славы коммунист Несгер Мосин. Он сражался так, как наказывал своим сыновьям старый шахтер Григорий Егорович Мосин, бил врага беспощадно, по-шахтерски.

В этой же батарее я вручил орден Отечественной войны I степени красноармейцу Виктору Шерстюкову. Еще на Северном Донце его назначили ездовым.

— Чем же не приглянулся я командиру?— недоумевал боец.

Этот вопрос не выходил у него из головы, но работал Шерстюков с величайшим рвением, холил и нежил своих любимцев Пушкаря и Пудика — могучих коней-тяжеловозов. Был он расторопным, аккуратным. Бывшему колхознику нравилось работать с лошадьми, но он все же мечтал попасть в орудийный расчет, расстреливать вражеские танки и самоходки, воевать по-настоящему.

Однажды в подразделении проводился смотр лошадей. Сытые, вычищенные до блеска Пушкарь и Пудик были признаны лучшими в части. Шерстюков получил благодарность перед строем. Когда командир направился в свой блиндаж, Шерстюков догнал его.

— Скажите, это правда, что ездовыми назначают худших бойцов?

Командир внимательно взглянул на него:

— Нет, тебя назначили как лучшего. Ты же сам зна-

ешь, как много значит в бою хороший, смекалистый ездовой.

На плацдарме за Вислой артиллеристам выпало тяжелое испытание. Днем и ночью шли бои. Случилось так, что вражеские танки показались с фланга. Надо было переменить огневые позиции, чтобы ударить врага прямой наводкой. Пытались артиллеристы выкатить орудия на руках — не получается, вязнут колеса в песке. Шерстюков в это время привез снаряды. Узнав о беде товарищей, он подскакал на своих конях к орудию, ловко подцепил его и помчался вперед. С новой позиции артиллеристы сейчас же открыли огонь. А Шерстюков уже мчался за следующим. Так он выкатил все три орудия. Их меткий огонь решил исход боя.

За этот подвиг Шерстюков и получил орден.

Чудесные люди у нас. На любом посту они вершат героические дела. С удовлетворением я вручил орден Ленина санинструктору Михаилу Лобенко. Скромный, незаметный человек, а с какой гордостью мне рассказывали о нем товарищи! Всем запомнился такой случай. После контратаки бойцы вернулись в свои траншеи и тут спохватились: нет младшего лейтенанта Николая Стрельникова. Вскоре его увидели: тяжело раненный офицер лежал на ничейной полосе. Вокруг него взлетали фонтанчики земли — стреляли вражеские пулеметы. Гвардейцы открыли сильный огонь по гитлеровцам, мешая им прицельно стрелять в раненого. Но что делать дальше? И тут из окопа выскочил невысокий, коренастый боец. Он пробежал несколько метров, затем упал и по-пластунски пополз к офицеру. Это был Лобенко. Отважный санинструктор взвалил раненого на спину и пополз к нашим траншеям. Командир был спасен.

Немало раненых вынес с поля боя гвардии старшина Лобенко. Спасенные им офицер Стрельников, красноармеец Ковалев и многие другие до сих пор пишут Михаилу Алексеевичу письма, полные благодарности. Сам Лобенко четырежды был ранен в бою. Излечившись, он каждый раз возвращался в родную часть и снова перевязывал и выносил из-под огня раненых бойцов и командиров.

Был в нашей армии еще один санинструктор — кавалер ордена Ленина... Это старшина Федор Иванович Сидоренко, участник Сталинградской битвы. Уже тогда, в дни боев на территории завода «Красный Октябрь»,

старшина вынес из-под огня 80 раненых бойцов и командиров. Его знала вся армия как отважного воина. Командир полка В. А. Турчинский говорил:

— Где находится Федор Сидоренко, ни одного раненого не останется под огнем.

На Магнушевском плацдарме он однажды вынес с нейтральной полосы сразу двоих: командира артдивизиона и радиста. Положил их на плащ-палатку рядышком и ползком поволок в безопасное место.

Сидоренко погиб на посту: его раздавил фашистский танк вместе с раненым бойцом, которого он нес с поля боя.

Каких людей воспитала наша партия! Бесстрашные, неутомимые, готовые на любой подвиг во имя народа... И таких не десять, не двадцать, а тысячи! Смотришь на них, и сердце переполняется гордостью: спасибо тебе, Родина-мать, за то, что на твоей земле живут такие отважные воины!

5

Наступила пора тихой оборонительной или, точнее сказать, окопной жизни. В этих условиях особое значение приобретает бдительность.

В длительной обороне люди свыкаются с неподвижностью линии фронта, «привыкают» к противнику и иногда без сговора не мешают один другому жить «по-человечески». Например, не ведут огня по движущейся по полю кухне, не мешают ходить за водой и т. д.

Это объясняется, по-видимому, и тем, что оборняющимся частям дают меньше, чем наступающим, и снарядов, и мин, и патронов, так как в это время идет накопление сил и средств для решающих событий. И боец думает: «Я буду стрелять по немцам, идущим с котелками к кухне за пищей, израсходую боеприпасы, а противник разозлится и ответит нам тем же, а может быть, еще сильнее, тогда противная окопная жизнь станет в десять раз противнее».

Что такое окопная жизнь, говорить много не приходится. Тем, кто не испытал ее, достаточно спуститься в сырой подвал или погреб с узким окошком и представить себе, как сидели в таких условиях люди неделями, а то и месяцами в ожидании, что этот подвал или погреб в любую минуту обвалится от попадания снаряда или

мины и придавит бревнами, покрытыми грязью и плесенью.

Кроме того, приходится часами стоять на посту наблюдателем, сидеть в секрете, то под проливным дождем, то под палящим солнцем, то в морозную вьюгу.

Многие бывали в бомбоубежищах и знают, как удручает человека их сырая и холодная немота. Однако в бомбоубежище человек чувствует себя несравненно лучше, чем в окопе или блиндаже первой позиции обороны. Солдат страдает не только от всевозможных лишений, но и от изнуряющего однообразия жизни. И потому рад каждому новому явлению, даже пустячному. Если между окопами пробежит заяц, это вызывает всеобщее ликование. Услышав музыку или пение, солдаты затихают и готовы слушать, забыв все на свете.

Безразличие — страшная болезнь. Нельзя было давать ей развиваться. Нельзя было допускать, чтобы люди ослабили бдительность. Это понимали наши политические и партийные работники. Они старались ни одного человека не оставить без внимания и участия. Посещая подразделения, я интересовался работой парторгов. Особенно понравился мне своей целеустремленностью и неутомимостью парторг роты 220-го гвардейского стрелкового полка младший лейтенант Василий Петрович Выборнов.

Его радовало, что ночи стали длиннее: значит, можно больше сделать, так как работать на переднем крае можно только под покровом темноты. В сумерках он уходил в окопы. Солдаты его везде встречали с радостью, засыпали вопросами. Беседы парторг проводил и с группами и даже с отдельными бойцами. Их интересовало все, но прежде всего, конечно, свежая сводка Совинформбюро. С нее и начинался разговор. А потом незаметно беседа заходила о том, что сегодня произошло в подразделении, кто отличился, что сумел за день сделать тот или иной боец. Многое значит — по душам поговорить с бойцом: и бодрее себя чувствует человек, и работается веселее, и глаза зорче за врагом следят.

А парторг не только разговаривает, но и оружие бойца осмотрит. Так однажды проверил он пулемет рядового Скворцова и заметил, что затворная рама засорена песком.

— Так твой пулемет может отказать в бою. И себя, и товарищей подведешь.

Выборнов предупредил его, что о неисправности пу-

лемета он пока никому не скажет, но через час оружие должно быть в идеальном порядке. Подобные товарищеские предупреждения действуют сильнее наказания. Мне рассказывали после, что Скворцов стал беречь пулемет как зеницу ока.

Фронтовики любят живое слово. И парторг не только сам беседовал с бойцами, но и требовал от коммунистов, чтобы они постоянно были с людьми, живо откликались на их запросы.

Бойцы переднего края не могли припомнить такой ночи, когда бы к ним не приходил парторг. Они постоянно чувствовали его заботу. Он вникал во все. Не было в землянках керосиновых ламп — Выборнов предложил сделать самодельные светильники и добился, чтобы они были в каждом блиндаже.

— От нас до противника,— рассказывали бойцы,— всего четыреста метров, но парторг сказал, что и здесь есть возможность хорошо отдохнуть. Видите, какие теплые у нас землянки. В них вы найдете и газеты, и брошюры, и журналы, и книги. Об этом позаботился наш парторг.

Жизнь доказала, что «окопные настроения» рождаются не всегда и не везде. Их можно избежать вовсе, как это было у нас на Магнушевском плацдарме, если в ротах и взводах по-настоящему поставлена партийно-политическая работа. Главная цель ее, чтобы в обороне сохранялась высокая бдительность, чтобы люди не забывали о противнике, который всегда может перейти в наступление и, воспользовавшись нашей беспечностью и ротозейством, внезапно и быстро малыми силами добиться больших успехов. Воинам постоянно напоминалось, что, вероятнее всего, наступать или наносить удар будут не те войска противника, которые давно стоят в обороне, а свежие, из резерва. Войска, находящиеся в обороне, чаще всего играют роль щита для сосредоточения свежих сил, подготовленных для нанесения внезапного удара.

Не подумайте, что в дни оборонительного затишья на Магнушевском плацдарме 8-я гвардейская армия в безделье коротала длинные осенние ночи. Когда пушки молчат, действуют разведчики, обливаются потом саперы, а штабы забывают про отдых.

Разведка действовала непрерывно, своевременно добывая данные о вражеских войсках. Знать, что за противник сидит в первой траншее и каковы его намерения,

интересно и важно, но далеко не достаточно. Требуется вести разведку глубокую, чтобы хорошо представлять себе, что делается в тылу противника за десять, тридцать, пятьдесят километров от его переднего края. Это не значит, что командир роты или батальона должен вести разведку на такую глубину. У него нет для этого сил и средств. Но он может и должен стремиться как можно дальше просматривать позиции противника и впередилежащую местность. Только тогда атаки врага не будут для него неожиданными. Глубокую разведку вели командиры дивизий, корпусов и армии. У них для этого было больше возможностей.

Войска строили укрепления. На плацдарме надо было закрепиться так, чтобы противник не мог потеснить нас даже на метр. Мы возвели две позиции, каждая из двух-трех траншей с убежищами и блиндажами. Через Вислу проложили восемь мостов грузоподъемностью до 60 тонн. Перед каждым мостом построили предмостные укрепления. Все это потребовало напряженного труда от всех войск, находящихся на позициях и в резерве.

Мы догадывались, что, когда придет время, с Магнушевского плацдарма будет нанесен главный удар силами фронта. Поэтому и оборонительные работы вели с расчетом на наступательные действия крупными силами.

На плацдарме было много заболоченных мест. Армейским саперам во главе с генералом Ткаченко пришлось основательно поработать. Они построили около 200 километров дорог, в том числе 130 километров колейных и 30 километров жердевых дорог через болота и сыпучие пески.

Чтобы беречь силы и на высоком уровне держать боевую готовность войск, мы периодически меняли части на переднем крае. Первая такая смена была произведена в ночь на 9 сентября. В первом эшелоне оставались четыре дивизии из девяти, остальные отводились во второй эшелон, где они доукомплектовывались, занимались боевой подготовкой и отдыхали.

Теперь можно с уверенностью сказать, что 8-я гвардейская армия, оказавшись в новых условиях в составе 1-го Белорусского фронта, с успехом выдержала очередной боевой экзамен и завоевала моральное право претендовать на получение еще более трудных и ответственных задач. Магнушевский плацдарм стал трамплином для мощного рывка вперед.

Как итог: в результате летне-осенней кампании 1944 года на центральном стратегическом направлении советские войска вышли на рубеж рек Нарев, Висла, захватив и закрепив за собой плацдармы для дальнейшего наступления. 2-й Белорусский фронт — на реке Нарев в районе Пултуси, Сердоцк; 1-й Белорусский фронт — в районе Магнушев и Демблин-Пулавы; 1-й Украинский фронт — в районе Сандомира.

На других фронтах советские войска также одержали ряд успехов. Осень 1944 года ознаменовалась почти полным освобождением советских территорий от вражеской оккупации.

СЖАТАЯ ПРУЖИНА РАСПРЯМЛЯЕТСЯ

1

Бой Кремлевских курантов в Москве возвестил начало года 1945-го.

Этот Новый год мы встречали как год наступающей победы... Ни у кого не было сомнений, что именно в этом году война завершится полным разгромом гитлеровской армии, полным освобождением порабощенных народов Европы. Близился час, которого вот уже несколько лет с нетерпением ждали все советские люди, час вступления наших войск на территорию захватчиков.

Страна наша была уже полностью освобождена, за исключением небольшого клочка в северо-западной части Латвийской ССР, Курляндии. Освобождена была почти вся Восточная и Юго-Восточная Европа. В Румынии, в Болгарии, в Югославии, в Албании, на освобожденных землях Польши и Венгрии начинались революционные народно-демократические преобразования, которые должны были предопределить судьбы их народов. Намечались свершения, которые привели к новому прорыву империалистического фронта, к победе социализма в ряде европейских стран. Политическая арена бурлила и кипела. Гитлеровский режим оказывался между молотом и наковальней. И молот был занесен для очередного, может быть, и последнего, а может быть, предпоследнего удара.

Уже и бывшие гитлеровские сателлиты вступали против него в войну на стороне антифашистской коалиции.

Позади были Тегеран, конференция в Думбартон Оксе... Еще, правда, не было Ялты, где были приняты окончательные решения союзниками по ликвидации фашизма и его последствий во всем мире.

Я опять же возвращаюсь к тем мотивам, которые занимали нас перед началом летне-осенней кампании сорок четвертого года.

На что могли рассчитывать Гитлер и его генералы в сорок пятом году?

Все более или менее активные попытки устранить Гитлера с политической сцены закончились внутри Германии крахом. После провала заговора 20 июля 1944 года всякое подобие оппозиции в командных и правительственных сферах прекратило свое существование. Гитлер жестоко подавил противников и вновь привел к безусловному повиновению своих генералов.

Обнажалась и для немецкого народа с полной очевидностью жестокая, кровавая, предательская сущность фашистской диктатуры. Ради сохранения в руках власти, фашистские правигели шли на прямое уничтожение народа. Лишь бы продлить свое существование...

В ходе летне-осенней кампании 1944 года Красная Армия уничтожила или пленила 96 немецких дивизий и 24 бригады. Были разгромлены и понесли большие потери 219 дивизий и 22 бригады. Они потеряли от 50 до 75 процентов своего состава. Общие потери гитлеровской Германии за одну кампанию достигли катастрофических цифр: 1600 тысяч человек, 6700 танков, более 12 тысяч самолетов. В 1944 году, особенно в начале года, промышленность Европы, контролируемая гитлеровцами, еще справлялась с военными заказами, выпуская оружие всех видов и боевую технику даже в больших масштабах, чем в начале войны. Но по мере продвижения Красной Армии по нашей земле далее на запад, отсекались один за другим источники важнейшего стратегического сырья, немецкие заводы к концу года вынуждены были сворачивать военное производство.

В то же время наша, советская промышленность наращивала темпы производства, Красная Армия получала мощнейшее техническое оснащение.

Сегодня мы располагаем свидетельствами многих немецких генералов о том, что Гитлер умел считать военную технику, что он вникал в вопросы военного производства и всегда располагал сведениями о технической оснащенности своей армии, о насыщенности своих дивизий живой силой. Гитлер не мог не знать, что в военном плане рассчитывать ему было не на что. Все расчеты выносились в сферу политическую.

Ставка делалась на раскол в рядах союзников. Они надеялись, что новые революционные сдвиги в странах Юго-Восточной и Восточной Европы внесут раскол между Советским Союзом и англо-американскими правящими кругами. Теперь мы знаем, что расчеты эти имели неко-

торые основания, когда они касались лишь правящих кругов. Но гитлеровцы, как всегда, рассчитывали лишь поверхностно, не учитывая народов, выдавая по-прежнему желаемое за действительность.

Продолжать войну в сложившейся обстановке для фашистского государства было чистейшим авантюризмом. Но война продолжалась. Несмотря на огромные потери, Гитлер все еще мог бросать во всепожирающее пекло значительные силы, и никто из нас не рассматривал поход на Берлин как увеселительную прогулку. Нам предстояло ломать сильнейшие оборонительные рубежи противника. Значительно сократилась и линия фронта. Это позволяло гитлеровскому командованию уплотнить боевые порядки, насытить укрепления войсками, способными оказать упорное сопротивление. Немецкий солдат, несмотря на крупнейшие поражения, еще не утратил сопротивляемости. На советско-германском фронте нашим войскам противостояли 3100 тысяч человек. Армии Гитлера выставляли против нас 28 500 орудий и минометов, 3950 танков и штурмовых орудий, 1960 боевых самолетов. В тылу этих войск создавались мощные резервные формирования. Они насчитывали более 2 миллионов человек, 2700 орудий, 1090 танков, 930 боевых самолетов. Большинство этих резервных формирований, как показали события, было использовано на Восточном фронте.

В нашей действующей армии к началу нового года насчитывалось около шести миллионов человек. Советская промышленность, советский рабочий класс создал к этому времени могучую артиллерию. Мы имели 91 400 орудий и минометов, 2993 реактивных установки. Были готовы к бою около 11 тысяч танков и самоходно-артиллерийских установок, 14 тысяч 500 боевых самолетов.

Страна пережила в 1941 г. страшнейшей силы удар, огромная территория, на которой располагались ее важнейшие промышленные центры, сырьевые базы, была разорена, к концу войны сумела создать самые мощные в мире Вооруженные Силы. Перед всем миром наш народ продемонстрировал силу и могущество социалистического строя.

Военные задачи начинающегося сорок пятого года диктовались всей обстановкой, сложившейся в мире. Нам предстояло разгромить мощные группировки врага в Восточной Пруссии, Польше, Чехословакии, Венгрии, Австрии и захватить Берлин. Общая политическая обста-

новка, попытки гитлеровцев вступить с некоторыми представителями англо-американских правящих кругов в переговоры о сепаратном мире, намечавшиеся у нас с союзниками разногласия по восточноевропейским проблемам, диктовали нам сжатые сроки.

С военной точки зрения, главным направлением удара оставалось направление, на котором действовали войска 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов,— Познань — Бреслау — Померания — Варшава — Берлин. Здесь предстояли самые решающие сражения.

История войн знает немало примеров, когда война продолжалась и после падения столицы государства. Мы, однако, не имели основания считать, что на этот раз война продолжится и после падения Берлина. Поэтому в планировании операций как бы ставилась смысловая точка — штурм Берлина.

С запада на Берлин, в сердце Германии, двигались войска наших союзников. Правда, их наступление развивалось значительно медленнее, чем это мы могли бы ожидать... А в январе у них начались крупные неприятности, несмотря на то, что для гитлеровского командования Западный фронт не был главным фронтом даже с первых дней высадки десанта. Фашистская газета «Националь Цейтунг» 8 июля 1944 года писала:

«Действительно ли центр тяжести войны переместился с востока на запад? Можем ли мы легкомысленно относиться к событиям, связанным с советским наступлением на Восточном фронте, что Восток, так сказать, стал второстепенным театром войны? Никогда!.. Главная опасность для Европы находится, как и раньше, на Востоке».

«Берлинер Цейтунг» 13 июля в предвидении новых поражений вермахта успокаивает своих читателей: «Если мы против напора советских войск в последние месяцы и в течение всего прошедшего года располагали занятой нами территорией, которую мы могли оставить, чтобы добиться равновесия, то сегодня тактика германского командования, вероятно, иная, но даже если наше командование намерено задержать и разбить противника, то это еще не значит, что оставление какой-нибудь части территории можно рассматривать как критический факт, имеющий решающее значение для общего года великого сражения на Западе и Востоке».

Но жизнь неумолимо вносила свои поправки в гитлеровские планы. В военно-исторической литературе нема-

лое место занимают рассуждения у западных авторов, почему Гитлер предпринял широкое контрнаступление в декабре сорок четвертого года против англо-американских войск. Западные авторы приводят в своих пояснениях слова Гитлера, произнесенные им на одном из совещаний с генералами, которые в какой-то степени проливают свет на историю Арденнского контрнаступления. Гитлер заявил: «Тот, кто внимательно следит за развитием событий, не может не увидеть, что противоречия между нашими врагами растут с каждым часом. Если теперь мы сможем нанести им еще несколько сильных ударов, то в любой момент можно ожидать, что этот разрекламированный «единый фронт» развалится при оглушительных раскатах грома...»

Английский историк Эрман делает из этого вывод, что Гитлеру казалось, «если Германия сможет нанести достаточно сильный удар противнику на одном из основных фронтов, то этим она добьется более или менее приемлемых условий для заключения мира с данным противником, независимо от обстановки на другом фронте... Гитлер надеялся, что договориться с западными державами будет легче, чем с русскими».

Безусловно, это объяснение имеет под собой какую-то почву, но полностью оно не вскрывает всех мотивов, которыми руководствовался Гитлер. И сам Гитлер и его генералы при всей их совместной самоуверенности не могли не видеть, что второго Дюнкерка им уже не устроить... При всей неподготовленности армий союзников к сложным маневренным операциям, как того требовало военное искусство того времени, серьезного успеха ожидать было трудно. Какой-то, хотя бы относительный успех в военных операциях ему был необходим для поддержания своего пошатнувшегося престижа в армии и в народе.

Если бы Гитлер действительно искал военной удачи на Западе, он предпринял бы значительно большие усилия, чтобы помешать высадке десантов в Нормандии, когда еще не были наращены в достаточной степени силы союзников на материке. Он это мог бы сделать даже за счет сокращения фронта на востоке. Мы же видели в то время совершенно обратное. Гитлер ослаблял Западный фронт, чтобы сдержать наше летне-осеннее наступление сорок четвертого года.

Ныне многие немецкие генералы сетуют, что Гитлер не прислушивался к их советам, и этим пытаются объяс-

нить неудачи гитлеровской армии. Их желание оправдать себя перед историей легко объяснимо. Но они закрывают глаза на главное. Не имели решающего значения те или иные ошибки в ходе боевых действий на Восточном или на Западном фронте, ибо существовала главная и решающая ошибка в общей концепции развязанной Гитлером второй мировой войны.

История уже достаточно полно осветила политические аспекты выступления Гитлера против западных капиталистических стран.

История должна признать, что такой победы, как в Польше, германские вооруженные силы никогда не одерживали. Через год последовала серия ударов на западе, пала и Франция. Гитлер углублял конфликт с западными странами, с народами Европы, поднимал против себя общественное мнение и за океаном. И как политик, и как военный деятель Гитлер втягивался в безысходный конфликт со всем капиталистическим миром. Но этими молниеносными победами фашистский режим поднимал настроение войск. Немецкий солдат был опьянен легкими, но эффектными победами. Вместе с тем и отрабатывалось взаимодействие всех родов войск в маневренных сражениях на полях Западной Европы без особого риска для немецкого генералитета быть побитыми.

Войска, одержавшие победы, войска, приведенные в движение, всегда имеют преимущество перед той стороной, которая еще не втянулась в войну. Отчасти и этим мы можем объяснить первые удачи Гитлера на Восточном фронте в России.

Но вот начались первые трудности. Начал по срокам срываться пресловутый план «Барбаросса».

То на одном этапе продвижения в глубь нашей страны, то на другом Гитлер наталкивался на возрастающее сопротивление Красной Армии и всего советского народа.

К подступам Москвы гитлеровские войска докатились в сроки, нетерпимые для продолжения военных действий, с огромными потерями в технике. Всякий грамотный военачальник крепко задумался бы, надо ли идти на штурм столицы упорно при возрастающем сопротивлении ее защитников в надвигающуюся зиму с войсками, не одетыми по-зимнему? Военная наука диктовала какие-то иные решения, политик тоже искал бы новых комбинаций, но Гитлер сам втянулся в Московское сра-

жение, которое привело его к первому значительному поражению на Восточном фронте и в ходе всей второй мировой войны. Оказалось, что «непобедимая армия» третьего рейха может быть бита и жестоко бита.

Гитлер-политик имел еще раз возможность взвесить создавшуюся ситуацию.

По тайным каналам, правда, уже шли переговоры его агентуры с некоторыми западными деятелями о возможности сепаратного соглашения, но опасность второго фронта в Европе была еще далека...

В первый год войны Гитлер сумел организовать наступление на фронте протяженностью в несколько тысяч километров. Он оккупировал огромные территории. Никогда еще Германия не захватывала столько земель силой оружия. Однако сущность фашистского режима была таковой, что она требовала нового и нового самоутверждения. Всякое отступление от провозглашенных захватнических программ и планов грозило этому режиму крушением. И в сорок втором году Гитлер ринулся в новое наступление. Он уже не имеет ни сил, ни возможности наступать на всем протяжении фронта, он сосредоточил всю силу удара на более узкой полосе, рвется к Сталинграду и на Кавказ.

Сторона наступающая, сторона, желающая выставить себя перед всем миром, и в особенности перед своим народом, перед своей армией-победительницей, сторона, получившая некоторый успех, захватившая огромные территории, продолжает войну, ограничивая размах операций. Это ли уже само по себе не признаки ее слабости, это ли не признаки возросшей силы противника, наших возросших сил?

Гитлеровские армии достигают стен Сталинграда. Гитлер объявляет падение Сталинграда... Сталинград не пал, армия Паулюса втягивается в изнуряющие и бесперспективные уличные бои. За нами остается узкая кромка волжского берега...

Время летнее. Еще есть возможности для широкого маневрирования армии вторжения. Нет же! С упорством маньяка Гитлер продолжает штурм Сталинграда. С военной точки зрения, на каком-то этапе этот штурм становится бессмыслицей. Неудача в Сталинграде грозит гитлеровскому режиму неисчислимыми политическими последствиями. Коммуникации армии вторжения невероятно растягиваются, надвигается время осенней и зимней

распутицы. Надвигается опасность нашего контрудара, а затем и контрнаступления. Гитлер стоит на своем. Он требует взятия Сталинграда! Чем все это кончилось — известно...

Третий год войны. Собрав все, что можно было собрать, Гитлер планирует наступление уже на узком участке фронта протяженностью не в тысячи и не в сотни, а лишь в десятки километров. Он собирает в бронированный кулак силы не меньшие, чем те, с которыми он начинал войну. Начинается Курская битва, начинаются грандиозные танковые сражения. Все кончается катастрофой для армии вторжения... Армия вторжения покатилась вспять!

Война стучится в пределы Германии. Возмездие близится... Уже позади «бунт генералов».

Начинается судорожное наступление в Арденнах.

Отдадим должное немецкому командованию. Это наступление было организовано, с военной точки зрения, безупречно. Готовилось оно в глубокой тайне, и эффект внезапности был достигнут. Надо сказать, что предшествующая этому тактика усиления Восточного фронта в ущерб Западному, в какой-то степени притупила бдительность англо-американского командования. Видимо, англо-американское командование уже не ожидало со стороны противника решительных действий.

Гитлеровские генералы планировали нанести удар 29—32 дивизиями в районе Арденн в общем направлении на Антверпен. Предполагалось уничтожить 25—30 американских и английских дивизий к северо-востоку от линии Антверпен—Брюссель—Бастонь.

Время для удара было выбрано удачно. Стояла в этих местах нелетная погода. Гитлеровцы рассчитывали, что союзники не смогут использовать свое огромное превосходство в воздухе.

Но тех сил, которые требовались бы для успешного завершения такой операции, гитлеровское командование уже собрать не могло. Потери на Восточном фронте обескровили немецкие дивизии, нависающая опасность перехода в наступление Красной армии на Висле сковывала возможности маневрирования резервами.

На рассвете 16 декабря три немецкие дивизии: 6-я СС, 5-я танковая и 7-я пехотная нанесли в Арденнах удар. В тыл англо-американских войск были выброшены небольшие воздушные десанты. В первые сутки развернувшегося сражения англо-американское командование не

придало должного значения удару. 17 декабря немецкая пехота, преодолев линию обороны 8-го американского корпуса северо-восточнее и юго-восточнее Сен-Вита, расчистила дорогу для танковых дивизий, и они устремились в глубину обороны союзников. 19 декабря передовые танковые части уже подходили к Льежу, а главные силы 5-й танковой армии продвигались, не встречая серьезного сопротивления, к Маасу.

В последующие дни обстановка еще более усложнилась. Авиация союзников фактически бездействовала, парализованная нелетной погодой. Но ожидаемой катастрофы не наступало и не могло наступить...

21 декабря Эйзенхауэр обратился в Объединенный Комитет начальников штабов с письмом, в котором говорилось: «Если... русские намереваются предпринять решительное наступление в этом или следующем месяце, знание этого факта имеет для меня исключительно важное значение, я бы перестроил все мои планы в соответствии с этим. Можно ли что-либо сделать, чтобы добиться такой координации?» Эйзенхауэр предлагал послать в Москву высшего офицера своего штаба.

24 декабря президент США Рузвельт направил Сталину послание, в котором писал: «Для того чтобы все мы могли получить информацию, важную для координирования наших усилий, я хочу дать указание генералу Эйзенхауэру направить вполне компетентного офицера из его штаба в Москву для обсуждения с Вами положения дел у Эйзенхауэра на Западном фронте и вопроса взаимодействия с Восточным фронтом».

Такой офицер был незамедлительно принят Москвой.

К концу декабря все силы немецкой ударной группировки были введены в сражение. Однако решительного перелома не наступило.

Проявлялась очевидная авантюристичность немецкого наступления с военной точки зрения. Дело в том, что как раз в эти дни разыгрались ожесточенные сражения на Восточном фронте в районе междуречья Ипель—Грон на участках 2-го и 3-го Украинских фронтов в Венгрии. Наши войска, успешно отразив контрудары противника, взяли в окружение его крупную группировку.

Гитлеру надо было бы снимать дивизии с Восточного фронта, чтобы поддержать прорыв в Арденнах, а он должен бросать свои тающие резервы в Венгрию и Восточную Пруссию.

1 января фашистский режим делает последнюю попытку как-то сохранить свое лицо наступлением в Эльзасе.

Опять же, используя благоприятную обстановку, сужающую возможность действия англо-американской авиации, гитлеровские войска прорвали фронт в Вогезах. Американские войска и здесь попятились назад. Усилился обстрел Англии снарядами ФАУ-1 и ФАУ-2.

5 января фашистские войска форсировали Рейн севернее Страсбурга. Для развития наступления в Эльзасе, Гитлер перебрасывал 6-ю танковую армию СС с арденнского выступа.

Но опять же все расчеты Гитлера строились без учета реального соотношения сил.

6 января Черчилль обратился к Сталину с посланием, в котором писал: «На Западе идут очень тяжелые бои и в любое время от Верховного Командования могут потребоваться большие решения. Вы сами знаете по Вашему собственному опыту, насколько тревожным является положение, когда приходится защищать очень широкий фронт после временной потери инициативы... Я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января и в любые другие моменты, о которых Вы, возможно, пожелаете упомянуть».

10 января 6-я танковая армия получила приказ двигаться в Эльзас... Но в Эльзас она не попала...

Советское Верховное Главнокомандование не оставило союзников в трудную для них минуту.

Красная Армия получила приказ перейти ранее намеченного срока в широкое наступление по всему фронту от Балтийского моря до Карпат. Фронт опять повсеместно пришел в движение, что заставило Гитлера 16-го января перейти к обороне на всем Западном фронте.

2

Прежде чем перейти к рассказу о ходе нашего нового наступления, я вижу необходимость вернуться несколько назад и рассказать о некоторых моментах его подготовки.

Прежде всего о перемене в командовании фронта.

12 ноября был подписан приказ Ставки Верховного Главнокомандования о назначении командующим 1-м Белорусским фронтом Маршала Советского Союза Г. К.

Жукова. Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский назначался тем же приказом командующим 2-м Белорусским фронтом.

19 ноября К. К. Рокоссовский простился с руководящим составом штаба и управлений фронта, фронт был принят Г. К. Жуковым.

Г. К. Жуков с первых же дней активно включился в подготовку нового наступления. Прежде всего он побывал на Магнушевском и Пулавском плацдармах и ознакомился на месте с условиями и возможностями перехода в наступление главных сил фронта.

К этому времени шло непрерывное насыщение Магнушевского плацдарма войсками, техникой, оружием, боеприпасами. Боевая пружина как бы сжималась для удара. На плацдарме развертывались полевые подвижные госпитали, через Вислу наводились и расширялись переправы. На Магнушевском плацдарме были сосредоточены перед наступлением 23 дивизии и 5348 артиллерийских стволов. На участке прорыва плотность артиллерии достигала 282 стволов на 1 километр фронта, 8-й гвардейской армии полоса прорыва нарезалась в семь километров по фронту.

Все это, безусловно, требовало огромных усилий от тыловых учреждений фронта и армии. К назначенному часу на плацдарм они должны были перебросить десятки тысяч тонн грузов самого разнообразного характера.

В декабре на Висле начался ледоход. Войскам армии, особенно инженерным, выпало много хлопот. Мостам угрожали не только льдины, мчавшиеся на поверхности воды. Висла коварна: льдины на ней идут и под водой, почти касаясь дна. Наталкиваясь на свайные опоры мостов, они создавали невидимые запруды, тогда стремительность и напор потока еще более возрастали. Вода размывала берега и дно реки около свайных опор. Пришлось мобилизовать на защиту мостов все инженерные и дорожные войска. На каждый мост было выделено по три роты подрывников и по дорожному батальону, созданы аварийные команды. Комендантам переправ получили в свое распоряжение автомашины и тракторы, а также по батарее 120-миллиметровых минометов для разрушения крупных льдин.

Люди на мостах работали круглыми сутками, и им удалось победить стихию, отстоять переправы, по которым двигались сплошные потоки машин.

Столь массированный удар, который готовился с Магнушевского плацдарма, имел свои особенности. Снабжение огромного количества войск, нескольких общевойсковых и танковых армий зависело от переправ, от перевалочных станций, от железных дорог, от строительства мостов через Вислу, от восстановления железнодорожных путей. Все это ставило перед фронтовой и армейскими службами тыла массу сложнейших проблем, даже и политического характера, поскольку Красная Армия действовала на территории дружественной Польши.

У службы тыла фронта свои трудности, у железнодорожников — свои, а организация наступления, логика боевых действий требовала иной раз совершенно неожиданных решений.

Армия в это время занималась не только материально-техническим снабжением предстоящего наступления, перед нами стояла и задача — в интересах других армий и фронта провести глубинную, тщательную разведку сил противника, с которым предстояла уже теперь близкая схватка. Мы хорошо знали, какие части находятся на передней линии вражеской обороны. Но этого было мало. Нужно было узнать, какие войска находятся во вторых эшелонах, на всей глубине обороны противника. Нашим разведчикам-лазутчикам необходимо было пробраться в тыл противника, там захватить пленных, допросить их и через них уточнить добытые личным наблюдением данные.

Начальник разведки армии полковник Гладкий разработал план организации глубинной разведки. В расположение противника забрасывалось несколько разведывательных групп, которые, находясь в 25—40 километрах от переднего края, наблюдали за передвижением вражеских войск и работой тылов. Разведчики проникали в тыл противника главным образом пешком, через боевые позиции. Связь с ними поддерживалась по радио и самолетами ПО-2 ночью.

Первая группа из двух разведчиков — сержанта Петра Бачека и рядового Василия Бычкова, с которыми мне несколько раз довелось беседовать, — ушла в тыл противника в начале октября. Перед ними стояла задача: перейти через фронт в районе севернее Цецылювки, дойти до леса, что в 12 километрах юго-западнее местечка Варка, и выяснить, какие части противника находятся там. По пути разведчики должны были брать на заметку

все попадавшиеся им оборонительные объекты. На все это давалось три ночи и два дня.

Разведчики успешно справились с задачей. Они сообщили, что в лесу никаких частей противника нет. Тогда было принято решение организовать в этом районе постоянно действующую разведывательную группу. Опорную базу устроили в центре леса. На опушках оборудовали позиции для наблюдения за движением войск по дорогам, огибавшим лес.

Новая разведывательная группа состояла из семи человек. Ее возглавлял опытный разведчик лейтенант Иван Васильевич Кистаев, ранее награжденный орденом Ленина. Его группа незаметно проникла в лес, замаскировалась там и успешно работала более двух месяцев, передавая штабу армии очень ценные данные о противнике, добытые наблюдением и допросом пленных. Были выявлены позиции вражеской артиллерии, шестиствольных минометов, танковых частей. Особое внимание уделялось повседневной жизни войск врага, их дневному распорядку. Мы узнали, когда фашистские солдаты уходят к кухням, как они отдыхают, когда происходит смена секретов и охранения. Все это нужно было учитывать при нанесении внезапного удара.

Для подтверждения и контроля данных, полученных от наземной разведки, широко применялась разведка авиационная. Благодаря такому дублированию, мы располагали достоверными данными об укреплениях противника, расположении и составе его резервов, пехотных и танковых дивизий, находящихся в глубине обороны. Я с удовлетворением отмечаю, что наша армейская разведка хорошо справилась со своими задачами. Добытые ею сведения получили высокую оценку штаба фронта и штабов соседних армий.

Как пишет генерал армии Штеменко С. М. в своем труде «Генеральный штаб в годы войны»: «Планирование заключительного этапа вооруженной борьбы на советско-германском фронте началось еще в ходе летне-осенней кампании 1944 года».

По этим же данным и по приложенной схеме Генеральный штаб еще осенью 1944 года планировал операцию по овладению Берлином.

«Предполагалось, что этого можно добиться в течение 45 дней наступательных действий на глубину в 600—700 километров двумя последовательными усилиями

(этапами) без оперативных пауз». На первый этап, как указано на схеме, отводилось 15 дней — войска выходят на рубеж Мариенбург — Бромберг—Познань—Бреслау; и на второй этап отводилось 30 дней — войска должны выйти на реку Эльба, овладев Берлином.

Окончательное уточнение этого плана заключительного этапа войны 1945 года было утверждено в конце декабря 1944 года. Выполнение этого плана строилось на тесном взаимодействии фронтов, под руководством Ставки Верховного Главнокомандующего.

Главный удар наносился войсками 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов с тем, чтобы последовательными ударами этих фронтов на широком фронте, на нескольких участках прорвать оборону противника, ввести в прорыв танковые соединения и объединения, не допустить планомерного отхода сил противника на последующие рубежи обороны в глубине, уничтожая его по частям. Имея в виду, что между Вислой и Одером было семь оборонительных рубежей с мощными фортификационными сооружениями, планом операции был предусмотрен выход на них наших танковых и механизированных частей до занятия их войсками противника.

Эти операции фронтов, действовавших на Берлинском стратегическом направлении, обеспечивались большим превосходством сил и боевой техники над противником.

В составе только двух фронтов: 1-го Белорусского и 1-го Украинского было сосредоточено более двух миллионов человек, около 35 тысяч орудий и минометов, около 6,5 тысячи танков и самоходно-артиллерийских установок и около 4,8 тысячи боевых самолетов.

Против 2-го, 1-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов на реках Нарев и Висла противник имел в первом эшелоне четыре армии (2, 9, 17 полевые и 4-ю танковую армии).

Гитлер в 1945 году ожидал уже нашего главного удара, с реки Висла, через Варшаву, Познань, Берлин.

Но вернемся, однако, к Магнушевскому плацдарму.

С приближением сроков наступления на плацдарме становилось теснее и теснее. Здесь сосредоточились три общевойсковые армии: 8-я гвардейская, 5-я ударная, 61-я, две танковые—1-я и 2-я гвардейские армии плюс одна общевойсковая армия второго эшелона фронта. Этот мощный таран нацеливался в обход Варшавы с юга на Рава-Мазовецка, Скерневице, Лович. Вся варшав-

ская группировка этим ударом отрезалась от глубокого тыла, а на ее коммуникации выходили танковые армии.

Второй удар фронт наносил с плацдарма в районе Пулавы на Радом, Томушав-Мазовецкий. Там наступали 69-я и 33-я армии, усиленные двумя танковыми и одним кавалерийским корпусами. К северу от Магнушевского плацдарма по реке Висла занимали фронт 1-я Польская и 47-я армии.

По замыслу эта операция рассчитывалась на полное сокрушение сил противника, но так, чтобы уберечь от разрушения Варшаву и другие города Польши.

Для детальной разработки операции Маршал Советского Союза Г. К. Жуков собрал совещание, на которое были вызваны в Седлец все командующие, члены военных советов и начальники штабов армий, а также командиры отдельных корпусов. Начальник штаба фронта генерал М. С. Малинин вкратце изложил замысел предстоящей операции, вернее, ее первого этапа. Темп наступления планировался: на 10—12-й день наступления наши войска должны были выйти на рубеж Петркувек — Жихлин — Лодзь, а в дальнейшем предполагалось развитие успеха на Познань.

В этом плане рассматривались задачи лишь на 10—12 суток наступления. Учитывая намеченные рубежи — 150—180 километров, которых должны были достигнуть войска, это означало продвижение в темпе 15—18 километров в сутки.

Действия 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов, наносящих глубокие, прямые, рассекающие удары, дополнялись другими, не менее интересными операциями. Так, справа войска 3-го Белорусского фронта под командованием И. Д. Черняховского наносили удар с востока по группе армий «Центр» в Восточной Пруссии. Слева — 4-й Украинский фронт наносил удар на Кошице. По географическому положению, по оперативной обстановке и задачам сторон операция в Восточной Пруссии во многом схожа с операцией 1914 года. Тогда первая русская армия Ренненкампфа и вторая армия Самсонова должны были окружить и разгромить немецкие войска (8-ю армию) под командованием Гинденбурга и начальника его штаба Людендорфа. В связи с наступлением русских армий немцы вынуждены были перебросить сюда несколько корпусов из Франции в тот момент, когда на Марне развернулось самое кризисное

для Франции сражение. Воспользовавшись этим, французы остановили наступление немцев и тем самым спасли свое государство. И если бы было налажено взаимодействие русских армий Самсонова и Ренненкампфа, то немцы были бы разгромлены и в Восточной Пруссии. Но этого не случилось. Из-за неорганизованности и бездарности царских генералов оказались разгромленными не немцы, а вторая русская армия Самсонова, что возвеличило Гинденбурга и Людендорфа настолько, что они стали во главе немецких вооруженных сил.

У нас же была твердая уверенность, что правый фланг 1-го Белорусского фронта будет хорошо обеспечен успешными действиями советских войск в Восточной Пруссии.

Так же уверены мы были и за левый фланг. Там, левее 1-го Украинского фронта, действовали войска 4-го Украинского фронта под командованием талантливого полководца И. Е. Петрова, который очищал Карпаты.

После краткого сообщения начальника штаба фронта маршал Жуков принялся подробно опрашивать нас об обстановке и наших соображениях насчет предстоящей операции. Начал он с генералов, войска которых захватывали плацдармы и находились на них. Первому пришлось выступать мне.

Мой доклад длился минут тридцать. Я доложил о противнике, его войсках и оборонительных сооружениях, количестве и расположении резервов. Высказал мысль о том, что, исходя из расположения резервов противника, нужно ожидать сильных контратак и контрударов танковых и пехотных дивизий из глубины обороны. Для их парирования мы должны иметь противотанковые и общевойсковые резервы, а также нацелить авиацию на срыв маневра подвижных оперативных резервов противника. Несмотря на длительное соприкосновение с вражеской обороной, мы все же точно не знаем, на какой позиции противник будет давать решительный бой. Я высказал предположение, что враг не будет упорно драться за свою первую позицию, которую мы хорошо изучили. Он знает мощь нашей артиллерии. Первую позицию он использует лишь как прикрытие главного оборонительного рубежа.

Исходя из этого, я предложил тот же вариант наступления, который хорошо себя оправдал в Ковельской операции. Начать все с разведки боем, только теперь

каждому стрелковому батальону разведывательного эшелона придать средства усиления — роту танков или батарею самоходок.

Я был уверен, что разведывательный эшелон займет первую позицию, так как она оборонялась слабыми силами противника, а на второй позиции мы встретим основное сопротивление, и атаковать уже придется первым эшелоном главных сил.

Мы изучили режим на первой позиции противника. Ночью гитлеровцы размещают в первой траншее больше, чем в другое время, живой силы и огневых средств, а часов в 10 утра по московскому времени отводят лишних людей, и в первой траншее остаются лишь наблюдатели и дежурные подразделения. Поэтому я предложил нашу двадцатипятиминутную артиллерийскую подготовку начать не позже 9 часов утра, чтобы первым же огневым налетом накрыть вражеских солдат, пока они не ушли в тыл. Наступления в темноте мы не опасались. Первая вражеская позиция была хорошо изучена пехотой и артиллеристами, разведывательные батальоны не должны были потерять ориентиры и направление атаки. Вторую позицию—атаковать через полтора-два часа, уже в светлое время, чтобы артиллерия и авиация не допустили ошибок в выборе целей, а наступающие части не сбились со своих направлений и не перемешались.

Чтобы отвлечь внимание противника от наших приготовлений, я предложил составить план постепенного накопления сил и средств на исходных позициях. Передвижение людей и техники следует осуществлять только ночью и в такой пропорции, чтобы к утру все было укрыто и замаскировано. Днем войскам, находящимся в траншеях, на виду у противника, нужно усиленно вести земляные работы: враг подумает, что мы готовимся не к наступлению, а к прочной обороне, в связи с истощением людских и технических ресурсов. Постараемся шире использовать широковещательные громкоговорящие радиоустановки: пусть над позициями гремит музыка, веселя наших бойцов и усыпляя бдительность противника.

Все эти предложения были одобрены. Письменного приказа штаб фронта армиям не давал, все распоряжения были сугубо засекречены. Вместо приказа командующий фронтом провел военную игру на картах, в которой были изложены и усвоены задачи фронта и армий, а также в общих чертах отработано взаимодействие меж-

ду общевойсковыми и танковыми армиями, авиацией, артиллерией.

При розыгрыше действий войск фронта одним из главных вопросов было снабжение их боеприпасами, горючим и продовольствием. Начальник тыла фронта генерал-лейтенант Н. А. Антипенко предложил, чтобы все запасы, планируемые на операцию, в том числе запасы продовольствия на 30 суток, армии получили с баз фронта и сосредоточили в своих полосах наступления на плацдармах, возможно ближе к передовой линии.

По плану наступательной операции фронт наносил главный удар левым крылом фронта с Магнушевского и Пулавского плацдармов, с которых наступали пять общевойсковых, две танковые армии, два танковых и два кавалерийских корпуса и все средства усиления фронта. Удар нацеливался этим мощным тараном на Лодзь, Познань в обход с юга варшавской группировки противника. На севере, на правом крыле фронта против варшавской группировки противника оставалась 47-я общевойсковая и 1-я Польская армии, которые переходили в наступление на несколько дней позже, в зависимости от успеха левого крыла фронта.

Такая группировка сил фронта на (южном) левом крыле и поставленные задачи требовали железнодорожного строительства и восстановления коммуникаций прежде всего по южному ходу, через Демблин, Радом, Лодзь на Познань. Однако главные силы строительных железнодорожных частей были задействованы на северном пути, через Варшаву, где наступление велось слабыми силами.

3

Обращаясь к Сталину с посланием, Черчилль подчеркивал, что он считает изложенные в нем соображения о скорейшем наступлении советских войск в поддержку союзников «делом срочным».

7 января Сталин ответил Черчиллю, что Красная Армия готова прийти на помощь союзникам во второй половине января широким наступлением на Центральном фронте с Вислы.

Начало наступления с Магнушевского плацдарма было назначено на 14 января.

12 января начала наступление ударная группировка 1-го Украинского фронта.

13 января я и другие командующие армиями доложили штабу фронта, что армии готовы к выполнению задачи, что наши соединения заняли исходные позиции.

В плане фронта перед 8-й гвардейской армией ставилась задача — прорвать оборону противника на участке Матыльдзин, Шмаельник и, развивая удар в направлении Липа, Вежховины, овладеть рубежом Калинув — Францишкув — Буртосы — Горынь. В дальнейшем главные силы армии должны были наступать в общем направлении на Нове-Място, Рава-Мазовецка, Ежув, Стрыкув, Озоркув. На двенадцатый день наступления мы должны были выйти на рубеж Астаховице — Дзерзонжна — Згеж.

Исходя из задач, поставленных фронтом, штаб под руководством Военного совета разработал армейский план операции, который был утвержден мной 8 января. Этот план составлялся со строгим учетом всех наших возможностей и четко определял силы противника.

Нам предстояло прорвать сильно укрепленные позиции полевого типа. Передний край главной полосы обороны гитлеровцев проходил по населенным пунктам Геленувек, Геленув, Генрыкув, Брониславув, Леженице, Мостки, северная опушка леса Козенице, Свеже Гурне.

В глубине своей обороны противник создал промежуточный рубеж Матыльдзин — Мушары — Майскадомброва—Подмсыце—Бжуза. Вторая позиция обороны проходила по линии Ксавернув Нов — Станиславице.

Резервы врага располагались в районах Добешина, Францишкува, Бжузы и в лесу севернее Козенице.

Нам приходилось иметь в виду и оперативные резервы врага общей численностью до трех дивизий, из них две танковые, расположенные в глубине его обороны.

При разработке армейского плана наступательной операции особенно четко работал слаженный коллектив под руководством генерал-майора Белявского Виталия Андреевича. Еще совсем недавно, когда ему присвоили генеральское звание, он был самым молодым генералом в армии. Но он был пытливым человеком, он рос у нас на глазах. И если в Ковель-Висленской операции чувствовалась его осторожность, то уже при форсировании реки Висла он проявил и нужную решимость и уверенность в выполнении решений Военного совета. Блестящие оперативные способности, умение организовать работников штаба способствовали его популярности в армии. Он правильно построил взаимоотношения с коман-

дующими и начальниками родов войск и служб — армии со штабом фронта, со штабом тыла армии.

В ночь на 14 января все соединения 1-го Белорусского фронта находились в полной готовности. С двух плацдармов — Магнушевского и Пулавского — более 10 тысяч орудийных стволов были наведены на укрепления противника. Средняя плотность в 200—250 орудий и минометов на один километр фронта гарантировала успех прорыва. Тысячи танков и самоходно-артиллерийских установок сосредоточились на позициях, готовые завести моторы и ринуться в бой. Тысячи самолетов стояли на аэродромах с подвешенными бомбами, готовые к взлету. Широковещательные громкоговорящие радиоустановки по-прежнему передавали музыку, песни. Для противника у нас ничего не изменилось.

Все мы ждали хорошей погоды, чтобы наилучшим образом использовать накопленные силы. Саперы вместе с разведчиками снимали минные заграждения перед самыми окопами противника, предварительно сделав проходы перед своими траншеями.

Со второй половины ночи безоблачное звездное небо начало затягиваться облаками, поднялся туман. Чем ближе к утру, тем больше густел и тяжелел туман, превращаясь в непроглядную завесу. В 7 часов утра по московскому времени подвезли кухни и термосы с горячей пищей, роздали солдатам завтрак. Настроение людей было превосходное, но туман настолько сгустился, что в 10 метрах нельзя было ничего различить.

В 8 часов утра, переговорив с соседними командармами (69-й, 5-й ударной и 61-й армий) и заручившись согласием действовать, несмотря на туман, точно по плану, я доложил командующему фронтом о готовности к наступлению. Командующий фронтом Г. К. Жуков дал добро. В 8 часов 25 минут артиллеристам дали команду: «Зарядить!», а в 8 часов 29 минут — «Натянуть шнуры!». В 8 часов 30 минут командующий артиллерией армии генерал Н. М. Пожарский скомандовал: «Огонь!»

И с этого момента жизнь войск потекла по другому руслу. Если до этого каждый думал о подготовке к бою, как любой человек, собирающийся в далекий путь, проверял, не забыл ли чего-нибудь, и мог возвратиться, еще раз взвесить и пополнить запасы, то теперь, после команды «Огонь!», когда земля задрожала от залпов тысяч орудий, уже нельзя было возвращаться и даже огляды-

ваться назад. Мысли и взоры всех были устремлены только вперед.

Особенно тяжелы и кровопролитны первые шаги наступления. Чтобы добраться до первой траншеи противника, затем взломать его оборонительные позиции, необходимо большое напряжение сил. От этого зависит выход на оперативный простор. Взять сразу высокий темп продвижения, постоянно наращивать силу удара, как бы набирая разгон, — вот главное, что волнует душу генерала во время наступления.

История знает много случаев, когда подготовка к наступлению длилась неделями и даже месяцами, но в первый же день оно по разным причинам срывалось, и войска оставались на прежнем месте.

В наступлении 14 января 1945 года мы имели большое преимущество в силах и технике. Мы били наверняка, и все же каждый понимал, что победа достигается не только одним превосходством сил. Прежде всего нужно умение. Умения и опыта у наших бойцов и командиров было вполне достаточно. Однако противник тоже не дремлет: изучает наши приемы, вырабатывает контрмеры, строит различные западни и ловушки, с тем чтобы завлечь в них наши части, нанести серьезные потери и сорвать выполнение задачи.

Мы шли на риск. Вместо планируемой артиллерийской подготовки продолжительностью 2 часа 35 минут наш особый разведывательный эшелон переходил в атаку после двадцатипятиминутного огневого налета. Мы рассчитывали ошеломить противника внезапностью удара. Но могло случиться так, что враг, несмотря на наши предосторожности, разгадает наш замысел, произведет изменения в своих боевых порядках и встретит нас там, где мы не ожидаем.

Туман, закрывший к утру всю широкую долину реки Висла плотным слоем, ослепил наших наземных и воздушных наблюдателей и лишил артиллерию возможности прицельным огнем использовать свое преимущество на полную мощность.

В 8 часов 55 минут разведывательный эшелон армии дружно поднялся и пошел в атаку. Пехота и танки вели огонь на ходу. Спустя несколько минут была захвачена первая, затем вторая траншеи. К рассвету вся первая позиция противника была в наших руках. Наблюдательные и командные пункты противника от удара артилле-

рии потеряли управление. В тумане они не смогли принять против нас никаких мер. Но с рассветом сопротивление гитлеровцев начало возрастать, и наши войска вскоре это почувствовали.

Около 11 часов, подтянув артиллерийские наблюдательные пункты ближе к передовым частям, после мощного огневого налета войска армии снова атаковали противника, укрепившегося на второй промежуточной позиции. Вводя в бой свои резервы, враг яростно сопротивлялся. Его пехота из состава 6, 45 и 251-й дивизий и подоспевшие полки 19-й танковой дивизии непрерывно контратаковали левый фланг нашего 4-го гвардейского корпуса, стремясь не допустить соединение флангов 8-й гвардейской и 69-й армий, чем завершалось окружение целой дивизии противника.

Конечно, легче и лучше всего могла бы расправиться с подходящими из глубины резервами противника наша авиация, но погода не позволяла ей подняться в воздух, 14 января она не сделала ни одного боевого вылета. Поэтому борьба с резервами противника, особенно танковыми, легла на артиллерию. Но большая часть ее не могла участвовать в бою, так как она в густом тумане перемещалась на новые позиции. Этот маневр отнял у нас несколько драгоценных часов светлого времени. Наступил вечер, и бой на участке левофлангового 4-го корпуса фактически закончился между второй и третьей позициями врага.

На правом фланге войска 28-го гвардейского стрелкового корпуса прорвали вражеские оборонительные позиции и захватили Стромец-Подлесе. На ночь была поставлена задача — выдвинуть вперед вторые эшелоны, подтянуть артиллерию, подвезти боеприпасы, накормить людей горячей пищей и дать отдых. А на рассвете, вслед за мощной артиллерийской подготовкой, снова перейти в атаку, чтобы к исходу дня прорвать оборону противника на всю глубину и обеспечить ввод в прорыв 1-й гвардейской танковой армии с рубежа железной дороги Варка — Радом.

Сэкономив большое количество боеприпасов за счет сокращения аргиллерийской подготовки, мы могли на второй день операции произвести мощные огневые удары по разведанным группам противника и тем самым обеспечить наступление войск.

Частными приказаниями были поставлены уточняю-

щие задачи: 28-му гвардейскому стрелковому корпусу— овладеть рубежом Белобжеги — Секлюки; 29-му — рубежом Секлюки — Едлянка; 4-му — рубежом Едлянка — М. Едлинск; армейской танковой группе действовать совместно с 4-м гвардейским стрелковым корпусом и у Радома соединиться с частями 69-й армии.

Радовало, что наши соседи — 5-я ударная и 69-я армии — тоже выполнили свои задачи дня и шли вровень с нами.

Хотя январский день короток, все же войска очень устали, главным образом от морального напряжения, которое всегда приносит первый день боя...

С рассветом 15 января началась мощная сорокаминутная артиллерийская подготовка, а в 9 часов войска вновь двинулись вперед. Противник использовал ночь, чтобы подтянуть резервы и уплотнить боевые порядки на своей третьей позиции. В междуречье Пилицы и Радомки он ввел в бой 19-ю и 25-ю танковые дивизии. Однако наш могучий артиллерийский удар и дружная атака пехоты и танков сломили сопротивление врага. Он начал отходить с третьей позиции на линию железной дороги Варка — Радом. На преследование противника, а также на необходимое перемещение артиллерии ушло около трех часов.

В полдень наши войска повели атаку на занятую врагом железнодорожную насыпь. Как бы нам помогли в этот момент удары с воздуха, но авиация из-за тумана по-прежнему не могла подняться с аэродромов.

Утром 15-го, поговорив по телефону с командующими 5-й ударной и 69-й армиями (у них наступление развивалось также успешно) и доложив обстановку и свое решение командующему фронтом, я с членом Военного совета генералом А. М. Прониным в сопровождении группы офицеров выехал вперед, в дивизии 4-го гвардейского стрелкового корпуса.

Мы ехали в тумане по забитым машинами дорогам, с трудом пробираясь к деревне Игнацувка, где находился командный пункт генерал-лейтенанта Глазунова. Он доложил, что наибольший успех имеет 47-я дивизия. Командовал этой дивизией Василий Минаевич Шугаев— волевой, инициативный генерал, восхищавший своей храбростью. Он прошел с боями всю Украину. Не раз он ходил в атаку вместе с бойцами. Шугаев находился в самом центре событий на своем НП возле железной дороги.

Я решил побывать у него. По пути генерал Глазунов показал мне 12 исправных немецких шестиствольных минометов, захваченных в деревне. Они стояли на боевой позиции, нацеленные на восток. Возле высились груды снарядов. Противник не сделал ни одного выстрела из этих минометов. Не успел. Наша внезапная атака перепутала фашистам карты так, что они бросили все, даже не успев взорвать минометы.

С командного пункта Шугаева мы наблюдали атаку дивизии, боевые порядки которой подымались на высоту севернее деревни Ольшова. Убедившись в успешном развитии наступления, поехали на север через деревню Лукава и далее на Чарны Луг. Здесь мы встретили командующего бронетанковыми и механизированными войсками армии генерала М. Г. Вайнруба. Он возглавлял танковую группу и вместе с командирами стрелковых частей 29-го корпуса руководил боем за полотно железной дороги, налаживал взаимодействие между танками и пехотой.

Опираясь на станционные здания и прилегающий к ним лесной массив, противник оказывал упорное сопротивление. Огонь его противотанковых пушек и пулеметов преградил путь нашим частям. Позади развернутых боевых порядков стрелковых полков и танков генерала Вайнруба стояли колонны 1-й гвардейской танковой армии. Это были авангарды танковых частей армии генерала М. Е. Катукова. Они ожидали, когда будет расчищен прорыв. Нужно было сбить противника с полотна железной дороги, и тогда танковая армия, вырвавшись на оперативный простор, расколет его фронт. Сейчас бы сильный огневой удар, за ним рывок пехоты и танков — и все решилось бы в нашу пользу. Солнце уже садилось. Светлого времени оставалось около часа. За этот час необходимо во что бы то ни стало разгромить вражеский опорный пункт. На наше счастье, на опушке леса юго-восточнее деревни Чарны Луг показалась колонна машин. Присмотревшись внимательнее, мы различили «катюши».

Целая бригада новых реактивных минометов — 36 пусковых установок, снаряженных боеприпасами и готовых к залпу. Командир бригады тут же получил от меня задачу, и спустя 20 минут был дан залп такой мощности, от которого оставшиеся в живых гитлеровцы долго не могли прийти в себя. Наши части пошли вперед. Еще двад-

цать минут — и они, сломив ослабевшее сопротивление, перевалили за полотно железной дороги. За ними двинулись авангардные колонны 1-й гвардейской танковой армии.

Прорыв на всю глубину тактической обороны был завершен. Армия выполнила первую боевую задачу в срок. Совместно с 1-й гвардейской танковой армией она выходила на оперативный простор.

В такие минуты забывается усталость, забываются все неурядицы, обиды, которые только что выводили тебя из равновесия. Это настоящая радость победы!

Тороплюсь скорее домой, на командный пункт, к боевым друзьям, с которыми днями и ночами готовил операцию. Навстречу движутся колонны частей резерва. При лунном свете вижу веселые, улыбающиеся лица. «Солдатский вестник» уже передал, что прорыв завершен, сделан еще один крупный шаг к победе.

На командном пункте связываюсь со штабом фронта. Докладываю подробности и результаты боя. В телефонной трубке слышу веселые голоса. Вижу глаза связистов, которые ловят каждое слово.

Закончил доклад. Вопросов нет. Все ясно.

Через несколько минут раздается звонок. Меня просит к телефону командующий 2-й гвардейской танковой армией генерал-полковник С. И. Богданов. Мы расстались в Люблине, где Семен Ильич был тяжело ранен. Он вернулся в строй.

Богданов поздравляет с успехом, я поздравляю его. Он желает мне встречи на новых рубежах. Говорит, что сейчас покидает свой командный пункт и выходит с танками на оперативный простор. Хлопот у него по горло, но он не забыл позвонить мне, чтобы проститься и пожелать успеха. На душе тепло от внимания боевого друга. Желаю и ему «ни пуха ни пера».

Командующий 1-й гвардейской танковой армией генерал-полковник Михаил Ефимович Катуков в это время находился в блиндаже рядом с моим командным пунктом. Я застал его, когда он собирался в путь. Михаил Ефимович надел новый китель, со всеми медалями и орденами, словно отправлялся не в бой, а на парад. Жму ему руку, желаю успеха!

Наши войска получили возможность двигаться стремительно, не оглядываясь назад. Важно было лишь правильно организовать подвоз горючего, боеприпасов и

продовольствия. На Военный совет были вызваны начальник тыла армии генерал-майор Показников, начальник штаба тыла полковник Бродский, начальник артиллерийского снабжения полковник Букарев, начальник отдела горюче-смазочных материалов полковник Акимов, начальник продовольственного снабжения полковник Спасов, начальник медицинской службы полковник Бойко. Их ознакомили со сложившейся обстановкой и вероятным характером предстоящих действий, предложили разработать план-график снабжения войск всем необходимым, в первую очередь горючим, боеприпасами и медикаментами.

Соединениям были разосланы частные боевые приказы, согласно которым мы за последующие дни должны пройти по 25—30 километров. Как я и предполагал, наступление шло со значительным опережением установленных сроков.

После трех суток, насыщенных боями и различными событиями настолько, что не выбрать было и часа для отдыха, ночь на 16 января показалась совсем спокойной.

Рано утром первый эшелон управления армии двинулся вперед, на новый командный пункт, чтобы не отставать от войск. У железной дороги Варта — Радом я и генералы Пронин и Белявский, пропустив штабную колонну вперед, заехали в Едлинск, где находился штаб 4-го гвардейского корпуса.

К этому времени 45-я пехотная дивизия противника, действовавшая в промежутке между 69-й и 8-й гвардейской армиями, оказалась в окружении. Под ударами наших подразделений с флангов и тыла ее части начали сдаваться в плен.

Ко мне привели двух пленных немецких подполковников. Один из них — офицер генерального штаба.

— Как вы оцениваете обстановку? — спросил я.

— Ваше теперешнее наступление приведет Германию к окончательной катастрофе, — ответил подполковник из генерального штаба.

— Катастрофа постигнет не Германию, а фашизм и Гитлера! — уточнил А. М. Пронин.

— Это одно и то же! — ответили немцы почти в один голос.

В беседе за чаем с бутербродами они, уже не опасаясь, что их могут подслушать гестаповцы, свободно высказывали свои мысли. Офицер генерального штаба

заявил, что после поражения на Волге, а затем под Курском многие генералы и офицеры уже не верят в благополучный исход войны. Виноваты Гитлер и Геббельс: они не искали связи с Советским правительством, чтобы заключить мир на любых условиях.

— Почему вы считаете, что советский народ, перенесся много страданий от зверств гитлеровцев, так легко пойдет на мирные переговоры? — спросил я.

— Мир нужен не только немцам, но и русским. Ваши союзники ненадежные. Мы, немцы, можем договориться с вами и будем надежными соседями, а может быть, и союзниками против теперешних ваших союзников.

— Почему же в сорок первом немцы, нарушив договор о ненападении, напали на нашу мирную страну, которая никому не угрожала?

— Бурный рост Страны Советов внушал нам страх, мы боялись, что вы первые нападете на нас. Гитлер решил опередить вас, чем совершил самую большую ошибку. Мы не ожидали, что Советы так сильны. Наш генеральный штаб и Гитлер просчитались.

Из беседы можно было сделать вывод, что гитлеровские офицеры здраво оценивают обстановку: они уже видят неминуемую катастрофу и ищут спасение только в заключении мира.

Из Едлинска я поспешил в Бялобжеги, на наш правый фланг, к командиру 28-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-лейтенанту А. И. Рыжову. Начальник штаба полковник Мамчин доложил обстановку. Наступление в полосе корпуса развивалось успешно. Части 79-й и 88-й гвардейских стрелковых дивизий вышли на рубеж Пшибышев — Редлин — Кожухов. Мы узнали, что командир корпуса выехал в 88-ю дивизию. Решили догнать его. У деревни Борки возле мельницы увидели толпу польских крестьян. Слышались крики, женский плач. Мы вышли из машины. Толпа расступилась. Перед нами лежали два трупа — мужчины лет сорока пяти и подростка лет шестнадцати. Мы сняли шапки. За нами вся толпа обнажила головы.

Грудь пожилого мужчины была изрешечена пулями. На лице юноши — три пулевые раны.

— Кто это сделал?

Толпа загудела, заговорили сразу все — ничего не понять. Я попросил одного из поляков спокойно рассказать, что здесь произошло. Он ответил по-русски. Часа

два-три тому назад фашисты, отступая, ворвались на мельницу. Схватив мешки с мукой, они хотели их вынести и погрузить на подводу. Двое крестьян — отец и сын — уцепились за свои мешки. Тогда гитлеровец поднял автомат. Выпустил одну очередь в спину отца, а другую — в лицо мальчика... В это время появились советские бойцы на опушке леса. Гитлеровцы вскочили на крестьянские сани и скрылись.

Тут с запада показалась колонна. Я еще не успел рассмотреть ее, как толпа поляков бросилась туда с руганью и проклятиями. Мы сразу поняли: пленные. Три наших бойца во главе с сержантом вели не менее восьмидесяти немцев. Вид у них был жалкий. Озябшие, в легких шинелях из эрзац-сукна, они еле тащили ноги. И только два офицера впереди шагали с гордой выправкой.

Мы ожидали, что толпа поляков набросится на пленных, и были готовы вмешаться, чтобы предотвратить самосуд. Но наше беспокойство оказалось напрасным. Мужчины, женщины и подростки лишь грозили кулаками и осыпали фашистов ругательствами.

— Пся крев! Пся крев! — раздавалось в толпе.

Мы двинулись дальше. В глазах долго стояли два расстрелянных поляка, кровь на лице юноши. Я думал о сотнях тысяч и миллионах русских, поляков и французов, молодых и старых, мужчин и женщин, ставших жертвами гитлеровцев.

В полдень мы были на новом командном пункте армии в поселке Суха-Шляхецка, в трех километрах от Бялобжеги. Над нами с востока на запад и обратно проходили группы самолетов. Наконец-то установилась летная погода, и наши соколы поднялись в воздух.

Пообедав, мы разложили карты, вооружились циркулями и линейками и принялись за расчеты. Наступление развивается все стремительнее. Этому способствуют танковые армии, вырвавшиеся на оперативный простор и клиньями разрезающие группы вражеских войск. Сегодня мы пройдем километров тридцать. А на завтра, 17 января, мы запланируем бросок до сорока километров. Нам просто необходим такой бросок. Стало известно, что противник, стремясь избежать окружения, отходит из района Варшавы на Рава-Мазовецка. Захват Рава-Мазовецка — крупного узла шоссейных дорог — срывал планомерный отход врага и давал нам возможность громить его по частям.

Было ясно, что главное сейчас — стремительность продвижения. Наступление уже приняло форму преследования в колоннах. Это требовало от нас повышенной бдительности. Надо было большую часть сил и средств держать во вторых эшелонах, чтобы, в случае встречи с резервами противника, иметь возможность нарастить удар из глубины. Приказываю дивизиям первого эшелона выделять сильные передовые отряды, которые должны следовать на удалении 20—30 километров, а в 10—15 километрах впереди колонн главных сил движутся авангарды. Войска не нужно перенасыщать приданной артиллерией, пусть она идет с колоннами вторых эшелонов в постоянной готовности выдвинуться туда, где потребуется мощный огневой удар.

Вечером ко мне прибыли работники тыла во главе с генерал-майором Показниковым. Они предложили создать две колонны, каждая из сотни машин с горючим и боеприпасами. Они будут двигаться на главных направлениях, и расходовать эти материальные резервы можно только по личному указанию командарма.

Член Военного совета генерал Д. П. Семенов направился в тыл фронта, чтобы добиться пересмотра этого вопроса и настоять на том, чтобы перевозкой боеприпасов с Магнушевского плацдарма занялся тыл фронта: у него для этого больше возможностей.

Рано утром 17 января с членом Военного совета А. М. Прониным, командующим артиллерией генералом Н. М. Пожарским и офицерами штаба мы выехали в дивизии первого эшелона в передовые войска. У переправы через Пилицу нагнали части 39-й гвардейской стрелковой дивизии, находившейся во втором эшелоне 28-го стрелкового корпуса. 120-й полк этой дивизии с приданным дивизионом артиллерии уже переправлялся через реку. В это время из деревни Гжмионца появилась колонна танков. Их было около двадцати, они направлялись к переправе. И вдруг мы разглядели на их броне фашистские кресты. Наши артиллеристы быстро развернулись в боевой порядок. Подпустив вражеские танки метров на четыреста, они открыли огонь. С первых же выстрелов почти половина танков была подбита и загорелась, остальные, отстреливаясь, начали отходить к деревне. Но туда уже вошел 117-й полк той же 39-й дивизии. Заметив танки противника, артиллеристы полка развернули орудия и открыли встречный огонь. В результате от вражеской

колонны уцелело всего два танка. Пленные танкисты показали, что они из 25-й танковой дивизии, которая после трехдневных боев потеряла связь с высшим штабом и решила пробиваться на северный берег Пилицы. Так как переправа у Нове-Място была в руках советских войск, фашисты решили пробиться другим путем, но попали в огневой мешок.

Переправившись через Пилицу, мы поехали по дамбе. Километра через три в деревне Вьвидно встретили командира 220-го полка 79-й гвардейской дивизии полковника М. С. Шейкина, который выводил свой полк, находившийся во втором эшелоне дивизии, на Садковице. Полковник доложил, что штаб 79-й гвардейской дивизии уже проследовал вперед и сейчас находится на шоссе Могельница — Нове-Място. Обогнав вытягивающуюся колонну, мы быстро подъехали к винзаводу у деревни Стрыкув. Нам бросилось в глаза, что рабочие винзавода и жители деревни ведут себя как-то странно: прячутся за стены и пугливо смотрят в одну и ту же сторону. Присмотревшись, мы увидели там колонну немцев. В полукилометре от нас она развертывалась в боевой порядок. Откуда у нас в тылу могли появиться гитлеровцы? Но думать и гадать было некогда. Со стороны врага уже застрочили пулеметы. Под огнем проскочили к полку Шейкина. Бойцы развернулись в цепь. По фашистам хлестнули очереди пулеметов. А потом полк сделал быстрый рывок вперед и перерезал пути отхода немцам на юго-запад. Поблизости в лесу в это время заправлялись танки 1-й гвардейской танковой армии. Танкисты немедленно направили пушки против гитлеровцев и своим огнем заставили их сложить оружие и поднять руки. Было захвачено тысячи полторы пленных. Все они были из разных частей и отходили на запад, потеряв связь с командованием. Шли наугад, без ориентировки и без приказа.

Продолжая свой путь на Нове-Място, мы встретили командира 11-го гвардейского танкового корпуса 1-й гвардейской танковой армии полковника А. Х. Бабаджаняна (ныне маршал бронетанковых войск). Его танкисты ночью переправились через Пилицу, а днем принимали участие в разгроме отступающих из-под Варшавы частей противника. Сейчас танковый корпус вместе с 79-й гвардейской стрелковой дивизией наступает на Садковице. Вскоре мы встретились и с командиром этой дивизии

генералом Леонидом Ивановичем Вагиным. Он доложил, что его части успешно продвигаются вперед, а разведывательные отряды уже достигли рубежа Садковице — Трембачев — Любаня.

По пути мы видели, как наши бойцы и офицеры, главным образом из тыловых подразделений, выводили из поселков и хуторов пленных гитлеровцев. Отступая от берегов Вислы, немецкие солдаты и офицеры рассчитывали передохнуть в тылах своих дивизий, но здесь уже были тылы советских частей — обозы, кухни, интендантские штабы. Обескураженные гитлеровцы рассыпались на мелкие группы, кто с оружием, а кто и без оружия. Прятались в скотных дворах, в стогах, в кустарниках. Поняв, что их положение безнадежно, они стали сдаваться в плен.

В домике на восточной окраине Нове-Място мы встретили командующего 1-й гвардейской танковой армией генерал-полковника Катукова, который собирал данные о своих войсках. Обменявшись с ним обстановкой, решили вместе двинуться по шоссе на Рава-Мазовецка в части 29-го гвардейского стрелкового корпуса, которые действовали совместно с танкистами Катукова. В хуторе, неподалеку от дороги, мы заметили штабные машины. Свернули к ним. Возле двухэтажного дома стояло много русских и польских повозок, фаэтонов, фургонов и машин. Вошли в дом. В столовой за обедом застали большую компанию поляков, среди них человек восемь наших бойцов. На столе солдатские консервы, хлеб, сало, польский бигус, соленые огурцы и другие крестьянские продукты, две солдатские фляжки и две бутылки «Выборновой».

— Здравствуйте! — приветствовали мы всех.

Наши бойцы вскочили, вытянули руки по швам. Напустив на себя строгий вид, я спросил:

— Вы что это, спаиваете наших бойцов?

Молчание. Поляки вконец растерялись. Лишь одна молодая женщина, видимо, заметив наши плохо скрытые улыбки, ответила:

— Нет, пан генерал, мы просили ваших солдат зайти к нам покушать, а ваши солдаты принесли с собой столько еды, что не мы их кормим, а они нас.

— Неужели это одна семья?

— Нет, — ответила женщина, — мы пришли сюда из соседних хуторов, чтобы посмотреть на ваших солдат.

Мы не стали мешать: в такой обстановке наш солдат и без помощи генерала найдет тему для беседы. Поляки упрашивали нас присесть к столу, отведать крестьянских щей, бигуса, самодельной водки, но мы очень спешили.

Штабы 29-го гвардейского стрелкового корпуса и механизированного корпуса 1-й гвардейской танковой армии мы нагнали в деревне Пукинин. Южнее, в Рава-Мазовецка, шел бой. Там наши войска выбивали разрозненные группы противника. Бой ослабевал: враг отступал по всему фронту.

Дав предварительное указание командиру 29-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майору А. Д. Шеменкову о наступлении на Бжезины, я повернул в Нове-Място, куда переместился наш КП. Здесь уже была налажена связь с войсками, но со штабом фронта проводной связи еще не было. Звоню соседу справа — командарму 5-й ударной. Войска его идут хорошо. Захватили Бяла Равска и готовы наступать дальше. А вот сосед слева — 69-я армия — начала отставать, и сейчас его передовые части далеко позади нас, но это нас не беспокоило.

В целом обстановка складывалась благоприятно. К исходу 17 января центральная ударная группировка фронта (5-я ударная, 8-я гвардейская, 1-я и 2-я гвардейские танковые армии), успешно развивая наступление, уже подходила к главным коммуникациям и магистральным шоссейным дорогам Варшава — Берлин. Особого сопротивления наши войска не ощущали.

На этом направлении основные силы противника были разгромлены, крупных резервов у него здесь не имелось. Правофланговая группировка фронта (1-я Польская и 47-я армии) после взятия Варшавы успешно преследовала разбитые части противника, левофланговая группировка фронта (69-я и 33-я армии) несколько отставала, вернее, шла уступом сзади от центральной группы фронта, но это отставание не имело никакого значения: у противника не было резервов, чтобы создать угрозу нашему левому флангу.

Наступление 1-го Украинского фронта под командованием Маршала Советского Союза И. С. Конева и 2-го Белорусского фронта под командованием Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского также развивалось успешно. Войска маршала Конева к исходу 16 января овладели городами Радомско, Ченстохов, Заверце и обходили Силезский промышленный район с севера. Вой-

ска маршала Рокоссовского 19 января овладели городами Пшасныш, Млава, Плоньск, Модлин и развивали наступление по берегу Вислы в общем направлении на Торунь, Данциг, отрезая группировку гитлеровских войск, находившуюся в Прибалтике и Восточной Пруссии.

Можно было продолжать стремительное наступление, не беспокоясь особенно за фланги. Когда была установлена телефонная связь со штабом фронта, мы получили задачу: 18 января пересечь железную дорогу, идущую из Варшавы на Ченстохов, и передовыми отрядами захватить Глувно, Бжезины. Для усиления армии в Рава-Мазовецка прибывала 11-я гвардейская танковая бригада.

Чтобы не распылять силы армии и иметь сильный кулак для маневра, я решил вывести 4-й гвардейский корпус во второй эшелон и держать его на левом фланге армии.

18 января наступление начали рано утром. Мы стремились как можно лучше использовать светлое время суток. Командный пункт армии, а вернее, весь первый эшелон штаба превратился в подвижный пункт управления войсками. Он двигался по главной магистрали Нове-Място — Рава-Мазовецка — Бжезины.

Танкисты 1-й и 2-й гвардейских танковых армий, ускоряя темп наступления, уже вышли на автострады, ведущие к Берлину. Второй эшелон штаба армии оставался в Нове-Място с задачей поддерживать связь со штабом фронта и с нашим КП. Большинство офицеров и генералов штаба армии двигались с передовыми колоннами, на месте помогая командирам и периодически информируя меня о достигнутых результатах. Поэтому я всегда был в курсе событий.

Настроение бойцов и командиров было бодрое, никто не жаловался на быстрые переходы, наоборот, все стремились скорее добраться до Германии. К 13 часам колонны частей 28-го и 29-го гвардейских корпусов достигли железной дороги Варшава — Пиотркув, а разведка уже подошла к рубежу Дмосин — Бжезины — Галкув.

На горизонте показался большой город. В бинокль были видны заводские трубы. Лодзь! Крупный промышленный центр Польши, по численности населения второй после Варшавы. 1-я гвардейская танковая армия обходила Лодзь с севера. Сосед справа — 5-я ударная армия захватила город Ловичь. В это время у нас связи со штабом фронта не было. Надо было самому принимать ре-

шение. Двигаться дальше, оставляя у себя в тылу город с большим вражеским гарнизоном, или остановиться у его стен и ожидать указаний? Ни то, ни другое нас не устраивало. Принимаю решение: атаковать город. Тут же был разработан план штурма.

Войска остановим на рубеже Дмосин — Бжезины — Галкув, накормим людей и дадим им отдохнуть до 24 часов. До 2 часов ночи разведывательные отряды дивизии разведуют силы противника в городе и пригородах. После этого дивизии первого эшелона 28-го и 29-го гвардейских стрелковых корпусов (все четыре дивизии) подойдут к городу, чтобы к рассвету занять исходные позиции для наступления. В штурме будут участвовать основные силы 28-го и 29-го корпусов, нанося одновременные удары с востока, северо-востока и с запада через Згеж на Константынув. 88-я гвардейская стрелковая дивизия, наступая на широком фронте, выходит на рубеж Пионтек — Озоркув. Танковая группа в составе 11-й танковой бригады и трех отдельных танковых полков под общим командованием генерала Вайнруба стремительным маневром выходит на западные окраины города и закрывает пути отхода противника. 4-й гвардейский стрелковый корпус в резерве рокируется на правый фланг армии. Офицеры штаба армии на автомашинах выехали в штабы корпусов и дивизий с предварительными, ориентирующими приказаниями. Нам не хотелось вести бой в городе, который, несомненно, пострадал бы, поэтому в замысле штурма был обход его с севера и запада, то есть с тыла. Штаб тем временем спешно разрабатывал боевые документы.

И вдруг из штаба фронта приходит приказание, которое поставило нас в тупик. Нам предписывалось 19 января выйти на рубеж, который по существу мы уже заняли накануне.

Напутал ли штаб фронта или содержание приказания исказили при передаче через несколько узлов связи, установить нам так и не удалось. Одно было ясно: надо действовать на свой страх и риск. Войскам был передан утвержденный Военным советом армии приказ о штурме города Лодзь. В полночь корпуса и дивизии приступили к его осуществлению.

Утром первый эшелон штаба армии выдвинулся вперед и разместился недалеко от главных сил своих войск в местечке Бежицы. Военный совет армии с группой офице-

ров и генералов штаба выехал на только что захваченную восточную окраину города.

Было ясное солнечное утро. Мы стояли у железнодорожного переезда. На севере шла ружейно-пулеметная перестрелка, изредка слышались артиллерийские выстрелы. Наша разведка не имела полных данных о силах лодзинского гарнизона противника, но по характеру перестрелки чувствовалось, что враг не собирается упорно драться за город. Хотя наша артиллерия уже развернулась, я распорядился, чтобы до особого распоряжения она огня не открывала.

В это время с востока появились девятки наших ИЛов в сопровождении истребителей. Подходя к городу, они над головами наших вторых эшелонов начали разворачиваться в боевые порядки для бомбежки и штурмовки. Зачем их прислали? Как они будут штурмовать город, не зная расположения своих сил и сил противника? Радиосвязи с авиацией у нас не было. Спешно пошли в дело палатки, простыни, их расстилали на землю, сигналя самолетам. Полетели вверх зеленые ракеты — «свои», «свои»! Помогло. Штурмовики отвалили в сторону. Было ясно, что темп нашего наступления оказался неожиданным для штабов нашей авиации.

Под прикрытием разведывательных подразделений мы продвинулись несколько вперед и остановились в парке около часовни на высоком холме. Отсюда открывался вид почти на весь город. Мы наблюдали, как польские жители помогали нашим разведчикам вылавливать и обезоруживать гитлеровцев.

К полудню стрельба переместилась из центра города на юг. Мы поняли, что части 28-го гвардейского стрелкового корпуса и танковая группа Вайнруба начали наступление и гонят врага на юго-запад. Вдруг немецкая артиллерия открыла огонь по нашему наблюдательному пункту. Три десятка снарядов разорвались возле артиллерийских разведчиков. Два офицера были убиты, троих ранило. Чтобы избежать случайных потерь, приказываю уйти из этого района.

Возле железнодорожного переезда наши связисты восстановили связь с первым эшелоном штаба армии.

Я вызвал к телефону начальника штаба армии генерала Белявского. Он доложил, что танковая группа генерала Вайнруба вышла на западную окраину Лодзи, части 28-го корпуса заняли Озоркув, Александрув, Радо-

гощ; наши разведывательные подразделения вышли на шоссе Лодзь — Константынув. Противник спешно отходит на юго-запад. Захвачены пленные и очень много трофеев. Белявский замолчал и скорбно добавил:

— Матвей Григорьевич Вайнруб ранен в грудь навылет. Его скоро должны привезти.

Сообщение о ранении генерала Вайнруба нас очень огорчило. Мы все высоко ценили храбрость, честность и человечность Матвея Григорьевича. Третье ранение за войну. Два последних особенно опасные и тяжелые — в голову и в грудь. Когда ранят боевого товарища, всегда грустно. Когда ранят человека, прошедшего боевой путь из западных областей Белоруссии до Волги, выдержавшего испытания Сталинграда, а затем прошедшего вместе с тобой от Волги через всю Украину и Польшу, особенно тяжело. К счастью, вскоре сообщили, что Матвей Григорьевич будет жить...

Лодзь была освобождена 8-й гвардейской армией и соединениями 16-й и 18-й воздушных армий. Мы проехали по улицам. Фашисты здесь все хотели переделать на свой лад. Главную площадь, которая раньше называлась площадью Вольности, переименовали в площадь Германии. Гитлеровцы хотели этим подчеркнуть, что никогда Польше не быть вольной, что отныне здесь властвует Германия, а поляки — бесправные рабы. На угловых домах висели таблички с новыми, немецкими названиями улиц. Все вывески на магазинах — на немецком языке. На дверях кафе и ресторанов надписи: «Только для немцев. Полякам вход воспрещен». Последнее время полякам не выдавали хлеба — они должны были вымирать от голода, чтобы уступить место колонизаторам. Точно саранча, набросились на город жадные до чужого добра захватчики. Они заняли в городе все лучшие квартиры, выселив их владельцев в концентрационные лагеря. Через одну из главных улиц был переброшен мостик — только по нему могли евреи переходить из одной части гетто в другую. Они не имели права показываться на улице.

Пять с лишним лет стонала Лодзь под пятой гитлеровских палачей. Но город не покорялся, он помнил стачки 1905 года, он хранил гордый дух вольности. И нередко немецкие патрули находили на улицах трупы завоевателей: это польские патриоты творили свой беспощадный, но справедливый суд.

Зверствам оккупантов не было предела. Местные жители рассказывали нам, что однажды подросток Михаил Волонский увидел труп убитого немецкого жандарма и улыбнулся. Это заметил проходивший мимо фашистский офицер, и молодого поляка расстреляли тут же на месте. Юзеф Панцевский был расстрелян только за то, что неправильно показал немцу дорогу. Стефана Прибыцкого замучили в гестапо лишь за то, что он произнес на улице запрещенное слово «Россия».

— Поляки знали, — говорил мне один рабочий Лодзинского депо, — что только Россия может освободить нас, спасти от смерти в фашистских застенках. Весь город знал о страшном лагере в предместье Лодзи. Он был разделен на кварталы и опутан колючей проволокой. Это здесь убили Станислава Потоцкого после четырех месяцев страшных пыток. Здесь растерзали Юзефа Вичинского за то, что он показался на улице вечером. Ходить по городу разрешалось официально до 9 часов, но гитлеровцы уже с 8 часов вечера хватали и убивали всех, кто попадался под руку.

Жена рабочего добавила:

— И так целых пять лет. Казалось, и не будет проблеска в нашей жизни...

— Но вот пришла Красная Армия, — продолжал рабочий, — и фашистские палачи бежали так, что побросали все — и квартиры, набитые чужим добром, и чемоданы с наворованными вещами...

Когда в город вошли наши подразделения, на крышах, балконах, в окнах затрепетали советские и польские флаги. В долгие зимние ночи, рискуя жизнью, их шили женщины. И теперь, радуясь своему освобождению, они расцвечивали этими флагами победный путь своих освободителей.

Стремительный натиск наших войск помешал оккупантам разрушить город. Не было взорвано ни одного здания, продолжали работать и электростанция, и водопровод.

Толпы жителей приветствовали двигавшиеся по улицам танки, орудия, автомашины с пехотой. Это был всеобщий праздник. Кончился пятилетний коричневый мрак. Над Лодзью всходило солнце свободы...

В бесконечной колонне машин ехал грузовик с группой бойцов. Вот широко улыбаются сержант Усенко и младший сержант Вертилецкий. Как все, запыленные,

усталые, но радостные. И никто не подозревает, что это герои. А мне рассказали, как они воевали...

Продвижению стрелков мешали вражеские пулеметы, установленные в окнах двух смежных зданий. Гвардии сержант Иван Усенко, командир «максима», мигом оценил обстановку. Вместе со своим помощником младшим сержантом Вертилецким он выдвинул пулемет метров на сто вперед от нашей атакующей цепи, установил его на высотке. Первой же длинной очередью он заставил умолкнуть вражеский крупнокалиберный пулемет, а еще двумя очередями уничтожил автоматчиков, засевших в подвале здания. Отважные пулеметчики подавили еще три вражеские огневые точки. Ободренные стрелки поднялись в атаку. Дом за домом очищали они от гитлеровцев.

Но враг подтянул свежие силы. На группу храбрецов во главе с сержантом Усенко двинулся целый немецкий батальон. Подпустив гитлеровцев на двести метров, Усенко открыл огонь из пулемета. Фашисты залегли. Не решаясь подняться, они ползком подбирались к нашим солдатам, намереваясь окружить их. Усенко и его товарищи пустили в ход гранаты. Здесь подоспели наши танки. Схватка закончилась полным разгромом немецкого батальона. Пулеметчик Иван Усенко привел к штабу 34 пленных гитлеровца во главе с обер-лейтенантом.

И сколько таких героев в колоннах наших войск!

Улыбаются бойцы в ответ на приветствия жителей. Танки, орудия, машины, не сбавляя скорости, проходят по улицам. Они спешат дальше, на запад. Их ждут новые города, которые нужно освобождать.

Вечером мы узнали, что в Москве в честь войск, освободивших Лодзь, был дан салют.

ОБРЕЧЕННЫЕ

1

Январское наступление 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, начатое на Висле, вошло в историю, как Висло-Одерская операция. Войска наши прошли в одно дыхание от Вислы до Одера более пятисот километров. Такого размаха операция, безусловно, должна была бы иметь какие-то пороги в общем движении, делиться на какие-то этапы. Если бы на мою долю выпала бы задача разбить Висло-Одерскую операцию на какие-то этапы применительно к движению 8-й гвардейской армии, я оказался бы в затруднении. Наше движение вперед, начатое с Магнушевского плацдарма на Висле, ни на минуту не прекращалось.

Мы преодолевали оборонительные рубежи противника без оперативной паузы и без особых усилий до реки Варта (Познань). Вместе с тем в этом наступлении нам приходилось сталкиваться и с неожиданностями и с обороной противника, резко отличной от тех оборонительных сооружений, которые нам приходилось до сих пор преодолевать. Я сказал бы так: до Познани, сколь мощными не были укрепления противника, они не могли называться крепостями. В Познани наша армия впервые встретилась с крепостными фортами, с укреплениями, которые в те годы можно было причислить к крупнейшим фортификационным сооружениям. Познань был узлом железнодорожных и грунтовых шоссейных дорог.

Вспомним те планы, по которым нам приходилось действовать в Висло-Одерской операции. Ставка Верховного Главнокомандования утвердила план операции, рассчитанный на 10—12 суток. Этот план предусматривал выход к Лодзи на 10—12-й день операции. На этот рубеж 8-я гвардейская и 5-я ударная армии вышли на 6-й день операции. Планировалось продвижение по 10—12 километров в сутки. Мы проходили за сутки 25—30 и более километров.

Такой темп продвижения не мог не сказаться на снабжении войск. Малейшая ошибка в планировании работы тыловых служб теперь оборачивалась большой бедой. Ни боеприпасы, ни горючее, ни продовольствие в должном объеме не поспевали за войсками, да и возможности тыла были ограничены. Вместе с тем после освобождения Лодзи, командование фронта ставило нам задачи на продвижение большие, чем в начале операции, когда все снабженческие базы были под рукой.

23 января войска армии достигли рубежа Повидз — Слупца — Ценьжень. Передовые отряды выходили на Гнезно и Вжесня. Разведка доносила командованию армии, что танковые части 1-й гвардейской танковой армии имеют вполне вероятную возможность ворваться на позиции противника на реке Варта до того, как они будут заняты его силами. Нам надо было наращивать темпы наступления, чтобы не отстать от танкистов. И тут вдруг по телефону последовал неожиданный для нас приказ фронта.

В связи с отставанием войск 69-й армии и возможной задержкой боев за город Познань, командующий войсками фронта приказал мне объединить действия 1-й гвардейской армии и подошедших частей 69-й армии и обещими усилиями этих войск к 25.1.45 г. обязательно овладеть городом Познань.

До этого Познань не входила в границы действий 8-й гвардейской. На Познань должна была наступать 69-я армия. Мы никак не ожидали, что она отстает настолько, что мы должны были закрывать свой фланг от опасности удара со стороны Познани, где был сосредоточен сильный гарнизон противника.

Надо было срочно поворачивать армию, что было отнюдь не просто, учитывая приобретенную ею инерцию в движении на запад по ранее заданным направлениям. Повернуть армию, даже чуть-чуть довернуть ее в сторону — это многосложная проблема. А как это сделать быстро, когда армия находилась в боях и на марше, когда она, развернувшись веером, уничтожала опорные пункты противника? На это нужно время.

Надо переориентировать все службы тыла, все снабжение, искать новые дороги для переброски грузов, заново строить мосты, мосточки, расчищать завалы...

Я немедленно связался со штабом 1-й гвардейской танковой армии. Оказывается, танкисты уже подошли

к берегу реки Варта и даже захватили плацдарм на ее западном берегу. Стало быть, они уже пронизали своим ударом, как копьем, Вартовский оборонительный рубеж. Даже пытались ворваться с ходу и в Познань, но были остановлены в восточной части города.

Разведка танкистов утверждала, что Познань взять будет нелегко. Не этим ли была продиктована и директива фронта? Освобождение Познани вырастало в большую военную задачу.

Разведка и опрос пленных показали, что в Познани подготовлены к обороне все ее форты и центр всей обороны крепости — Цитадель.

Познань в военной науке считалась классической крепостью, сооружавшейся по той же схеме, по которой сооружались крепости знаменитым фортификатором Вобаном. Форты в центре, в главном узле обороны Цитадель. И форты и Цитадель — сооружения целиком подземные. Под землей же оборудованы огромные убежища, в которых мог разместиться очень большой гарнизон...

В какой степени использованы старые сооружения фашистами, мы еще тогда не знали, не знали мы и какими средствами и сооружениями была усилена крепость. Однако становилось очевидным, что взять такую крепость в сутки невозможно.

Наши разведывательные отряды тоже вышли к Варте на участке Оборники, Познань. Штаб армии немедленно поставил и перед ними срочную задачу — установить, какие силы обороняют крепость и западный берег реки Варта. Разведчики вскоре донесли, что подготовленные оборонительные позиции вдоль берега заняты противником лишь на нескольких участках и слабыми силами. Однако город и крепостные сооружения насыщены мощными огневыми средствами и там находятся большие гарнизоны. Все попытки пробиться в город усилением не увенчались.

Все говорило о том, что в Познани мы можем застрять и дать противнику выиграть время. Он отведет разбитые части в подготовленные укрепленные районы на границе Германии с Польшей и нам заново придется прорывать и ломать его оборонительные рубежи.

Правый сосед, командующий 5-й ударной армией генерал-полковник Н. Э. Берзарин, сообщил мне, что, по данным его разведки, противник готовит прочную кру-

говую оборону города Шнайдемюль (Пила). На юге так же готовилась к круговой обороне крепость Вроцлав (Бреславль).

После разговора с Берзариным у меня окончательно утвердилось мнение, что противник решил удерживать узлы железных и шоссейных дорог, оставляет там сильные гарнизоны, обрекает их на окружение и даже на уничтожение лишь бы задержать наши главные силы и выиграть время для приведения в порядок своих разбитых частей и занятия выгодных рубежей обороны.

Ожесточенные бои на Северном Донце, штурм укреплений в Запорожье, превращенном немецким командованием в сильнейший опорный плацдарм их обороны по Днепру, сражение в системе оборонительных сооружений в районе Никополя, первые бои на польской земле — все это, конечно, не шло ни в какое сравнение с той задачей, которую предстояло нам решать в Познани. С одной стороны, мощнейшие оборонительные сооружения, с другой стороны — отчаяние обреченных на смерть... Для них смерть — при любом исходе битвы... И каждый из защитников крепости знал, что если он поднимет руки — гитлеровцы в глубоком тылу уничтожат его семью.

Поэтому я решил не втягивать свои главные силы, а также 1-ю гвардейскую танковую армию в бой за Познань. Созрел план форсировать Варту всеми тремя корпусами и, обходя Познань с юга и севера, наступать на запад, к Одеру. Если гарнизоны крепостных сооружений Познани останутся на месте, не будут отходить или делать попыток вырваться, мы их блокируем, а дальше будем действовать в зависимости от обстановки.

Я выехал в штаб 1-й гвардейской танковой армии, где встретил начальника штаба армии генерала М. А. Шалина, а затем и М. Е. Катукова. Вместе оценили обстановку. Было принято окончательное решение не вводить в бой за Познань главные силы 8-й гвардейской и 1-й гвардейской танковой армий, а обойти ее и продолжать наступление главными силами на Одер. По телефону доложил об этом командующему фронтом.

25 января первый эшелон штаба армии развернулся в 12 километрах восточнее города в местечке Сважендз. К 12 часам стало известно, что наши части во многих местах к югу и к северу от Познани форсировали Варту, захватили плацдармы и расширяют их, двигаясь на запад. Новые попытки овладеть обводами восточных фор-

тов Познани не принесли никаких результатов: там оборонялись, как доносили разведчики, очень сильные гарнизоны.

Оставлять Познаньскую крепость без сильной блокировки нельзя: враг мог вырваться и нанести удар в тыл наступающим частям. Но такая блокировка отнимет у нас много сил. Самое лучшее — разгромить гарнизон противника. Поэтому в тот же день было решено: силами 39-й гвардейской стрелковой дивизии, захватившей плацдарм севернее города, нанести удар и овладеть северными фортами. Командир 29-го гвардейского стрелкового корпуса, удерживающий плацдарм южнее Познани, двумя дивизиями атакует форты крепости с юга и юго-запада. Армейская танковая группа переправится через Варту южнее Познани и выйдет в район Юниково в готовности разгромить противника в случае его отхода из города на запад. Главные силы 4-го и 28-го гвардейских стрелковых корпусов продолжали наступать вдоль южного берега Варты на запад с ближайшей задачей — захватить с ходу Мезеритцкий укрепленный район и выйти на Одер. 1-й гвардейской танковой армии предстояло закончить переправу главных сил через Варту южнее Познани и, наступая быстрыми темпами, не давать противнику закрепиться на подготовленном рубеже.

Против фортов и укреплений Познани с востока развернулась на широком фронте одна 82-я гвардейская стрелковая дивизия. Частей 69-й армии вблизи города еще не было.

Выполняя это решение, части 4-го гвардейского стрелкового корпуса к исходу дня 25 января своими передовыми частями вышли к Оборникам, 28-й гвардейский стрелковый корпус достиг рубежа Хмотово—Золотково, а 39-я гвардейская стрелковая дивизия развернулась на фронте Самоховице — Пентково и вплотную подошла к фортам крепости. Дивизии 29-го гвардейского стрелкового корпуса тем временем развернулись на фронте Виняры — Яниково — Антонин — Франово — Любонь — Юниково, обеспечивая форсирование реки танковой армией и ее наступление на запад.

Артиллерия резерва Главного командования, следовавшая в колоннах за войсками, была разделена на две мощные группы: северную и южную. Сотни ее стволов нацеливались на крепость. Общее наступление было назначено на утро 26 января.

В то время когда мы готовились к штурму, войска нашего соседа — 69-й армии — отставали от нас на два суточных перехода. Упрекать за это нельзя: всякое бывает, когда противник оказывает упорное сопротивление. Они были очень нужны нам, мы их ждали, но даже по радио не могли с ними установить связи. Запросили штаб фронта. Наш запрос вызвал удивление. Нас начали уверять, что части 69-й армии сражаются в центре города... Разбираться во всем этом нам было некогда...

Наши танковые и стрелковые соединения осуществляли сложный маневр. Одна часть войск готовилась к штурму крепостных укреплений, другая — к стремительному броску на Одер. Надо было во что бы то ни стало опередить противника. Все понимали, как дорог каждый час, выигранный стремительным темпом наступления в начале операции.

26 января, когда наши штурмовые отряды завязали бои в городе, части 4-го и 28-го гвардейских стрелковых корпусов, обойдя Познань с севера, стремительно рванулись вперед и за два дня прошли более 60 километров. К вечеру 28 января они вышли на рубеж Серакув (Тирнбаум) — Левица. Войска 1-й гвардейской танковой армии, успешно переправившись через Варту южнее Познани (переправой руководил заместитель командарма генерал А. Л. Гетман), развивали успешное наступление на Бук, Меджинец.

В этот же день нам стало известно, что противник спешно перебрасывает свои части с Западного фронта и из глубины страны в Мезеритцкий укрепленный район. Сюда же, к Одеру, стягиваются и войска, отходящие под ударами наших наступающих армий. 27 января командующий фронтом в своем приказе предупредил об этом и потребовал, как можно быстрее продвигаться к Одеру и захватить его западный берег.

Именно здесь, в эти дни, впервые в оперативных документах, входя составной частью в реальную задачу, появилось слово — Берлин. В приказе командующего фронтом от 27. 1. 45 года было подчеркнуто: «Если мы захватим западный берег реки Одер, то операция по захвату Берлина будет вполне гарантирована».

Георгия Константиновича Жукова в армии знали как человека строго реалистического, не увлекающегося беспочвенными мечтаниями. Слово «Берлин» в его приказе звучало для нас как очередная задача. Можно себе пред-

ставить, как мы были взволнованы, прочитав в те дни этот приказ. Раздвинув просторы, преодолев тысячи километров, огонь, стужу, водные преграды и крепости, мы выходили на прямую к конечной цели войны...

Было приказано выделить от каждой армии по одному усиленному стрелковому корпусу, придав ему танки, самоходную артиллерию, минометные части, и немедленно выбросить их вперед для подкрепления действий танковых войск, уже приближающихся к Одеру.

Мы понимали, что если противник успеет занять оборону на подступах к Одеру до того, как наши войска преодолеют Мезеритцкий укрепленный район, то нам придется потратить там много сил. Все дело во времени!

Сосед справа — 5-я ударная армия — стремительно прорывалась вперед.

Наконец-то появились части 69-й армии. Один ее корпус — 91-й — в составе двух слабоукомплектованных дивизий под командованием генерал-лейтенанта Ф. А. Волкова — вечером 27 января подошел к Познани и был подчинен мне для атаки и штурма крепостных сооружений.

К этому времени нам стало известно, что гарнизон города вместе с батальонами фольксштурма насчитывал до 60 тысяч человек. Впоследствии комендант Познани генерал Маттерн показал, что гарнизон города состоял из двух юнкерских школ, запасного учебного дивизиона штурмовых орудий, одиннадцати батальонов внутренней охраны, частей аэродромного обслуживания, учебного авиаполка, двух офицерских школ, двух саперных батальонов, боевой группы «ленцер» из местных эсэсовцев, семнадцати рот, сформированных из солдат-отпускников и солдат 10-й моторизованной, 251, 6 и 45-й пехотных дивизий, разгромленных в предыдущих боях. Всей этой группировкой командовал полковник Коннель. Он принял гарнизон от генерал-майора полиции Маттерна, отстраненного от этой должности за неимением боевого опыта. Маттерн оставался в Познани, помогая новому коменданту крепости. Накануне нашего прихода к Познанским укреплениям Коннель получил звание генерала.

Круговая оборона города разбивалась на четыре участка — «Восток», «Юг», «Запад», «Север». Восточным участком командовал сам Коннель, южным — майор Холдфельд, западным — бывший заместитель начальни-

ка 5-й офицерской школы майор Эверест, северным — майор Шрез.

Из захваченной немецкой оперативной карты и показаний пленных мы установили, что каждый участок разделялся на 4—5 подучастков, имеющих в центре обороны один-два из крепостных фортов.

Исполняя волю Гитлера, командование гарнизона решило удерживать город до последнего солдата. Кроме фортов, дотов, дзотов, к ведению уличных боев приспосабливались жилые дома и другие постройки.

В городе находилось много складов с вооружением, различными боеприпасами и продовольствием, что позволяло гарнизону вести длительные бои в условиях полного окружения.

Ставка Гитлера придавала большое значение удержанию Познани, Шнайдемюля и Бреслау, как стратегических пунктов, прикрывавших операционные направления в глубину Германии.

Приспосабливая крепость к тактике современной войны, немецкие военные специалисты на танкоопасных направлениях вокруг города отрыли противотанковые рвы, создали полевые огневые позиции с расчетом прострела дорог и подступов к противотанковым рвам. Вдоль дорог противник оборудовал огневые точки, расположенные в шахматном порядке. В них устанавливались противотанковые орудия и станковые пулеметы. Так, на шоссе Курник—Познань на протяжении 4 километров мы обнаружили до 40 пулеметных ячеек. За ячейками располагались огневые позиции для противотанковых орудий с круговым обстрелом.

Все полевые сооружения связывались общей системой огня с фортами крепости, расположенными вокруг города. Форт — подземное сооружение, которое почти не выступало над уровнем местности. Каждый форт окружен рвом шириной 10 метров и глубиной до 3 метров с кирпичными стенами, в которых были бойницы для фронтального и фланкового обстрела.

Перекрытие фортов — кирпичный свод толщиной 0,8—1,0 метра и земляная насыпь до 4 метров. В стенах — амбразуры и бойницы, на насыпи — железобетонные доты и бронеколпаки. Внутри фортов — общежития для гарнизонов от взвода до батальона, сводчатые патерны с рядом карманов для размещения боеприпасов, продовольствия и другого имущества. Все форты имели

артезианские колодцы и приспособления для отопления и освещения.

Судя по конструкции фортов, занятых нашими войсками на южной и западной окраинах Познани, противник мог использовать против нас все огневые средства как на подступах, так и внутри сооружений. Самый большой из познанских фортов — Цитадель — пятиугольник неправильной формы — расположен в северо-восточной части города. Его гарнизон мог достигать дивизии.

Стены и перекрытия Цитадели — толщиной 1,8—2,0 метра. По периметру Цитадель обнесена рвом и земляным валом. В каждом углу расположены крепостные сооружения — редуты и равелины. Внутри крепости располагался ряд подземных помещений и галерей, одноэтажные и двухэтажные здания для складов и убежищ.

Поперечное сечение рва на отдельных участках было разное. Ширина его колеблется от 8 до 20 метров, глубина доходит до 7 метров. Откосы рва закреплены кирпичной стеной толщиной 0,5 метра.

Из многочисленных бойниц и амбразур, устроенных в стенах зданий, башен, редутов и равелинов — простреливались все фасы рва и подступы к нему как фронтальным, так и фланкирующим огнем.

Внутри центральной части этого форта имеется свободный двор (на глубине 5—6 метров) для сообщения внутри, не просматриваемый с окружающей местности. Отличительной чертой этого форта является возможность установки орудий сверху форта, причем для подвозки орудий установлены специальные эстакады. Электроэнергия вырабатывается специальными двигателями. Гарнизоны располагают мощными радиостанциями.

При подходе наступающих войск к форту на дистанцию 700 — 800 метров свободные промежутки между огневыми позициями орудий могли заниматься пулеметными подразделениями. Возле форта оборудовано много огневых точек под бронированными колпаками. Во время войны немцы построили там систему 2 дотов, соединенных кирпичной стеной длиной в 160 метров. В стене 24, амбразуры для пулеметов, автоматов и винтовок.

Для противовоздушной обороны города имелось 18 железобетонных площадок с зенитными орудиями и надежными укрытиями для прислуги и боеприпасов.

Противник приспособил к обороне и некоторые кирпичные здания в городе, из которых обеспечивался кру-

говой обзор. Окна полуподвальных помещений и первого этажа были заделаны мешками с песком, и в них оставлены только бойницы для стрельбы и наблюдения. В помещениях верхних этажей располагались пулеметчики, автоматчики и фаустпатронщики.

Почти все площади и парки города титлеровцы использовали для артиллерийских позиций.

Я останавливаю внимание читателя на этих подробностях для того, чтобы он мог себе представить, какие препятствия предстояло преодолеть войскам, штурмовавшим город.

2

Итак, 26 января началась ожесточенная кровопролитная борьба за эту крепость, за каждую огневую точку на подступах к ней.

Наша разведка прилагала много сил, чтобы разузнать все о противнике: устройство фортификационных сооружений, расположение огневых средств и направление их огня, скрытые подступы к узлам сопротивления, характер инженерных заграждений, состояние переправ через Варту, настроение осажденного гарнизона.

В дивизиях и в полках, участвующих в штурме, организовали наблюдательные офицерские посты. Для выполнения отдельных специальных задач высылались группы разведчиков и саперов.

Саперы под командой младшего сержанта Еременко произвели разведку крепостного обводного рва и валов, определили их размеры и конфигурацию, толщину кирпичных стен. Они выяснили, что один пролет железобетонного моста через ров у главного входа в Цитадель (которым мы собирались воспользоваться) взорван противником.

На основе добытых разведывательных данных был разработан план штурма. Общая атака началась утром 26 января. Главный удар наносился с юга 27-й и 74-й гвардейскими стрелковыми дивизиями. Как показали пленные, этот удар был для противника неожиданным. В результате два южных форта на западном берегу Варты оказались в наших руках, что дало нам возможность ввести войска с танками в кольцо фортов и атаковать противника с тыла, вернее, с внутренней стороны его фортов. Успех на южном секторе обеспечивал безопас-

ность переправы через Варту танковой армии и прикрывал коммуникации 29-го гвардейского стрелкового корпуса.

Атака с севера частями 39-й гвардейской стрелковой дивизии особого успеха не имела.

С запада мы атак не вели. Мы сознательно оставили здесь выход, надеясь, что противник воспользуется им и двинется из крепости. Но наши расчеты не оправдались: враг не собирался покидать город. Мы поняли, что за Познань придется долго драться. Предстояло провести перестройку боевых порядков, возродить сталинградские штурмовые группы и отряды.

Стрелки, саперы, огнеметчики, разведчики, танкисты, артиллеристы, входившие в штурмовые группы, получали свои специфические задачи и в тесном взаимодействии уничтожали тот или иной вражеский очаг сопротивления.

28 января мы повторили штурм. Кроме четырех дивизий и средств усиления 8-й гвардейской армии, в нем приняли участие две дивизии, переданные в мое подчинение из 69-й армии.

Чтобы избежать лишних потерь, гитлеровцам был предъявлен ультиматум следующего содержания:

«К офицерам и солдатам окруженного гарнизона города Познань. Город Познань окружен, и для вас нет выхода из него. Я, генерал Чуйков, предлагаю вам немедленно сложить оружие и сдаться в плен. Я гарантирую вам жизнь и возвращение на родину после войны. В противном случае вы будете уничтожены и по вашей вине вместе с вами погибнут многие жители города Познань.

Поднимите белые флаги и смело идите в направлении наших войск.

Генерал Чуйков».

Белых флагов мы не увидели. Пришлось убеждать противника силой оружия. Артиллерия и авиация наносили удары по крепостным сооружениям (городские строения мы не трогали). Танки действовали вместе со стрелковыми подразделениями. Мы не жалели снарядов из захваченных трофейных запасов. Все наземные сооружения форта Цитадель были сметены с лица земли. Гарнизоны фортов забились в подземные казематы.

Наши штурмовые группы и отряды получили на уси-

ление батареи тяжелых орудий калибром 152 и 203 миллиметра.

Большинство бойцов, особенно саперов, овладели трофейным оружием — фаустпатронами, которые с успехом применялись как в уличном бою, так и при ликвидации очагов сопротивления. При штурме одного из фортов наши саперы выстреливали фаустпатроны в вентиляционные отверстия. Взрывом разрушались перегородки в вентиляционных каналах. После этого в отверстие заливали горючую смесь и зажигали. Пожары, вызванные таким образом, вынудили форт капитулировать.

Бой за форт Бонин вела штурмовая группа, в которую входили стрелковая рота неполного состава, рота 82-миллиметровых минометов, рота саперов, отделение химиков-дымовиков, два танка Т-34 и батарея 152-миллиметровых орудий.

После артиллерийской обработки форта штурмовая группа под прикрытием дымовой завесы ворвалась в центральный вход. Ей удалось овладеть двумя центральными воротами и одним из казематов, прикрывавшим подход к этим воротам. Противник, открыв сильный ружейно-пулеметный огонь из других казематов и применив также фаустпатроны и гранаты, отбил атаку.

Мы тут же поняли причины неудачи. Оказалось, что форт штурмовали только со стороны главного входа, не сковывая противника с других направлений. Это позволило ему сосредоточить все силы и весь огонь в одном месте. Кроме того, практика показала, что для штурма фортов калибр орудий 152 миллиметра явно недостаточен.

Вторая атака началась после обработки форта тяжелыми орудиями, стрелявшими бетонобойными снарядами. Штурмовая группа подступала к противнику с трех направлений. Артиллерия и во время штурма не прекращала огня по амбразурам и уцелевшим огневым точкам. После короткой борьбы противник капитулировал.

Продвижению наших войск сильно мешал мощный дот. Ликвидировать его поручили группе саперов под командованием старшего лейтенанта Проскурина. Вооружившись гранатами и взрывчаткой, саперы поползли к доту. Их прикрывала стрелковая рота, которая из противотанковых ружей и ручных пулеметов вела огонь по вражеским амбразурам.

Проскурин и его подчиненные быстро достигли дота,

но его гарнизон вызвал на себя огонь артиллерии и минометов. Наши бойцы не дрогнули. Под градом осколков саперы пробрались к огневой точке и заложили 50 килограммов взрывчатки у амбразуры. Взрывная волна оглушила фашистов. Саперы ворвались в дот. После короткой схватки вражеский гарнизон был уничтожен.

Штурм городских зданий, приспособленных к обороне, организовывался в ходе боя по-разному. Наиболее типичным приемом штурма можно считать штурм здания гестапо, которое было солидно укреплено и оборонялось с особым упорством гитлеровскими головорезами. Штурмовая группа под командованием лейтенанта Быльева, ведя уличные бои, скрытно подошла к зданию гестапо и внезапным штурмом овладела одной его частью. Завязался бой внутри здания. Гарнизон противника яростно сопротивлялся, и все попытки овладеть полностью зданием не увенчались успехом.

Командир штурмового отряда — командир батальона приказал произвести подрыв здания. Шесть саперов, находящиеся в штурмовой группе, из имеющейся при себе взрывчатки, связали сосредоточенный заряд весом в 75 килограммов и подорвали нижний этаж. Взрыв разрушил потолок подвала и внутренние стены нижнего этажа. Но несмотря на эти разрушения, противник, засевший в подвале и на верхних этажах, продолжал отчаянно сопротивляться. Тогда решили произвести вторичный подрыв. Под огнем противника саперы поднесли к зданию 175 килограммов взрывчатки и двумя сосредоточенными зарядами, расположенными в разных комнатах нижнего этажа, произвели одновременный взрыв. Этот взрыв разрушил здание и полностью уничтожил гарнизон головорезов СС.

Успех действий этой штурмовой группы был достигнут благодаря хорошо организованному взаимодействию между стрелками и саперами, а также с подразделениями других родов войск.

Другой пример. Штурмовой группе 83-го гвардейского стрелкового полка нужно было сделать проход в стене дома, занятого противником. Подходы к дверям и окнам этого дома простреливались противником из соседнего дома.

Штурмовая группа, в состав которой входили и саперы, через подвал проникла в соседний дом, не занятый противником. Саперы зарядом взрывчатки весом в 35

килограмм сделали проход в глухой стене этого дома, вне обстрела противника. В образовавшийся проход штурмовая группа под прикрытием дыма подошла к глухой стене дома, занятого противником, и зарядом весом в 40 килограмм пробила в нем стену. В образовавшийся проход в стене стремительно бросились пехотинцы с гранатами и выбили противника из дома, захватив 41 солдата и офицера в плен.

В результате этих действий было нарушено огневое взаимодействие у противника, наши войска получили возможность проникнуть в соседние дома и в скором времени очистить от противника весь квартал.

К 5 февраля штурмовые группы полностью очистили от противника жилые районы города. Цитадель, восточная часть района (Шулинг), Хвалищево и Гловно оставались еще в осаде. В этот день 39-ю гвардейскую стрелковую дивизию я вывел из боев за Познань и направил на Одер в 28-й корпус, который вел бои уже за плацдарм на западном берегу реки.

Одновременно у соседа справа — 61-й армии — в районе крепости Шнайдемюль, окруженный гарнизон противника внезапно ночью всеми силами атаковал блокирующие войска. На ликвидацию этой вылазки из 8-й гвардейской армии была взята 11-я танковая бригада и переброшена к правому соседу. Для предотвращения подобных попыток со стороны познанского гарнизона противника мы усилили ночные действия штурмовых групп, а выходы из фортов и равелинов плотно перекрыли огнем артиллерии.

После 12 февраля главное внимание было приковано к Цитадели — центру обороны познанского гарнизона. По мере приближения наших войск к этому центру, упорство сопротивления противника возрастало. Некоторые читатели могут подумать: зачем нужно было упорно драться за Цитадель, не лучше было бы ее блокировать и брать измором. Рядом с Цитаделью находился узел железных дорог, который был крайне необходим для подвоза снабжения всех войск фронта. Поэтому штурм Цитадели продолжался до полной ликвидации в ней противника. До этого момента наши войска в основном имели дело с подразделениями и частями, которые, отступая от берегов Вислы, задержались в крепостных сооружениях Познани. Они, несмотря на солидные укрепления, не выдерживали ударов штурмовых групп. Но

когда наши части, овладев внешними фортами, подошли к Цитадели, то жестокость сопротивления достигла предела. Осажденный гарнизон крепостных частей сопротивлялся с яростью обреченных.

В самой Цитадели укрывалось около 12 тысяч солдат и офицеров во главе с двумя комендантами — экс-комендантом генералом Маттерном и матерым нацистом генералом Коннелем.

Цитадель размещалась на холме, она господствовала над городом. Форты и равелины были укрыты трехметровым слоем земли.

Подступы к внутренним фортам и равелинам прикрывались широким и глубоким рвом. Этот ров простреливался фланговым огнем из казематов через бойницы, невидимые со стороны наступавших.

Стены рва высотой 5—8 метров были выложены кирпичом. Танки не могли преодолеть это препятствие. На помощь им подтянули тяжелые орудия. С дистанции триста метров они били по Цитадели. Но даже 203-миллиметровые снаряды, ударяясь в стены, особого разрушения не производили, а, попадая в насыпи над перекрытиями фортов и казематов, оставляли только воронки, как бы перелопачивая уже перепаханную землю.

Я уже говорил о том, что обреченных ожидала смерть во всех случаях. Мы были свидетелями, как нацисты расправлялись с теми, кто пытался внять разуму. Один эпизод особенно потряс меня, и о нем я не могу не рассказать.

Было это так. Для наблюдения за результатами обстрела Цитадели и за действиями штурмовых групп мы выдвинули свой наблюдательный пункт вплотную к месту боя на верхний этаж городского театра. Со мной были командир корпуса генерал Шеменков и мой заместитель генерал-лейтенант Духанов. Мы увидели, как на внутреннем валу крепости за рвом появилась большая группа немцев с белыми флагами. Бросая оружие, они показывали, что сдаются в плен. Разобравшись в чем дело, наши войска прекратили огонь. И тут мы заметили, как группа немецких солдат, стоящая на валу, начала редеть. Немцы падали и скатывались в ров — в одиночку, по два, по три. Вскоре весь вал опустел.

Моя догадка подтвердилась. Действительно, солдат, пожелавших сдаться в плен, расстреляли из бойниц казематов свои же офицеры.

Этот случай показал, что в гарнизоне крепости отъявленные фашисты, которые будут долго и упорно сопротивляться. Я собрал командиров частей и приказал готовиться к завершающему штурму Цитадели.

Наши войска, продвигавшиеся на запад, в это время уже вели бои на Одере. Оставлять в своем тылу мощный опорный пункт противника мы не могли. Обстановка требовала окончательного разгрома познанского гарнизона. Город Познань — узел железных и шоссейных дорог, — оставаясь долгое время в руках противника, мог сильно усложнить подвоз боеприпасов и горючего на Одер. Да и управление войсками затруднялось. По два-три раза в неделю мне и работникам штаба армии приходилось путешествовать по маршруту Познань—Одер—Познань.

Уже много дней наши части вели уличные бои. Гитлеровцев приходилось выбивать из каждого дома. При этом очень пригодился нам опыт, накопленный в боях на Волге.

Чем глубже штурмующие части и подразделения врезались в город и ближе подходили к Цитадели, тем упорнее оборонялись войска противника, тем ожесточеннее шли бои. Наши воины сражались геройски. С чувством признательности я вспоминаю приданные 8-й гвардейской армии танковые части, в частности 259-й отдельный танковый полк под командованием майора И. С. Иванова. С самого начала штурма танкисты тесно взаимодействовали с пехотой и артиллеристами, проявляя мужество, упорство и изобретательность. Они выработали и применили новые приемы борьбы. Например, в уличных боях танки наступали парами. Танк, идущий по правой стороне улицы, вел огонь по целям, расположенным на левой стороне, и наоборот.

Когда нужно было под огнем произвести перемещение наших пехотных подразделений, танки становились двумя цепочками, образуя своими корпусами коридор, по которому передвигались пехотинцы. Таким образом, броня и артиллерия танков помогали пехоте с малыми потерями продвигаться под вражеским обстрелом.

Такие приемы ни в одном уставе не записаны. Они рождены сметливостью наших солдат и офицеров непосредственно в бою. Командиры, политические и штабные работники быстро подхватывали эти плоды солдатской смекалки, делали новые приемы борьбы достоянием всех

подразделений. Этой цели служили и беседы агитаторов, и боевые листки, и газета.

По имевшимся сведениям, гарнизон Цитадели имел запасы воды, продовольствия и медикаментов на полтора-два месяца. Частые атаки форта могли принести только лишние жертвы. Поэтому было решено дать войскам передышку, подвезти боеприпасы для артиллерии и авиации, поставить артиллерию и тяжелые танки на прямую наводку по бойницам.

Готовились штурмовые лестницы, мостики и машины для преодоления рва. Артиллеристы произвели сильный налет, используя наши отечественные снаряды крупного калибра. Им удалось пробить брешь в кирпичной стене крепостного вала. Тотчас же была дана команда— огнем прямой наводки по краям пролома расширить брешь. Вскоре здесь образовался пятиметровый проход. С внешней стороны рва в этом же месте инженеры заложили мощные фугасы, чтобы взрывом обрушить стену в ров и по образовавшейся насыпи пропустить в Цитадель танки и самоходки.

Общий штурм был назначен на 18 февраля.

Чтобы читатели могли хоть отчасти представить трудности, которые пришлось преодолеть нашим войскам, приведу несколько примеров.

Группе саперов во главе с младшим лейтенантом Гужевым было приказано обеспечить переправу пехоты через ров между западной башней главного входа и редутом № 1. Под убийственным огнем саперы подтащили штурмовые лестницы. Рядовые Возный, Казора, Маставенко, Акулиничев, Добричев, Смирнов и Зубков, поджигая короткие зажигательные трубки, начали сбрасывать в ров пятикилограммовые заряды. После шести взрывов амбразуры в стене замолчали. В ров быстро опустили лестницы. С их помощью саперы преодолели препятствие. Вслед за ними переправилась и пехота. Первые наши бойцы ворвались в Цитадель...

Противник открыл ураганный огонь по штурмовым лестницам и разрушил многие из них. Саперы ремонтировали поврежденные лестницы, подносили новые. Переправа продолжалась. Пехота непрерывно накапливалась на валу форта, хотя огонь противника не ослабевал. Наши бойцы несли потери. Особенно опасным был фланкирующий огонь из амбразур редутов № 1 и № 2 и западной башни главного входа. Попытки подавить огневые

точки с помощью ранцевых огнеметов не удавалось. Огнеметчики не смогли подползти к краю рва, а струя огнесмеси, пущенная с расстояния 20—25 метров, практических результатов не дала. Тогда было принято решение применить бочки с взрывчаткой. Под прикрытием огня пехотинцев 4—6 саперов ползком выкатывали такую бочку к краю рва, поджигали запал и сталкивали ее в сторону амбразур. Взрыв оглушал фашистских пулеметчиков. Пользуясь ослаблением огня, саперы спускали лестницы в ров и наводили переправу. Пехотинцы по лестницам взбирались на крепостной вал и окапывались на его южном склоне, а местами и на самом гребне.

Надо было спешить: все знали, что умолкнувшие огневые точки скоро снова оживут. Гитлеровцы убирали из казематов оглушенных взрывом пулеметчиков и фаустников, на их место ставили новых, и амбразуры вновь извергали огонь.

На рассвете противник повредил часть лестниц. Под прикрытием дымовой завесы, поставленной огнеметчиками, разбитые лестницы заменили, но переправа пехоты из-за сильного прицельного огня была крайне затруднена. Весь день фашисты, подбираясь по скрытым ходам сообщения, забрасывали наших бойцов, окопавшихся на валу, ручными гранатами и фаустпатронами. Саперы закладывали взрывчатку в цилиндрическую оболочку (в ведра, упаковку от снарядов) и сбрасывали их за вал, чтобы уничтожить вражеских гранатометчиков. В момент взрыва пехота совершала бросок. В некоторых местах таким образом удалось преодолеть вал. Разгорелся бой за ближние постройки внутри Цитадели.

В 16 часов 19 февраля саперам поставили задачу— перекинуть через крепостной ров мост, по которому могла бы пройти полковая артиллерия. Мост на козловых опорах решили построить против проломов в стене и в валу, пробитых артиллерией большой мощности.

С наступлением темноты саперы поднесли ко рву заранее заготовленные части моста, но вскоре работа прервалась, так как противник непрерывно обстреливал пролом фаустпатронами и пулеметами. Быстро принимается новое решение. В результате мощного взрыва на время замолк редут № 1. Этим воспользовались саперы. В темноте они соорудили мост. К рассвету мост длиной 12,5 метра соединил берега рва. Правда, просуществовал он недолго. Через полчаса прямыми попаданиями фауст-

патронов противник разрушил его. Но и это не остановило штурмующих.

В 11 часов 20 февраля саперы штурмовой группы — сержант Гайдуков, рядовые Олехник и Егоров— преодолели ров в 50 метрах западнее пролома, забрались на вал и водрузили на его гребне два красных флага. Это воодушевило пехоту. Пехотинцы вслед за саперами переправились через ров и прочно овладели валом на участке от пролома до редута № 2. Воспользовавшись этим, пехота, находившаяся правее пролома, также потеснила противника. Теперь строить мост стало легче. Хотя противник и не прекращал обстрела, но эффективность его огня была намного ниже, чем раньше. К утру 21 февраля мост стоял. Под прикрытием дымовой завесы через ров переправились 14 пушек, часть из них сейчас же открыла стрельбу прямой наводкой по вражеским амбразурам. Пулеметной очередью враг пересек одну из козловых опор моста, но ее быстро восстановили.

Огнеметчик ефрейтор Сервиладзе под прикрытием огня пехоты спустился с вала и поджег два дома у редута № 2 в Цитадели. Через некоторое время из горящего дома вышли и сдались в плен около двухсот немецких солдат и офицеров. Воспользовавшись этим, наша пехота спустилась со рва и вошла в Цитадель.

Возвращаясь после выполнения задания на заправку огнемета, ефрейтор Сервиладзе встретил раненого товарища. Взяв его заправленный огнемет, он вновь возвратился в Цитадель и, зайдя противнику в тыл, залил огненной струей амбразуры редута, простреливавшие ров и вал. Редут надолго смолк. Саперы тем временем пробирались по насыпи перекрытия и опускали мелкие заряды взрывчатки в вентиляционные и дымовые трубы казематов, уничтожая засевших там гитлеровцев.

В полдень приступили к постройке тридцатитонного моста для танков. Он возводился на клеточных опорах рядом с мостом для артиллерии. Вначале дело шло быстро. Части выделили людей, которые перенесли к месту постройки лесоматериал. В этой работе активно участвовали местные жители. Была уже завершена установка опор, когда ожили до этого молчавшие амбразуры в крепостной стене. Всякий, кто показывался на мосту, падал раненым или убитым. Снова пришлось прибегнуть к бочкам со взрывчаткой и огнеметам. На подавление вражеских огневых точек ушло много времени и сил. Против-

ник разгадал наш прием и установил в одном из казематов пулемет, прикрывающий подходы ко рву. Только после сильного задымления редута № 1 удалось сбросить в ров бочку с взрывчаткой. Но этот взрыв не подавил все амбразуры. Тогда к краю рва подошли наши огнеметные танки, но амбразуры были расположены слишком низко и потому оказывались в мертвой зоне, струи огнеметов и снарядов танковых пушек не попадали в них. И опять выручила смекалка наших воинов. Подбираясь к амбразурам с безопасных направлений, они бросали перед ними ящики, бочки, бревна, создавая завал, который плотной стеной вырастал перед амбразурой, ослепляя и обезоруживая врага. Вот уже заглохли нижние окна редута № 1. Работать саперам стало спокойнее.

Я торопил с постройкой моста, считая, что только ввод танков в Цитадель позволит быстро завершить ликвидацию окруженной группировки противника. Задача эта была поручена 261-му инженерно-саперному батальону. Командир батальона сам произвел разведку и принял решение взорвать земляной вал и стены крепостного рва, создав, таким образом, аппарели для въезда танков. В полночь прогремел мощный взрыв. Наружная стена рва и вал были разрушены до основания. Чтобы уменьшить крутизну откосов, дополнительно произвели три взрыва. В 3 часа ночи 22 февраля танки и самоходная артиллерия 259-го танкового и 34-го тяжелого танкового полков вошли в Цитадель. Только тогда гитлеровцы группами от 20 до 200 человек стали сдаваться в плен...

Освобожденные от фашистского рабства, поляки не жалели сил, чтобы быстрее очистить от врага родной город. Особенно горячо участвовала в этом благородном деле молодежь. Сотни, тысячи молодых хлопцев и девчат подносили боеприпасы к пушкам и танкам, рубили прутья в загородных рощах, вязали фашины и подвозили их на исходный рубеж штурма. Эти связки прутьев очень пригодились нам при форсировании крепостных рвов. Врачи, медсестры, санитарки больниц и поликлиник города, рискуя жизнью, вместе с нашими медиками выносили из огня раненых и оказывали им помощь. Снова и снова мы убеждались, как много искренних, верных друзей у нас в Польше. В борьбе против общего врага росла и крепла дружба советского и польского народов.

Ожесточенные бои шли на всех участках. Западный равелин Цитадели блокировали гвардейцы 27-й стрелковой дивизии совместно с танкистами 259-го и 34-го танковых полков. Заместитель командира дивизии генерал М. И. Дука предложил гарнизону равелина сдаться. Фашистские офицеры ответили отказом, гарнизон продолжал сопротивляться. Генерал Дука — бывший командир одного из соединений белорусских партизан — применил против врага свой, партизанский метод. По наклону к главному входу в равелин покатились горящие бочки с мазутом. Жаркий, удушливый дым выкурил фашистов из их нор, и они выползли с поднятыми руками.

Часы существования крепости и ее гарнизона были сочтены. Перебежчики говорили, что подземные помещения крепости забиты ранеными. Водопровод поврежден, солдаты страдают от жажды. Не хотелось зря проливать кровь, поэтому я снова по радио обратился к осажденным с предложением капитулировать. Но и на этот раз мое обращение противник не принял. Он бессмысленно напрягал последние силы, бросался в бесплодные контратаки.

Был канун дня Красной Армии. Несмотря на тяжелые бои, у людей было предпраздничное настроение, оно поддерживалось предчувствием близкой победы. Вечером 22 февраля в одной из комнат городского театра собрались командиры корпусов и дивизий.

В это время командира 74-й гвардейской стрелковой дивизии генерала Баканова вызвали к телефону. Вернувшись, он доложил, что звонили от центральных ворот Цитадели. Туда прибыли парламентеры. Баканов попросил разрешения съездить и принять их. Вскоре он сообщил, что гарнизон крепости сдается и что возле него находится бывший комендант крепости генерал Маттерн. Спустя четверть часа в комнату, в которой мы заседали, пыхтя, как паровоз, и еле втиснувшись в дверь, вошел генерал-майор Маттерн. Это была туша пудов на восемь. Отдышавшись, он передал мне записку от коменданта крепости генерала Коннеля, который просил советское командование оказать помощь раненым.

— А где сам Коннель?

— Застрелился.

Когда я спросил, а как себя чувствует генерал Маттерн, он пожал плечами:

— Мне что, я не член нацистской партии, зря не стал

бы проливать кровь, зная безнадежность сопротивления. Гитлеру капут!

Маттерн рассказал, что из 60 тысяч немецких солдат и офицеров, находившихся в Познани, осталось боеспособных около 12 тысяч. Они сдаются на милость победителя.

В день славного двадцатисемилетия Красной Армии — 23 февраля 1945 года — столица нашей Родины отметила победу наших войск в Познани 20 залпами из 224 орудий.

3

Пока 39-я гвардейская стрелковая дивизия, 29-й гвардейский стрелковый корпус и 91-й стрелковый корпус штурмовали Познань, основные силы 8-й гвардейской и 1-й гвардейской танковой армий, а позже и основные силы 69-й армии, наступая строго на запад, вышли на границу Германии, пересекли ее, устремились в глубь территории противника.

Свершилось! Волна огромной наступательной силы двигалась на запад. Теперь волна докатилась до цитадели фашизма. Наша армия на границе Германии 28 января 1945 года. Бойцы по-своему выразили свое настроение. На пограничных столбах мне довелось видеть надписи: «Вот она, фашистская Германия!»

Чувства эти понятны, очевидно еще было невозможно разделить в сознании солдата страну, народ и фашизм во главе с Гитлером. Слишком была свежа память о злодеяниях захватчиков на нашей и на польской земле. Вчитываясь в этого рода надписи, я вспомнил и Майданек... Вспоминал и свои опасения, что на немецкой земле могут выплеснуться ярость и гнев русского человека.

Политработники армии были уже давно нацелены на то, чтобы правильно осознать минуту, предотвратить всякую попытку к каким-либо эксцессам.

Политорганы Красной Армии проявляли серьезную озабоченность этой проблемой. 9 февраля в редакционной статье «Красная звезда» писала: «Око — за око, зуб — за зуб»,— говорили наши деды... Конечно, мы понимаем эту формулу совсем не так прямолинейно. Нельзя представить себе дела таким образом, что, если, скажем, фашистские двуногие звери позволяли себе публично насиловать наших женщин или заниматься мародерством, то

и мы в отместку им должны делать то же самое. Этого никогда не бывало и быть не может. Наш боец никогда не допустит ничего подобного, хотя руководствоваться здесь он будет отнюдь не жалостью, а только чувством собственного достоинства... Он понимает, что всякое нарушение воинского порядка ослабляет армию-победительницу... Наша месть не слепа, наш гнев не безрассуден...»

Немецкий народ поражением фашизма не обрекался победителями на гибель и уничтожение. В Германию входили победители, но не убийцы! Красная Армия несла на своих победоносных знаменах не только поражение гитлеровскому режиму, но и свободу немецкому народу, одному из великих народов мира.

Переход границы третьего рейха не мог не поднять боевого духа наших войск, не мог не повлиять на их наступательный порыв. Все, от рядового солдата и до генерала, все рвались вперед.

Летчики из авиаразведки рассказывали, что все дороги Германии забиты потоками беженцев, что на железнодорожных путях образовались пробки, кюветы забиты легковыми машинами, что вереницы беженцев втягиваются в Берлин, что их оттуда разбрасывают во все направления, что люди мечутся в панике.

Наши радиоперехватчики иногда давали почитать нам интересные радиопередачи по берлинскому радио. Вспоминается, что в очень кратких сообщениях о положении на фронте берлинское радио так характеризовало тогдашнюю обстановку: «Положение на Восточном фронте невероятно тяжелое...»

Гитлер пытался мистикой усыпить тревогу народа. Вот его фраза из его последнего выступления перед немецким народом 30 января: «Сохранив мне жизнь 20 июля, всевышний показал, что он хочет, чтобы я остался вашим фюрером».

У нас не было никаких сомнений в том, что фюрером ему осталось быть считанные дни...

Ничто уже не помогало... И брошенные, обреченные на гибель гарнизоны в крепостях, и заклинания фюрера, и тайная дипломатия, и политические интриги...

Рассказывая о немецких контрударах в Арденнах и Вогезах, я уже говорил о том, что с Западного фронта были переброшены все задействованные на нем немецкие дивизии, которые еще сохранили в какой-то степени свою

Командующий армией Чуйков В. И. перед офицерами и солдатами накануне форсирования р. Висла.

Все, что осталось от родного дома. Магнушев, август 1944 года.

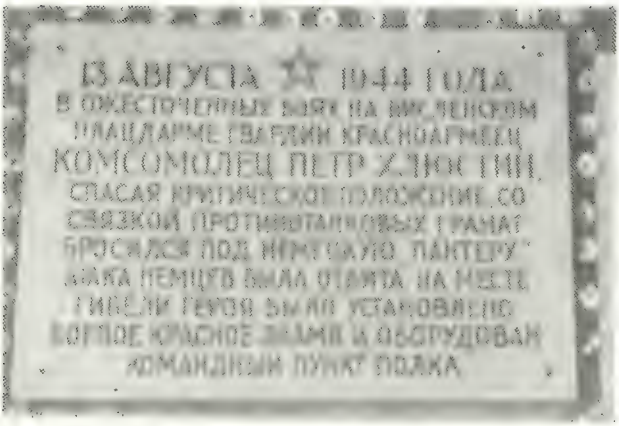
Они шли на Восток завоевывать жизненные пространства... и получили по два метра на вечный покой.

Встреча советских войск жителями г. Познань. 1945 г.

Зенитные батареи в районе р. Висла.

Висла. После пыльных дорог.

На Висле.



Вручение гвардейского знамени.

Выступает член Военного совета фронта генерал Телегин К. Ф.

Командующий 8-й гвардейской армией генерал-полковник Чуйков В. И.

Среди бойцов армии — лектор музея Н. Островского.

Принимают бойцов в комсомол.

Польские жители «отдают должное» портрету Гитлера. Познань. 1945 г.

Польский генерал Роля Жимерский.

г. Познань.
1945 г.

Польские войска входят в г. Гнезно.

Срочное донесение принимает командарм Чуйков В. И.

На дорогах наша пехота.

Артиллеристы обедают.

Советская танковая колонна в г. Познани.

Боец-танкист.

На Одерском плацдарме.

Чуйков В. И. на КП армии.

Нам одна дорога — на Берлин!

Маршал Жуков Г. К. на КП 8-й гвардейской армии.

Водолаз проверяет берега р. Одер для строительства переправы.

Саперы за работой

Бои в г. Шверин.

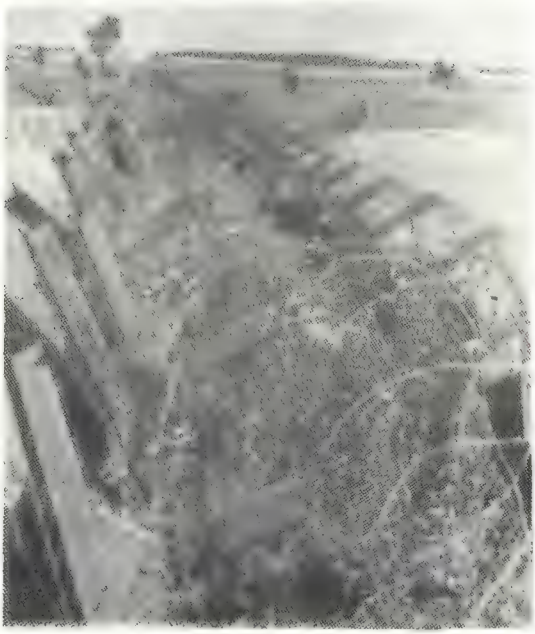
Пригород Берлина. Пехота при поддержке танков ведет бой.

Цитадель. У южного входа.

Бронепоезд, подбитый нашей артиллерией южнее г. Зеелов.

ДОТ 720.

Фашистская оборона. Противотанковый ров перед Мезеритцким укрепленным районом.



Противотанковый ров и «зубы дракона» перед дотами. Мезеритцкий У. Р.

На Берлин!

Так фашисты уходили из Берлина.

Тяжелая артиллерия ведет огонь по дотам врага.

Пленные солдаты.

Подбитое орудие.

В День Победы.

На улицах Берлина.

Жители читают приказ коменданта Берлина.

Население города вышло очищать улицы.

В День Победы у поверженного рейхстага. (Фото Г. Самсонова.)

Пленные фашисты бредут через Бранденбургские ворота. (Фото В. Темина.)

Раненым немцам оказывают медицинскую помощь.

Генерал Вейдлинг — комендант Берлина со своим штабом в момент капитуляции.

Генерал Кребс у КП 8-й гв. армии.

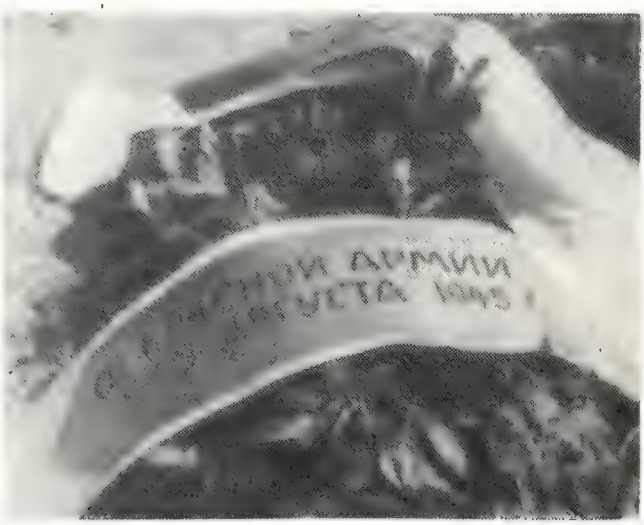
Давай закурим!

На улицах Берлина.

Подписание капитуляции. (Фото В. Темина).

Командарм Чуйков В. И. прибыл на открытие университета в Иене.

На открытии университета. Иена.



Цветы на могилу Гете и Шиллера.

Командарм Чуйков В. И. у оперативной карты.

боеспособность. По существу — Западный фронт был открыт...

В то время начальником генерального штаба сухопутных войск Германии был Гейнц Гудериан. С его именем неразрывно связана история гитлеровской армии. Он был одним из первых в Германии, кто оценил значение танковых войск в тридцатых и сороковых годах. Он шел впереди Гитлера во главе танковой дивизии в Вену, он сжимал стальные клещи вокруг Дюнкерка, он ворвался во главе бронированных чудовищ на нашу землю, его наступление и его карьера закончилась после провала наступления под Москвой... На посту начальника генерального штаба перебывали многие генералы... Ни один из них не изменил хода войны. Гитлер вспомнил о Гудериане и ставит его на один из самых высших армейских постов.

В послевоенные годы Гудериан имел возможность обдумать свершившиеся события. Он отчетливо видел, что происходило в последние дни войны. В своей книге «Воспоминания солдата» он пишет:

«23 января мне представился новый связной от министерства иностранных дел, посланник доктор Пауль Барандон... Господин доктор Барандон получил от меня неприкрашенную информацию и оценку тяжелого положения на фронте. Мы совместно обсудили вопросы, касающиеся возможностей оказания помощи со стороны министерства иностранных дел, время для которой, по нашему общему мнению, уже наступило. Мы хотели добиться, чтобы дипломатические отношения с теми немногими государствами, с которыми они поддерживались нашим министерством иностранных дел, были использованы для заключения хотя бы одностороннего перемирия. Мы надеялись на то, что западные противники, вероятно, поймут опасность, которая связана с быстрым продвижением русских к границам Германии... и склонятся к заключению перемирия или хотя бы к безмолвному соглашению, которое позволило бы ценой уступки западных районов использовать все остатки наших сил для обороны на Восточном фронте...

...Мы договорились, что господин доктор Барандон добьется, чтобы министр иностранных дел фон Риббентроп принял меня для конфиденциальной беседы... Беседа была назначена на 25 января».

И уже не «выпрямление линии фронта», не «эластич-

ная оборона», не «стратегическое отступление». Эти термины исчезают из лексикона Гейнца Гудериана. На этот раз он пишет с солдатской прямотой: «...катастрофа на фронтах надвигалась с быстротой лавины. В Силезии противник продвинулся до Гливице. Между Кожде и Бжег, а также между Дихернфуртом (Бжег Дольны) и Глогау он явно готовится к форсированию Одера. По Бреслау противник наносил фронтальные удары. После окружения Познани, русские, не задерживаясь у этой крепости, начали наступать на дугу Одер, Варта, защищенную Зененскими укреплениями (Одерский четырехугольник или Мезеритцкий УР)... На участке Шнейдемюль русские сосредоточивали крупные силы, чтобы атаковать с тыла наши оборонительные позиции, расположенные вдоль реки Вислы... 20 января противник вступил на территорию Германии. Встал вопрос о жизни или смерти нашей страны...

25 января я встретился с министром иностранных дел империи... Здесь господин Риббентроп узнал горькую правду. Он, видимо, не считал обстановку настолько серьезной, и когда я подробно ему обо всем рассказал, был сильно потрясен и спросил у меня, соответствует ли истине все то, что я ему сообщил... Сделав обстоятельное сообщение об обстановке на фронте, я спросил у руководителя рейха по внешнеполитическим вопросам, готов ли он пойти вместе со мной к Гитлеру, чтобы предложить ему действовать в направлении заключения хотя бы одностороннего перемирия. По моему мнению, речь должна идти, в первую очередь, о западных державах... Я снова поставил перед фон Риббентропом вопрос, пойдет ли он со мной к Гитлеру или нет, но министр не мог дать положительного ответа. Единственными словами, которые он произнес при прощании со мной, были: «Все останется между нами, не правда ли?» Я дал обещание».

Гудериан пытается убедить читателя, что Гитлер и его ближайшие помощники — Гиммлер и Йодль — не могли разобраться в обстановке и принять правильное решение. Он идет на поводу у моды и пытается свалить всю вину за поражение Германии на Гитлера, а себя поставить надо всеми, дескать, только он мог вывести Германию из катастрофического положения. Спасения для гитлеровского рейха уже не было. Никто — ни Гитлер, ни Риббентроп, ни Гудериан не могли предотвратить крах преступного режима.

Генерал Гудериан пишет: «...я предложил Гитлеру создать новую группу армий, в районе между бывшей группой армий «А», которая с 25 января стала называться «Центром», и бывшей группой армий «Центр», которая называлась теперь «Севером». Эта группа армий в этом районе должна была заново организовать оборону и приостановить наступление противника».

Командующим этой новой группой «Висла» был назначен Гитлером глава гестапо, рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, начальником штаба назначался бригаденфюрер СС Ламмердингер. Все! Профессиональные военные из доверия вышли. Гитлер надеялся, что дело поправят профессиональные палачи. Действительно, едва ли бы нашелся в Германии такой генерал, который мог бы остановить наступление наших войск с Вислы на Одер в январе 1945 года. Войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов наголову разбили немецкие войска на реке Висла. Все резервы, которые бросались гитлеровским командованием против наших наступающих войск, сокрушались во встречных боях и сражениях.

Обратимся далее к свидетельствам Гудериана: «К 27 января наступление русских достигло невиданных темпов. Все быстрее и быстрее приближался день катастрофы. Юго-западнее Будапешта русские перешли в контрнаступление... Обстановка в Верхнесилезском промышленном районе стала еще напряженнее... Особенно опасной складывалась обстановка в районе Варта и Восточной Пруссии... ...Познань была окружена... Они овладели Накло, Быдгощь... Западнее Вислы продолжались атаки на Свеце... В Мальбарк шли бои за великолепную старинную крепость Орденсбург... Гиммлер перевел свой штаб из Орденсбурга в Крессинзее, не спросив разрешения у Главного командования сухопутных войск, он отдал приказ об оставлении Торунь, Хелмно и Квидзень. И на это Гитлер ответил молчанием. В этот день я отдал распоряжение о переброске призывников 1928 года рождения из восточных военных округов в западные, чтобы избежать использования этих необученных шестнадцатилетних юнцов в бою...»

Я не могу сказать, что в Мезеритцком укрепленном районе было очень много войск противника. Но все же в полосе наступления частей 8-й гвардейской армии было только убитых не менее 15 тысяч гитлеровцев, да еще около 20 тысяч немцев были взяты в плен, в том числе

генерал-лейтенант Любе. Гудериан не говорит о демора-лизации немецко-фашистских войск, которая охватила их по мере приближения советских войск к Одеру, к Берлину...

4

Теперь по немецким источникам установлено, что только в феврале на усиление войск Берлинского направления противник направил из резерва верховного главнокомандования вооруженных сил, главного командования сухопутных войск, с Западного фронта, некоторых участков советско-германского фронта большое число различных формирований и 18 дивизий, в том числе три танковые и моторизованные. Что же происходило в это время на участке фронта, где действовали 8-я гвардейская и ее ближайшие соседи справа и слева?

Бои за Познань лишь отчасти задержали, притормозили наше движение вперед. Главная беда была в снабжении.

Были времена: нам недоставало танков, самолетов, малой была насыщенность артиллерийскими стволами, не хватало боеприпасов, не успевала наша промышленность обеспечить ими фронт. Но все это преодолено нашим рабочим классом. Мы получили в достаточном количестве и танки, и боевые самолеты, и стрелковое оружие, и боеприпасы. Колхозное крестьянство все сделало, чтобы снабдить свою армию продовольствием. Но вот с автотранспортом вопрос так и не был решен до конца.

Героические усилия прилагали наши советские железнодорожники, чтобы наладить бесперебойное снабжение фронта. Масштабы перевозок военных грузов были грандиозны. Когда мне приходилось встречать человека в железнодорожной форме, я смотрел на него как на солдата-фронтовика, как на бойца с передовой.

Вторая мировая война, как ни одна из войн во всех операциях стояла в сильнейшей зависимости от снабжения, от служб тыла. В первую мировую войну на интендантские службы фронтовики смотрели с иронией. К сожалению, в первые годы и Великой Отечественной войны некоторые наши военачальники пренебрегали службой тыла и бытовало мнение, что вся тяжесть войны ложится на плечи фронтовика. Никто не собирается

приуменьшать тяжести, ложившейся на фронтовика, никто не собирается принижать роль бойца, который вставал и шел на укрепления врага под огнем артиллерии, под авиабомбами, под пулеметным и ружейным огнем. Фронтовики несли главные потери. Но потери в действующих частях были тем меньше, чем налаженнее работало снабжение. К концу войны мы вошли в полосы мощнейших фортификационных сооружений. Только мощнейшая артиллерия могла принести нам победу, только взаимодействие пехоты и брони могло подавить огневую завесу врага.

Логика военных действий беспощадна, она не принимает никаких оправданий, никаких уважительных причин, если в бою служба тыла не сумела обеспечить бойца всем необходимым.

Мы можем найти множество объективных объяснений тому, что у стен Познани мы не смогли сосредоточить артиллерию такой мощности, чтобы в порошок стереть укрепления врага. Факт, однако, останется фактом. Штурм Познани затянулся на месяц, вместо нескольких дней, как это пыталось спланировать командование фронта.

Служба тыла 1-го Белорусского фронта была всего лишь службой тыла и действовала соответственно установкам Военного совета фронта. Январская наступательная операция, как мы уже знаем, планировалась штабом фронта на 10—12 дней, с глубиной значительно меньшей, чем получилось на деле.

Переориентировать службу тыла на более ускоренное продвижение войск и на более глубокое — дело не простое. Здесь устных или письменных указаний, настойчивости командующего фронтом недостаточно. В течение нескольких дней значительно против расчетного удлинилось плечо снабжения войск. Автотранспорт удлинил пробег. Время пробега помножалось на возросший расход горючего. Из ста машин, по мановению волшебной палочки, не сделаешь триста. Их нужно иметь, на них нужно посадить шофера, их нужно поддерживать в технической исправности. Это ремонтные мастерские, целые ремонтные заводы. Словом, фронт, бой на фронте, требовал неукоснительного выполнения обязательств снабженцами, и иная ошибка, неточность могли стоить жизни тысячам и тысячам солдат...

Должен отметить, что на втором периоде войны взгля-

ды на службы тыла у фронтовиков переменились. Военачальники почувствовали значение тыловой службы, вопросы снабжения стали органично входить в оперативные замыслы, увязываться с ними. Научились к тому времени работать и работники тыла.

Словом, наступление требовало, невзирая ни на что — ни на лица, ни на звания, ни на обстоятельства... Но чем ближе мы продвигались к Одеру, чем глубже проникали в сердце Германии, тем сложнее и сложнее становилось со снабжением.

Взять хотя бы и проблему железнодорожных путей сообщения. Отсутствие единой колеи на первом этапе нашего продвижения в Германии не могло не сказаться отрицательно на снабжении войск. Ошибка была исправлена, но время потеряно.

Свидетельствую, что работники фронтового и армейских тылов прилагали поистине колоссальные усилия, чтобы обеспечить наступающие войска, но все же включиться в ускоренный темп наступления не могли.

Особенно начали отставать средства усиления — артиллерия, инженерные части, авиация.

На наши плечи пала еще одна немалая забота — сохранение имущества, взятого в боях. Я говорю о том имуществе, которое немецкие захватчики увезли из Советского Союза и теперь бросали где попало по дорогам отступления. Это было народное добро, его требовалось собрать и сохранить. Глаза хозяйственников загорались при виде трофейных складов с фуражом, обмундированием и другими вещами.

Чтобы освободить весь транспорт от ненужного груза и тем самым усилить подвоз горючего и боеприпасов, Военному совету армии пришлось принять решительные меры. На переправах через Варту поставили заградительные отряды. Они осматривали все машины, идущие как на фронт, так и с фронта, пропускали только те грузы, которые были необходимы для боевых действий войск. Все остальное выгружалось и складывалось тут же, у переправы.

Ради экономии бензина половина автомашин, возвращающихся с фронта порожняком, транспортировалась на прицепах. Все трофейное горючее бралось на учет и расходовалось под строгим контролем. Спирт, захваченный нами, смешивался с другими компонентами и использовался как горючее. Мы собирали трофейные ору-

дия и снаряды и все годное, исправное пускали для борьбы с противником.

Чувствовалось, что созревают новые и ответственные решения. Уже был приказ Г. К. Жукова, в котором назывался Берлин. Теперь в кратких приказах фронта Берлин как бы обкладывался со всех сторон, появились ориентировочные пункты для наступления войск возле Берлина, намечались разграничительные линии между армиями западнее Одера, до самого Берлина. По этим отрывочным приказам мы могли догадываться, что высшими штабами уже разрабатывается вопрос о взятии фашистской столицы.

Предвидя дальнейшие события, мы заботились о том, чтобы не снижать темпов наступления. Главное — преодолеть укрепленный район перед Одером, а затем форсировать реку. Вот почему, когда в Познани еще шли жаркие бои, я принял решение переместить штаб армии в Пневы, поближе к наступающим войскам.

Командиры знают, как подстегивает ощущение, что штаб наступает тебе на пятки. Поневоле стараешься быстрее двигаться вперед...

28—29 января к Обра подошли четыре дивизии 8-й гвардейской армии и два корпуса 1-й гвардейской танковой армии. По данным разведки, мы представляли себе, какая трудная задача нам предстоит, откровенно признаюсь — было страшно бросать против могучих укреплений наши соединения. К тому же у нас иссякал запас снарядов. Ждать, когда подойдут остальные войска и подвезут боеприпасы, было нельзя. Потерять время — значило обречь себя на неудачу. Проанализировав обстановку, взвесив все «за» и «против», я решил с ходу атаковать Мезеритцкий укрепленный район. Также решил командарм 1-й гвардейской танковой армией М. Е. Катуков.

Несмотря на то что в те дни шли горячие бои за Познань, мне удалось дважды побывать в 35-й гвардейской стрелковой дивизии 4-го гвардейского стрелкового корпуса, которая наступала в первом эшелоне. Командир дивизии полковник Н. П. Григорьев — смелый и решительный человек. Я его знал с 1939 года. Он правильно организовал разведку, скрытую и тщательную, чтобы найти стыки и промежутки между опорными пунктами и районами обороны. Разведчики захватили несколько пленных. От них удалось узнать кое-какие данные о рас-

положении вражеских железобетонных огневых точек.

Рано утром 30 января, после короткого артиллерийского налета, части 4-го гвардейского стрелкового корпуса двинулись в атаку. Головная 35-я гвардейская стрелковая дивизия вскоре ворвалась в центр укрепленного района и захватила плацдарм на западном берегу реки, что облегчило действия других соединений. В этом бою полковник Григорьев был ранен, его эвакуировали в госпиталь.

Успех боя решила разумная инициатива офицеров и бойцов. В полосе наступления 35-й гвардейской стрелковой дивизии нужно было выбить противника с господствующей высоты. Командир батальона капитан Логвиненко тщательно подготовил людей к решительному броску. Штурм начался с короткой артиллерийской подготовки. Всего несколько минут били наши орудия, но успели сделать многое, так как огонь вели прямой наводкой, меткий и сокрушительный. Артиллеристы целились в амбразуры дотов и разведанные траншеи. Сразу же после огневого налета в атаку пошли пехотинцы. Саперы несли взрывчатку.

Первыми ворвались на высоту братья гвардии рядовые Александр и Михаил Сильченко. Александр в упор застрелил двух пулеметчиков, а нескольких автоматчиков прикончил штыком. Не отставал от него и Михаил. Пока пехотинцы дрались в траншее, саперы подобрались к дотам, заложили взрывчатку. Прогремели взрывы — и вражеские огневые точки замолкли. Высота была в наших руках. Батальон прочно закрепился на ней, обеспечивая дальнейшее наступление частей своей дивизии. В этот прорыв устремились части дивизии, а затем всего корпуса, обходя и атакуя с тыла вражеские укрепления. На участке южнее прорвались части 1-й гвардейской танковой армии, что еще больше усилило наш удар по противнику. Чувствовалось, что противник не ожидал такого быстрого подхода к укреплениям и особенно нашей атаки с ходу. Это нас выручало.

Разведка сообщила, что противник спешно перебрасывает через Франкфурт-на-Одере свежие дивизии. И действительно, к утру 31 января одна из дивизий вышла на реку Одер через Франкфурт-на-Одере, где уже находились наши части. Завязался встречный бой в полосе между рекой Одер и Мезеритцким укрепленным районом, который еще неполностью был в наших руках.

Мы не имели подробных данных о расположении долговременных оборонительных сооружений противника, поэтому уже в ходе встречного боя с подходившими вражескими частями вынуждены были искать обходы и промежутки между укреплениями. К нашему счастью, прибывшие сюда гитлеровцы свежей, полностью укомплектованной дивизии тоже, по-видимому, плохо знали расположение своих укреплений и поэтому не смогли использовать полностью мощь своего огня и выгоды позиций, дрались не особенно искусно, хотя и упорно. Если бы командование немецкой дивизии лучше знало оборонительный рубеж и имело хотя бы двое суток, чтобы разобраться в обстановке и организовать систему огня и взаимодействие, то трудно сказать, как обернулось бы для нас дело. Пожалуй, пришлось бы вести длительные бои и нести большие потери. Противник был застигнут врасплох. Надо сказать, что и погода в какой-то мере благоприятствовала нам. Было пасмурно, видимость плохая, и гитлеровцы, находившиеся в дотах, подчас не могли разобрать, где свои, а где чужие.

В этом встречном бою в укрепленном районе противника с его подошедшими свежими частями особенно ярко проявилась оперативно-тактическая зрелость наших командиров и штабов всех степеней. Умелая организация взаимодействия всех родов войск, охваты, обходы и удары с флангов и тыла колонн и боевых порядков противника... Немецкая дивизия таяла на глазах.

31 января за один день наши войска почти полностью преодолели укрепленный район и разгромили свежую пятнадцатитысячную дивизию генерала Любе. До Одера оставалось всего 40 километров, а до Берлина — около 100. На карту заглядывали не только командиры, но и бойцы. «Солдатский вестник» отсчитывал с предельной точностью километры до вражеской столицы.

Соседи наши тоже действовали успешно. Справа 5-я ударная армия значительно продвинулась вперед и вела наступление в общем направлении на Кюстрин. Слева 1-я гвардейская танковая армия овладела городом Мендзыжеч и шла на одной линии с нами. Фронт трех армий выровнялся. Жить с обеспеченными флангами стало веселее. И, несмотря на усталость, 1 февраля с раннего утра наши войска снова пошли вперед.

Местность здесь густо покрыта лесами. Оборонявшемуся противнику было легко укрыться, замаскироваться

и наносить внезапные удары. Прочесывать леса у нас не хватало сил и времени. Надо сказать, что лесные массивы так и притягивали к себе немецких солдат. Им, чудом оставшимся в живых на Днепре, Буге и Висле и теперь оторвавшимся от своих разбитых частей, вовсе не хотелось снова попадать под власть нацистских офицеров и ходить в контратаки до тех пор, пока не убьют. Сдаваться советским войскам в плен они тоже не решались: геббельсовская пропаганда крепко вбила в голову всякие небылицы о «зверствах русских». Так, в лесах перед Одером и скрывались десятки тысяч немцев, выжидавших развития событий.

Что делать с ними? Оставлять такую массу немецких солдат у себя в тылу мы опасались: а вдруг фашистские офицеры сумеют собрать их и снова повести в бой?

И тут нам опять пригодился опыт боев в Сталинграде. В леса пошли мелкие штурмовые группы. Как и в уличных боях, они действовали самостоятельно. Моральный дух противника был уже не тот, что три года назад, они видели безнадежность своего положения, они видели, что своим командованием они обречены на смерть. Теперь немецкие солдаты не кричали «Хайль, Гитлер!», а чаще твердили «Гитлер капут». Наши штурмовые группы смело шли по просекам и тропам. Завидя их, немецкие солдаты выходили из своих укрытий, бросали оружие и сдавались в плен. Пленных комплектовали большими «пачками» по полтораста-двести человек. Конвой выделялся маленький, можно сказать, символический — четыре-пять бойцов на колонну. Мы шутили, что это не охрана, а скорее проводники — показывают дорогу, чтобы немцы вновь не заблудились. Идет такая колонна, а за ней следят сотни глаз прячущихся немецких солдат. Видят, что пленных никто не бьет, что шагают они бодрые, даже веселые,— и сами выходят на дорогу с поднятыми руками. Чаще всего «добровольцы» присоединялись на привалах. Поэтому конвой не только не терял пленных по пути, а, наоборот, приводил на место вдвое, втрое больше.

Правда, бывали случаи, когда штурмовым группам приходилось вести бой с немецкими солдатами, пытающимися объединиться и организованно вырваться из леса к магистральным дорогам. Тогда гвардейцы, подобно следопытам, выслеживали их центр, отрезали пути отхода, рассеивали образовавшиеся отряды и вынуждали сдаваться в плен.

Наши войска неудержимо двигались вперед. На правом фланге армии, на фронте 4-го гвардейского стрелкового корпуса, противник фактически сопротивления не оказывал: он отходил за Одер, бросал артиллерию и боеприпасы. 28-му гвардейскому стрелковому корпусу пришлось вести бои со свежими частями, подошедшими с запада. Здесь продвижение было медленнее.

Наши войска вошли в город Слоньск (Зонненбург). На его окраине стояла тюрьма, превращенная гитлеровцами в лагерь смерти. Здесь не было «бань» и печей. Обходились без техники. Арестованных отвозили в лес, заставляли рыть себе могилы. После этого расстреливали прямо на краю ямы. Похоронные команды, составленные из заключенных, закапывали мертвых, в итоге их ждала та же участь. Здесь наши войска в составе одной из похоронных команд освободили советского писателя Степана Злобина... Наше наступление помешало гитлеровцам вывезти в лес оставшихся заключенных. Тогда фашистские палачи вывели около трех тысяч человек на тюремный двор и здесь расстреляли.

Было страшно смотреть на груды еще не остывших тел. Старики и дети, мужчины и женщины... Каким-то чудом уцелели четыре человека, из них одна женщина. Они и рассказали нам о страшной трагедии. У меня сохранился фотоснимок тюремного двора, заваленного трупами. Глядишь на него и не перестаешь поражаться: до какой же степени морального падения докатились гитлеровские изверги...

Мы приближались к Одеру. Это большая река. Начало свое она берет в Чехословакии. Тянется с юга на север 725 километров. От города Ратибор до моря судоходна и служит важной транспортной артерией. Зимой замерзает всего на 1—2 месяца.

Ширина реки в среднем течении — от города Оппельн до Кюстрина — колеблется от 100 до 225 метров, а глубина — не менее 2 метров. Ниже по течению, когда в Одер вливаются реки Нетце и Варта, он расширяется до 300 метров при средней глубине 3 метра, а в половодье глубина достигает 8 метров.

Одер — преграда серьезная. Естественно, что фашистское командование придавало этому рубежу огромное значение.

У слияния Одера и его притока Варты находился крупнейший в Восточной Германии укрепленный район

с крепостью Кюстрин. Здесь через обе реки перекинуто несколько мостов, сюда сходятся крупнейшие железнодорожные и автомобильные магистрали. Крепость Кюстрин запирала прямые пути к Берлину, поэтому ее справедливо называли «воротами» германской столицы.

Вторым укрепленным районом на Одере был Бреслау, или Бреславль, по-древнеславянски — Братислав. Это старая крепость, игравшая важную роль в австро-прусских и наполеоновских войнах. Приступая к разбойничьим войнам на востоке, кайзеровская, а затем фашистская Германия модернизировала старые укрепления и создала ряд новых. Бреславльский укрепленный район преграждал путь к Праге и к основным центрам Саксонии — Дрездену и Лейпцигу.

Между Бреславльским и Кюстринским укрепленными районами находилась крепость Глогау, занимавшая командное положение над окружающей равниной. Следовало ожидать, что за нее противник будет отчаянно цепляться.

Город Франкфурт-на-Одере фашисты тоже превратили в сильно укрепленный район. Причем ему гитлеровский генеральный штаб придавал особое значение, считая его вторыми «воротами» Берлина.

Вплотную к Одеру войска 8-й гвардейской армии подошли 1 февраля 1945 года. Не дожидаясь прибытия средств усиления, я приказал 4-му гвардейскому стрелковому корпусу с ходу форсировать реку, чтобы к вечеру 2 февраля, овладев плацдармом на западном берегу, занять южные пригороды Кюстрина — Киц, Маншнов, Ратшток.

28-й гвардейский стрелковый корпус получил задачу форсировать Одер и овладеть плацдармом на участке Хатенов, Подельциг, Клессин. Левее 1-я гвардейская танковая армия также вышла к реке, но, не имея переправочных средств, остановилась. Правее 5-я ударная армия 1 февраля приступила к форсированию реки на подручных средствах.

Участки форсирования требовалось прикрыть с воздуха. По моей просьбе командующий фронтом придал мне 16-ю зенитно-артиллерийскую дивизию, которой командовал генерал И. М. Середин. Она должна была прибыть на переправы к рассвету. Но зенитчики опоздали более чем на сутки из-за отсутствия горючего.

В 10 часов утра 2 февраля я находился на наблюда-

тельном пункте командира 4-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-лейтенанта Глазунова в развалинах форта у поселка Жабице, что южнее Кюстрина. Войска корпуса уже развернулись на дамбе между Кюстриным и Гужицей, готовясь к переправе. В стереотрубу я посмотрел на Одер. Большая, закованная в дамбы река. Наши гвардейцы сосредоточились на восточном берегу. Ответственный и трудный час! Лед был настолько непрочен, что даже пехота, не говоря уже о технике, не могла без риска выходить на него. Табельных переправочных средств у нас не было. И все же гвардейцы под прикрытием артиллерийского огня начали перебираться на западный берег. Они несли с собой жерди, доски, охапки хвороста. На ходу строили настилы, переходные мостики. Кое-где удалось переправить противотанковые орудия. Их перекатывали вручную по льду, поставив колеса на самодельные лыжи.

К сожалению, переправа продолжалась недолго. Над головой гвардейцев появились немецкие истребители «фокке-вульф». Девятками и семерками на небольшой высоте налетали они на переправу, бомбили, строчили из пулеметов. Как нужны были сейчас зенитчики дивизии генерала Середина! Но их не было, не было и наших истребителей: они перебазировались на новые аэродромы, ближе к Одеру, и им тоже не хватало горючего. А вражеские летчики буквально издевались над нами, летая так низко, что нашим бойцам казалось: вот-вот воздушный винт самолета коснется головы. В борьбу вступили роты противотанковых ружей и пулеметчики. Сколько пробоин они сделали — неизвестно, но два «фокке-вульфа» загорелись на моих глазах и упали на занятой нами территории. Летчик, захваченный в плен нашими бойцами, показал, что перед немецкой авиацией была поставлена задача — сорвать переправу русских через Одер.

И надо прямо сказать, что это им удалось. Нам пришлось до наступления темноты прекратить переправу. Ночью возобновили ее. Но переправляться стало еще труднее: и без того непрочный лед был во многих местах разрушен бомбами.

Хотя днем на западный берег перешли лишь немногочисленные подразделения, они все же захватили небольшие плацдармы.

Я уже упоминал, что в Мезеритцком укрепрайоне нами была разгромлена и почти полностью уничтожена

дивизия генерал-лейтенанта Любе. Сам генерал был взят в плен. Его привели ко мне на передовой командный пункт в поселок Тартув, что южнее города Слоньск. Он был ранен в плечо. Я вызвал своего врача, который наложил на рану свежую повязку. За чаем с закуской генерал Любе мне рассказал:

В генеральном штабе в Цоссене ему толком никто обстановку на фронте не дал: по-видимому, сами не знали. Его дивизии, полностью укомплектованной, но слабо обученной, была поставлена задача — занять передний край Мезеритцкого укрепленного района и во взаимодействии с гарнизонами огневых долговременных укреплений оборонять его, не допуская советские войска на реку Одер; принять на себя все отступающие войска от Варшавы, реорганизовать в боевые подразделения и посадить в оборону укрепленного района. Не зная обстановки, рассказывал он, его дивизия через Франкфурт-на-Одере выходила в укрепленный район, но, не доходя до его переднего края, была встречена советскими войсками и наголову разгромлена ими. Если бы дивизия на сутки раньше вышла и заняла оборону, то советские войска не так легко могли бы ее прорвать.

Наши разведчики, переправившись через Одер второго февраля, сумели проникнуть на шоссе Зеелов — Кюстрин и захватить двух офицеров в плен. Эти офицеры работали в гитлеровском генеральном штабе. Их показания подтвердили, что и генеральный штаб сухопутных войск вермахта не знал, какая обстановка на главном Берлинском направлении.

При подходе к Одеру был тяжело ранен командир 79-й гвардейской дивизии Леонид Иванович Вагин. О случившемся мне впоследствии рассказал командир разведроты этой дивизии старший лейтенант Виктор Лисицын.

На подступах к Одеру в лесах еще бродили разрозненные группы немецкой пехоты. Генерал Вагин перемещался на новый наблюдательный пункт. С ним следовала группа офицеров штаба дивизии и приданных частей. Впереди на грузовой машине ехали разведчики. Неожиданно из леса вышли фашисты. Их было много — до батальона. Разведчики первыми открыли огонь по врагу. Генерал, услышав выстрелы, остановил машину и побежал к своим бойцам. Перестрелка разгоралась. Вагин выпустил всю обойму из маузера, стал его перезаряжать,

и в этот момент пулеметная очередь прошила ему грудь.

На поле боя подоспела еще одна группа разведчиков дивизии. Дружный натиск решил дело: гитлеровцы бежали, многие из них попали в плен. Леонида Ивановича в тяжелом состоянии отправили в госпиталь. К счастью, пули миновали сердце, и он остался жив.

К утру 3 февраля наконец-то прибыла зенитно-артиллерийская дивизия. Переправа заработала в ускоренном темпе. На этот раз авиация противника была встречена дружным огнем зенитчиков. Потеряв три машины за один вылет, противник перестал штурмовать наши войска большими группами самолетов. Это дало возможность частям 35, 47 и 79-й гвардейских стрелковых дивизий почти без потерь переправиться на западный берег и перенести туда артиллерийские наблюдательные пункты. Мы постепенно расширяли захваченные плацдармы, объединяя их в один общеармейский. Однако ускорить наступление на запад не могли: основные силы артиллерии и танков оставались на восточном берегу. Для переправы тяжелых орудий и танков требовалось навести мосты или пустить в ход мощные понтонные паромы, которые находились в глубоком тылу фронта, их не подтянули вовремя к переправам через Одер.

В боях за плацдарм наши бойцы и командиры проявили исключительную отвагу и тактическую зрелость.

6-я стрелковая рота 220-го полка 79-й гвардейской стрелковой дивизии в числе первых завязала бой за высоту 81,5 на западном берегу Одера. Командовал ротой сын алтайского охотника гвардии старший лейтенант Афанасий Спиридонович Савельев. Умело расставив силы, он ночью атаковал противника, захватил три дзота и обратил в паническое бегство почти целый батальон гитлеровцев. К утру, когда враг опомнился и перешел в контратаку, Савельев впустил фашистов в лощину и обрушил на них огонь пулеметов из захваченных дзотов. В мечущихся гитлеровцев полетели гранаты. Трижды противник предпринимал контратаки и каждый раз, оставляя на поле боя десятки убитых и раненых, откатывался назад. Лощина, по которой враг рвался к своим дзотам, была усеяна трупами его солдат. Савельева ранило в ногу и в плечо, но он продолжал руководить боем. В медсанбат он ушел лишь после того, как на эти позиции переместился сначала штаб батальона, а затем и КП командира полка.

В роте Савельева, как доложил мне командир полка полковник М. С. Шейкин, отличался сказочной храбростью наводчик станкового пулемета гвардии рядовой Сергей Андреевич Мостовой, бывший колхозник Калачевского района Воронежской области. Когда мне его представили, я не мог им налюбоваться. Ростом великан, в плечах, как говорится, косая сажень. Наверняка потомок тех воронежских богатырей, что носили на себе огромные корабельные сосны и на глазах Петра Первого гнули на своих плечах полозья для саней. В бою за высоту 81,9 Сергей Мостовой все время был рядом с командиром роты. Отражая вражескую контратаку, он израсходовал восемь пулеметных лент. Когда кончились патроны, пустил в дело гранаты. Но вот не стало и гранат, а немцы продолжали наседать. Тогда боец разъединил пулемет, взял в одну руку станок, в другую — лопату и, поднявшись во весь рост, бросился вперед. Раскрутив над головой пулеметный станок, он им разметал себе дорогу среди немецких автоматчиков, а лопатой крошил черепа тем, кто оставался у него под ногами. При виде русского богатыря немцы опешили и покатились обратно в овраг. На краю оврага Мостовой остановился, вытер с лица пот. И тут ему на глаза попался напуганный немецкий ефрейтор. Гвардеец схватил его и зажал под мышкой. «Уходите отсюда прочь, сволочи, а то всем головы снесем!» — крикнул он и с пленным ефрейтором не спеша пошел к своему командиру.

В тот же день Афанасий Савельев и Сергей Мостовой были представлены к званию Героя Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР присвоил им это высокое звание.

Недавно мне стало известно, что кавалер Золотой Звезды Сергей Андреевич Мостовой выращивает на воронежской земле хорошие урожаи, а Афанасий Спиридонович Савельев после войны вернулся к себе на Алтай, и, вероятно, продолжает дело отца — там еще много работы по освоению этого края, богатого хлебом, лесом, пушным зверем и природными залежами.

Одной из ключевых позиций в обороне противника на плацдарме был поселок Хатенов. С островерхими черепичными крышами, каменными домами и кирпичными заборами — он напоминал небольшую крепость. В стенах домов и в заборах гитлеровцы устроили амбразуры. Мы не хотели наносить лобовой удар по поселку. Это озна-

чало бы пойти на кровопролитные бои, а нам нельзя было терять ни времени, ни тем более людей, которые прошли славный победный путь от Волги до Одера и которым, судя по всему, предстояло штурмовать логово фашистов — Берлин.

Овладеть Хатеновым было поручено полку Семикова.

Подполковника Александра Ивановича Семикова я хорошо знал по битве на Волге. Он был тогда офицером оперативного отдела штаба армии. Впервые мы с ним встретились во время боев в излучине Дона. Он подобрал меня у разбитого самолета ПО-2. Теперь Семиков командовал полком. Он хорошо знал тактику уличных боев. И все же я подумал: не переоценил ли подполковник свои возможности, взявшись одним полком штурмовать укрепленный поселок с сильным гарнизоном.

Но нет, Семиков отлично справился с задачей. Едва занялся рассвет, как на восточной окраине Хатенова, в центре узла обороны противника, выросли косматые столбы дыма. Это саперы Семикова, используя опыт штурмовых групп, провели подземно-минную атаку и подорвали наиболее важные объекты врага. В тот же момент артиллеристы и минометчики открыли огонь, отрезав гитлеровцам пути отхода.

Вначале я даже пожалел, что фашистам некуда отходить: они не стали бы драться так за каждый дом. Но вскоре на наблюдательном пункте заметили, что в центре поселка показались группы вражеских солдат с поднятыми руками. Удар был настолько неожиданным и ошеломляющим, что гитлеровцы быстро прекратили сопротивление.

Командир 2-го стрелкового батальона 172-го стрелкового полка 57-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии капитан Дмитрий Васильевич Осин оказался со своим батальоном в окружении. Связи со штабом полка, который еще находился на восточном берегу Одера, не было. Осин принял смелое решение. Батальон вырывался из окружения не назад, к Одеру, а вперед — на запад. Бросок был настолько дружным и стремительным, что противник не выдержал и начал отступать. За день боя в такой обстановке батальон Осина пленил сорок вражеских солдат и захватил восемь автомашин с грузами.

По представлению Военного совета армии капитану Д. В. Осину было присвоено звание Героя Советского Союза. Его отцу в Куйбышев послали телеграмму: «Спа-

сибо Вам, дорогой Василий Иванович, за воспитание мужественного и волевого сына — офицера Красной Армии».

Мы прочно вцепились в западный берег Одера, плацдарм расширялся.

5

26 января в Ставку Верховного Главнокомандования за подписью командующего 1-м Белорусским фронтом Маршала Советского Союза Г. К. Жукова, члена Военного совета фронта генерал-лейтенанта К. Ф. Телегина и начальника штаба фронта генерал-полковника М. С. Малинина был представлен на утверждение план дальнейших наступательных действий войск 1-го Белорусского фронта.

Этот документ гласит: «Задачей войскам фронта до 30.1.45 ставлю выйти на фронт Вальдау, Прейсс Фридланд, Ратцебур, Циппнов, Фройденфир, Шенланке, Рунау, Гульч, Шарфенорт, Опаленица, Грец, Велихово, Крючево.

Танковыми армиями к этому же времени овладеть районами:

2 гв. ТА — Берлинхен, Ландсберг, Фридеберг;

1 гв. ТА — Мезеритц, Швибус, Тирштигель.

На этом рубеже подтянуть войска (особенно артиллерию), подтянуть тылы, пополнить запасы, привести в порядок материальную часть боевых машин. Развернув 3-ю ударную и 1-ю Польскую армии, с утра 1—2.2.45 продолжать наступление всеми силами фронта с ближайшей задачей с ходу форсировать р. Одер, а в дальнейшем развивать стремительный удар на Берлин, направляя главные усилия в обход Берлина с северо-востока, с севера и северо-запада...»

Так в этом документе формулировались общие задачи фронта. Далее ставились задачи для армий. Касательно 8-й гвардейской армии в этом документе говорится следующее:

«8 гв. армия — наступать в общем направлении Оторово, Кеме, Приттиш, Геритц и овладеть рубежами:

а) в первый день — Гапоже, Каильч, фл. Алгир, фл. Павлувко;

б) в третий день — форсировать р. Обра и овладеть рубежом Требиш, Нойфорверк, Нойдорф;

в) на шестой день — форсировать р. Одер на участке

иск. Кюстрин, фл. Визен и овладеть рубежом иск. Геншмар, Альт-Тухебанд, фл. Вердер, иск. Мальнов.

В дальнейшем развивать удар в направлении Зеелов, Альт-Ландсберг, Вейсензее».

27 января в 17 час. 40 минут Ставка Верховного Главнокомандования утвердила этот план операции. Особо предупреждалось командование 1-го Белорусского фронта, что для надежного обеспечения правого фланга фронта от возможных ударов противника с севера или северо-востока надо иметь за правым флангом фронта в резерве одну армию, усиленную не менее чем танковым корпусом.

28 января Маршал Советского Союза И. С. Конев направил в Ставку Верховного Главнокомандования план операции 1-го Украинского фронта. План предусматривал разгром бреславльской группировки немцев и выход на Эльбу 25—28 февраля, с одновременным ударом по Берлину во взаимодействии с 1-м Белорусским фронтом.

Предложение И. С. Конева было утверждено Ставкой 29 января.

Уточняя план наступления, утвержденного Ставкой, командующий 1-м Белорусским фронтом своим приказом № 00172 от 27 января нацелил армии фронта на дальнейшие активные действия. В приказе говорилось: «По всем признакам противник спешно подводит свои части для занятия обороны на подступах к р. Одер. Если мы захватим западный берег р. Одер, то операция по захвату Берлина будет вполне гарантирована.

Для выполнения этой задачи:

Выделить от каждой армии по одному усиленному стрелковому корпусу... и немедленно выбросить их вперед для подкрепления действий танковых войск по захвату и удержанию рубежа на западном берегу р. Одер».

Этим приказом командующий фронтом утвердил решения командующих 5-й ударной и 8-й гвардейской армий направить главные силы армий на запад для захвата Мезеритцкого укрепленного района и плацдармов на западном берегу Одера, несмотря на то, что в тылу оставались крупные гарнизоны противника в крепостях Шнайдемюль (Пилау) и Познань.

Приказом № 00184 от 28 января командующий фронтом более определенно ориентировал армии на дальнейшее наступление на запад от Одера: 5-й ударной — на Бернау, что севернее Берлина; 8-й гвардейской — на

Букков, Альт-Ландсберг, Вейсензее; 69-й — на Франкфурт, Бюссен, Херфельде, то есть все три армии на Берлин или в обход его.

Перечисленные общевойсковые, а также 1-я и 2-я гвардейские танковые армии с успехом выполнили ближайшую задачу фронта. Они прорвали Мезеритцкий укрепленный район и, форсировав Одер, захватили плацдармы и вели бои за их расширение: 5-я ударная армия — севернее Кюстрина, 8-я гвардейская — южнее, 69-я армия вела бои за Франкфурт. Южнее Франкфурта 33-я армия также захватила плацдарм на западном берегу Одера.

4 февраля мы получили директиву фронта, в которой уже намечались сроки наступления. Директива была подписана Г. К. Жуковым, К. Ф. Телегиным и М. С. Малининым.

«1. Противник перед фронтом 1-го Белорусского фронта каких-либо контрударных группировок пока не имеет. Противник не имеет и сплошного фронта обороны. Он сейчас прикрывает отдельные направления, на ряде участков пытается задачу обороны решить активными действиями.

Мы имеем предварительные данные о том, что противник снял с Западного фронта четыре танковые дивизии и до пяти-шести пехотных дивизий и эти снятые части перебрасываются на Восточный фронт.

Одновременно с переброской частей из Прибалтики и восточно-прусского района, видимо, противник в ближайшие 7—8 дней проводимые из Прибалтики и Восточной Пруссии войска будет сосредоточивать на линии Шведт-Нойштеттин с тем, чтобы прикрыть Померанию, усилить оборону Штеттина и не допускать нашего выхода к бухте Померанской. Группу войск, перебрасываемую с запада, противник, видимо, сосредоточивает в районе Берлина с задачей обороны подступов к Берлину.

2. Задача войск фронта — в ближайшие 6 дней активными действиями закрепить достигнутый успех, подтянуть все отставшее, пополнить запасы до двух заправок горючего, до двух боевых комплектов и стремительным броском 15—16 февраля 1945 года взять Берлин.

При закреплении успеха, то есть с 4 по 8 февраля, необходимо:

а) 5, 8, 69, 33-й армиям захватить плацдармы на западном берегу р. Одера. При этом желательно 8-й гвардейской и 69-й армиям иметь один общий плацдарм

между Кюстриным и Франкфуртом. Если удастся, хорошо бы соединить плацдармы 5-й и 8-й армий;

б) 1-й армии Войска Польского, 47, 61, 2-й танковой армиям и 2-му кавкорпусу необходимо отбросить противника за линию Ратцебург — Фалькенбург — Штаргард — Альтдам — р. Одер. После чего, оставив заслон до подхода армий 2-го Белорусского фронта, перегруппироваться на р. Одер для прорыва;

в) 7—8 февраля необходимо закончить ликвидацию Познань — Шнайдемюльской группы противника;

г) средства усиления для прорыва в основном остаются те же, что имеют сейчас армии;

д) танковым войскам и самоходной артиллерии к 10 февраля закончить текущий и средний ремонт и поставить материальную часть в строй;

е) авиации закончить развертывание, имея 6 заправок на аэродромах;

ж) тылу фронта, армейскому и войсковому тылу к 9—10 февраля иметь полную готовность к решающему этапу операции».

Посмотрим, что в это время происходило в стане нашего противника.

Гудериан пишет, что ему удалось уговорить Гитлера нанести удар из Померании, из районов Пыжище и Хощно на юг. «Этим ударом, говорит Гудериан, я надеялся усилить оборону столицы рейха и вообще оборону территории страны и выиграть время, необходимое для ведения переговоров о перемирии с западными державами». История, конечно, не новая... «Секретное оружие» приберегалось как пропагандистская уловка для народа и армии. Спасение — в судорожных попытках найти примирение с англо-американскими союзниками.

У меня в руках побывали интересные документы, относящиеся к тайной деятельности фашистской агентуры. Она имела довольно дальний прицел. В 1943 году, сразу же после поражения под Сталинградом, гитлеровская дипломатия начала окольными путями зондаж своих противников на Западе.

В данном случае адвокатом гитлеровцев выступил их старый приятель испанский диктатор — фашист Франко. Он обратился с письмом к английскому послу в Мадриде Самуэлю Гоуэру, в котором писал: «Если не изменит-

ся в корне ход войны, то русские армии проникнут в глубь территории Германии. Разве такие события, если они произойдут, не являются угрозой для Европы, особенно Англии?» Далее, пугая жупелем «коммунистической угрозы», Франко заклинает «тщательно взвесить положение»: «обстановка чрезвычайно серьезна», ибо в случае поражения гитлеровской Германии в Европе не останется силы, которая могла бы «остановить дальнейшее продвижение Советов».

Мы помним и другие, более ранние попытки шантажа со стороны гитлеровской дипломатии. Поэтому нас не удивляет «активность» испанского диктатора, поставленного у власти штыками немецких и итальянских фашистов. Об опасности для Европы в случае поражения Гитлера мы до этого слышали из уст Геббельса. Удивляет здесь другое, а именно, что Гоуэр, посол Англии, нашего союзника по антигитлеровской коалиции, счел возможным вступить в переписку по этому поводу с Франко.

Самуэль Гоуэр отвечал Франко: «Теорию, что Россия после войны создаст угрозу Европе, я не могу признать...» Ответ английского дипломата не оставляет сомнений и относительно целей и намерений английской политики в Европе: **«После окончания войны крупные американские и английские армии оккупируют континент. Они будут состоять из первоклассных солдат, они не будут потрепаны и истощены, как русские части** (Подчеркнуто мною.— *В. Ч.*).

Я отважусь предсказать,— писал далее Гоуэр,— что англичане будут самой мощной военной силой на континенте. Влияние Англии на Европу будет таким же сильным, как оно было в дни поражения Наполеона. Наше влияние, подкрепляемое военной мощью, будет чувствовать вся Европа, и мы будем принимать участие в ее восстановлении».

Говоря о том, что «крупные американские и английские армии оккупируют континент», что «они будут состоять из первоклассных солдат» и не будут «потрепаны и истощены, как русские части», Гоуэр, безусловно, выражал не только свое мнение. Определенные круги в Англии полагали, что Россия и Германия, истощив друг друга в ожесточенной войне, сделаются их легкой добычей или надолго, если не навсегда, прекратят свое существование как могучие державы.

Что побудило Гоуэра с такой откровенностью из-

лагать гитлеровскому союзнику Франко английские планы послевоенного переустройства Европы?

Для кого предназначались в конечном счете эти строки? Не было ли это своеобразным обращением к тем кругам Германии, которые уже в сорок третьем году склонялись к переговорам с Западом?

Некоторые политические деятели в стане наших союзников рассчитывали увидеть нашу армию в конце войны ослабленной и истекающей кровью.

Однако наша армия вошла в пределы Германии, как никогда ранее сильной.

После войны генерал-фельдмаршал Кейтель показал, что в феврале—марте 1945 года предполагалось осуществить контрнаступление против советских войск с Померанского плацдарма. Для этого «войска группы армий «Висла», прикрывшись в районе Грудзенз, ударом на юг прорвут фронт войск 1-го Белорусского фронта и выйдут через долины реки Варта и Нетце с тыла на Кюстрин».

Гудериан сообщает, что это наступление должно было начаться 15 февраля.

Какими же силами собиралось воспользоваться немецкое командование, чтобы нанести этот удар?

Известно ныне, что Гитлер появился в Берлине 13 января. Он выслушал доклады об обстановке, но решения никакого не принял. Он лишь затормозил ввод в бой на Западном фронте 6-й танковой армии. Он приехал в столицу встревоженный начатым наступлением 1-го Украинского фронта. 14 января последовали удары 1-го Белорусского и 2-го Белорусского фронтов. 16 января Гитлер отдает приказ о переходе к обороне на Западном фронте и снимает оттуда все, что можно снять для переброски на Восточный фронт. Но этого мало, дивизии рассеиваются от наших ударов одна за другой. Гудериан настаивает, чтобы были выведены все войска из Балканских стран, Италии, Норвегии, из Прибалтики... Но! Гитлер не дает на это санкции, выполнить советы Гудериана практически невозможно. Такого рода переброски войск требуют времени, дорог, железнодорожных составов, плавучих средств. Не надо забывать, что в то время авиация союзников безраздельно господствовала в воздухе и простреливала Германию из конца в конец, с востока на запад и с запада на восток.

Те перевозки войск, которые все же начались, по свидетельству того же Гудериана, «совершались очень мед-

ленно. Превосходство авиации противника парализовало не только перевозки, но и волю командования».

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков в своей книге «Воспоминания и размышления» пишет: *«В первых числах февраля стала назревать серьезная опасность контрудара со стороны Восточной Померании во фланг и тыл выдвигавшейся к Одеру главной группировки фронта... В начале февраля в междуречье Одера и Вислы действовали 2-я и 11-я немецкие армии, имевшие 16 пехотных, 2—4 танковые, 3 моторизованные дивизии, 4 бригады, 8 боевых групп... Кроме того, в районе Штеттина располагалась 3-я танковая армия, которую немецко-фашистское командование могло использовать как на берлинском направлении, так и для усиления восточнопоморанской группировки (что фактически произошло)».*

Это наступление из района Арнсвальде (Хощно) состоялось 16 февраля.

17-го наши войска отбили все атаки противника.

Наступление, за которое генерал Гудериан боролся с Гитлером, провалилось... В Ставке Верховного Главнокомандования было принято решение расправиться с этой группировкой в Померании до решающего наступления на Берлин. Для разгрома померанской группировки были нацелены войска 2-го Белорусского фронта и правое крыло 1-го Белорусского фронта, включая первую и вторую гвардейские танковые армии Катукова и Богданова.

Это решило судьбу померанской группировки. Войска Красной Армии 4 марта вышли к Балтийскому морю, а 9 марта вышли на реку Одер у Штеттина.

6

День за днем мы расширяли Одерский плацдарм.

На правом фланге армии, при слиянии Одера и Варты, стояла крепость Кюстрин. Омываемая водами двух рек, она высилась островком из камня и бетона. Без артиллерии крупных калибров, без тяжелой бомбардировочной авиации взять ее было очень трудно. Кюстринская крепость долго мешала нам соединиться и организовать взаимодействие с правым соседом — войсками 5-й ударной армии генерала Берзарина.

На левом фланге армии противник успел занять высоты, которые тянутся вдоль Одера от села Рейнтвейн

до Франкфурта. Они господствовали над долиной реки, с них противник простреливал фланговым артиллерийским огнем наши части, находившиеся на плацдарме. Спешно переброшенные с Западного фронта немецкие войска, среди них моторизованная дивизия «Великая Германия», не только закрепилась на выгодных оборонительных рубежах — на Зееловских высотах, но и начали переходить в частные контратаки.

Передо мной и генералом Берзариным встали сложные задачи. Решать их надо было сразу, безотлагательно. Чтобы расширить плацдарм, необходимо было, во-первых, форсировать Альте — Одер, во-вторых, овладеть крепостью Кюстрин или по крайней мере парализовать ее гарнизон, в-третьих, захватить высоты в горном массиве севернее Франкфурта и юго-западнее Гужицы. В частности, войска 8-й гвардейской армии должны были овладеть господствующими высотами и населенными пунктами Подельциг и Клессин. Для этого нужно было иметь достаточно снарядов для крупнокалиберной артиллерии и переправочные понтонные средства. Но, повторяю, ни тем, ни другим мы не располагали. Мы продолжали расширять захваченные плацдармы и ликвидировать окруженные гарнизоны противника (в те дни мы еще добивали вражеский гарнизон в Познани).

Задачу расширения плацдарма приходилось решать имеющимися у нас средствами, по существу без подвоза горючего. Транспорт армии с трудом обеспечивал боеприпасами части, штурмовавшие Познань. Все, что подвозилось из глубины страны, надо было повернуть на правое крыло фронта, на Померанию.

Командир действовавшего на плацдарме 28-го гвардейского стрелкового корпуса генерал Рыжов и командующий артиллерией корпуса полковник Тимошенко организовали сбор и использование трофейного оружия и снарядов. Надо сказать, трофеи крепко выручали нас. Захваченные орудия сразу же пускались в дело. В борьбе за расширение плацдарма артиллеристы выпустили около 65 000 трофейных снарядов калибром от 105 до 150 миллиметров. На головы гитлеровцев летели «гостинцы» их же производства.

Враг, не имея достаточных сил для отражения наших ударов на плацдарме, бросил против наших войск всю свою технику, в том числе самолеты-снаряды с автопилотом. На Одере я впервые увидел в действии это «секрет-

ное оружие», о котором так много говорил Геббельс. Это было в первой половине февраля. В то время наши саперные части строили первый мост через Одер у поселка Гужица. Мы с генералом Пожарским находились неподалеку на наблюдательном пункте. Был ясный день. Наше внимание привлек двухмоторный самолет. Он летел с запада на небольшой высоте. Вот он миновал высоту 81,5 и пошел на снижение. Не долетев метров трехсот до реки, самолет перешел в пике, ударился в землю и взорвался. Таких самолетов было пущено на строящийся мост четыре и ни один не попал в цель. Воронки от взрывов были громадные. Но большого ущерба враг нам не причинил.

Мы подумали, стоит ли игра свеч? Бить таким дорогим оружием по строящемуся мосту — неоправданное расточительство. Но гитлеровскому командованию было не до экономических расчетов. Оно бросало против нас все, что у него было, лишь бы задержать нашу переправу через Одер.

Шаг за шагом наши войска вплотную подошли к Подельцигу, овладели и прочно закрепились на господствующей высоте с отметкой 81,5, заняли пригород Кюстрина — Киц, населенные пункты Маншков, Хатенов.

Плацдарм на западном берегу Одера имел теперь уже внушительные размеры — в ширину 12, в глубину — 8 километров. Подоспела пора соединиться с правым соседом. Но это оказалось не так-то просто. Кюстрин город уже был в руках нашего соседа. Но крепость еще сопротивлялась. Мощная цитадель, наподобие Познанской, разъединяла нас с соседом.

До Берлина осталось всего 70 километров. И хотя наступление было приостановлено, мы знали, что нам вскоре придется драться на его улицах. Военный совет армии принял решение — готовить войска к уличным боям. В каждой дивизии и в каждом полку были созданы резервные, точнее, учебные батальоны. В стык между частями 4-го и 28-го гвардейских стрелковых корпусов, находившихся на плацдарме, были выдвинуты по одному полку от 27-й и 74-й гвардейских стрелковых дивизий, только что прибывших из Познани. За счет этого командиры корпусов получили возможность выделить резервы и вывести их с плацдарма на восточный берег, что и было сделано за две ночи 5 и 6 марта. 82-я дивизия генерала Г. И. Хетагурова, прибывшая из Познани, полностью

оставалась на восточном берегу Одера. Она здесь пополнялась и занималась боевой подготовкой. Так же, как и учебные батальоны, ее части проходили специально разработанную программу, которая включала следующие основные задачи:

— сколачивание подразделений до роты включительно;

— организация штурмовых групп и штурмовых отрядов и отработка их действий в городском бою;

— овладение приемами боя в укрепленном населенном пункте;

— прорыв полевой (траншейной) обороны противника;

— обучение всех бойцов применению трофейных гранатометов «фауст».

Учились и бойцы частей, оставшихся на передовой линии. Мы обязали командиров ежедневно проводить стрельбы по реальным целям, добиваясь точности и быстроты в использовании всех видов оружия.

Обучение офицерского состава проводилось по группам. На коротких занятиях-летучках непосредственно в поле отрабатывалось взаимодействие родов войск в штурмовых группах и отрядах. Большую пользу приносил и тщательный разбор наиболее интересных и поучительных боевых эпизодов.

Опираясь на опыт прежних боев, я написал памятку для бойцов и офицеров, в которой излагались практические приемы мелких штурмовых групп в уличных боях, памятку размножили типографским способом и роздали бойцам не только 8-й гвардейской армии, но и других армий 1-го Белорусского фронта.

В двадцатых числах марта мы провели частные операции с целью соединить свой фланг с частями нашего правого соседа — 5-й ударной армии, западнее крепости Кюстрин. Здесь разрыв между нашими армиями, точнее, между двумя плацдармами на западном берегу Одера составлял около трех километров. Через этот коридор противник поддерживал связь с Кюстринской цитаделью, расположенной на острове на главном русле реки Одер. Сама цитадель была основанием клина, раскалывающим наши плацдармы. Предстояло разрубить этот клин где-то западнее Кюстрина, в самом узком месте, и соединить фланги двух армий. Тогда гарнизон крепости окажется изолированным.

Часть фортов крепости была захвачена нашими войсками еще в начале боев за плацдарм. Теперь мы нанесем удар по обороне противника с юга и выйдем к железной дороге Кица — Долгелин. Войска генерала Берзарина одновременно с нами поведут наступление с севера, с тем чтобы соединиться с нами в районе железнодорожной станции Гольцов.

Операцию мы готовили тщательно и провели ее 22 марта. Накануне летчики штурмовой и бомбардировочной авиации в течение четырех суток методично днем и ночью наносили удары по противнику, нарушая его систему обороны и управление, уничтожая цель за целью. Артиллеристы по графику вели прицельный огонь по различным участкам, а перед началом атаки, назначенной на 9 часов 15 минут утра, совершили сильный огневой налет, расчищая путь пехоте. Одновременно перешли в атаку части 5-й ударной армии.

В результате этих согласованных действий войска двух армий соединились в намеченном районе и гарнизон Кюстринской крепости с немногими уцелевшими фортами и цитаделью оказался изолированным со всех сторон.

Все войска, которые находились в коридоре, соединяющем Кюстрин с Зееловым, были разгромлены. Часть их сдалась в плен, часть отступила в уцелевший форт на острове.

Теперь оба наших плацдарма соединились в один. В дальнейшем он сыграл большую роль в Берлинской операции.

Но в центре этого большого плацдарма оставалась еще цитадель крепости с многочисленным вражеским гарнизоном.

Сама цитадель находилась на острове, образованном Одером, Вартой и их протоками. Подступы к острову прикрывались разливом вешних вод. С сушей цитадель соединяли лишь дамбы и насыпи дорог, веером расходившиеся в разные стороны — на Берлин, Франкфурт, Познань, Штеттин. Нечего и говорить, что противник постарался накрепко запереть эти пути, усеяв дамбы и насыпи полевыми укреплениями,— окопами, дзотами, блиндажами, капонирами, проволочными и минными заграждениями. Наши мелкие подразделения подошли к вражеским укреплениям так близко, что гранатные бои и перестрелка фаустпатронами не стихали почти круг-

лые сутки. Но развернуть здесь большие силы мы не могли: один танк занимал всю ширину дамбы.

Как наступать? Основную и решающую роль мы возложили на артиллерию. Она должна была разбить окопы, блиндажи и дзоты, построенные на дамбах и дорогах. Авиации ставилась задача — разрушить цитадель и фортификационные сооружения, уцелевшие вокруг нее.

Разрушить блиндажи и дзоты можно было только тяжелой артиллерией и минометами крупных калибров. Однако вести огонь из орудий крупного калибра через головы своих бойцов, находящихся на очень близком расстоянии от противника, мы не могли. Требовалось найти другое, более верное и безопасное решение. Мною вместе с командующим артиллерией армии генералом Пожарским и командирами 35-й и 82-й гвардейских стрелковых дивизий была произведена тщательная рекогносцировка.

Мы ознакомились с местностью непосредственно на исходных рубежах. Тогда-то и возникла мысль выдвинуть на прямую наводку три батареи большой мощности. Против 203-миллиметровых орудий не устоит ни один дзот. Одну батарею врыли в дамбу на левом берегу Одера у пригорода Киц, которая вела огонь по дзотам на правом берегу, вторую — в дамбу на правом берегу в четырехстах метрах южнее острова—она нацеливалась по дзотам на дамбе левого берега. Такое расположение обеспечивало ведение перекрестного огня по видимым, близко расположенным целям. Чтобы не задеть своих, на обеих дамбах наш передний край обозначался хорошо приметными указками.

Третью батарею поставили на дамбе у платформы Жабчин. Она нацеливалась на стены цитадели, которые были хорошо видны с этого участка.

Атаку крепости с восточного берега Одера возложили на 82-ю, с западного — на 35-ю гвардейские стрелковые дивизии. Один полк 35-й дивизии готовился к десанту на остров с юга.

Для наступления вдоль дамб и дорог, ведущих к цитадели, каждая дивизия развертывала по одной роте. Их боевой порядок имел большую глубину, чем фронт атаки — случай необычный в тактике.

План штурма был таков. Накануне наступления 28 марта наша штурмовая и бомбардировочная авиация

прицельно бомбит цитадель и другие долговременные инженерные сооружения. Своими ударами она выгоняет противника из этих сооружений в полевые укрепления. В этот день артиллерия огня не открывает, кроме батареи, которая поставлена на прямую наводку для ударов по стенам крепости.

Утром 29 марта авиация повторяет удар по тем же целям, не пуская гарнизон противника в цитадель. Пусть он останется в полевых укреплениях и считает, что перехитрил нас. Но с последним взрывом бомб по цитадели, ровно в 10 часов утра, артиллерия всех калибров (в том числе и мощные орудия, поставленные на прямую наводку) открывает огонь по полевым укреплениям. Продолжительность налета — 40 минут. Под прикрытием огня артиллерии десанты стрелков и автоматчиков переправляются на лодках и высаживаются на остров. А в 10 часов 40 минут — начало общего штурма.

За день до наступления я вместе с командующим бронетанковыми и механизированными войсками армии генералом Вайнрубом, который вернулся из госпиталя, выехал на исходные позиции — проверить, все ли готово. В полдень мы подъехали к водокачке северо-западнее платформы Жабчин. Здесь остановились, чтобы понаблюдать за прямыми попаданиями тяжелых снарядов в стену цитадели.

Впереди нас оказался большой бассейн с водой, по-видимому, отстойник водокачки. Наши адъютанты — мой Федор[1] и Вайнруба — Алеша Куренцов стояли рядом перед барьером бассейна. Вдруг раздается взрыв справа, затем — слева, через несколько секунд — впереди и за спиной. Узкая вилка! Мы прижались к стене. Очевидно, противник заметил нас и открыл огонь из тяжелых минометов. Пока недолет и перелет. Но чувствуется, что прицел весьма точен. Уходить куда бы то ни было при таком обстреле опаснее всего. Стой и не двигайся, если под ногами нет укрытия. Стена защищала нас с одной стороны, и мы поплотнее прижались к ней. Но взрыв очередной мины повалил всех на землю в одну кучу.

В голове долго гудели колокольные удары. Придя в себя, я ощутил, что лежу под людьми. Вайнруб прикрыл мою голову грудью, на нем лежал Федор и на са-

---

[1] Федор — родной брат В. И. Чуйкова. В настоящее время служит в Штабе гражданской обороны СССР.

мом верху, как бы прикрывая нас всех своим телом, распластался окровавленный Алеша. Вайнруб был ранен— осколок мины впился ему в ногу выше колена. Я и Федор остались невредимы. Когда мы увидели мертвого Алешу — боль обожгла сердца. Даже не верилось, что этого красивого юноши, который только что стоял рядом, уже нет в живых. В тот же день мы горестно хоронили своего спасителя. А генерала Вайнруба мне пришлось самому доставить в ближайший медсанбат.

Между тем бой за крепость развивался по плану. 28 марта авиация наносила прицельные бомбовые удары по долговременным крепостным сооружениям, превращая их в груду развалин и вынуждая противника перейти в полевые укрепления или спрятаться в глубоких подземных казематах.

Утром 29-го повторилось то же самое. Затем началась артиллерийская подготовка. С наблюдательного пункта мне было видно, как тяжелые снаряды орудий, выставленные для стрельбы, прямой наводкой разбивали дзоты и блиндажи на дамбах. Впечатляющая картина: в воздух взлетали камни, бревна.

В 10 часов 30 минут лодочные десанты высадились на острове, а десять минут спустя затрещали пулеметы и автоматы, загремели взрывы ручных гранат и фаустпатронов.

Мастерство штурма крепостных сооружений— сумма многих слагаемых: это— владеть оружием ближнего боя, акробатическая ловкость в преодолении препятствий и, конечно, в первую очередь личная отвага каждого бойца. Именно эти качества продемонстрировали гвардейцы взвода 5-й роты 271-го полка 82-й гвардейской стрелковой дивизии во главе с младшим лейтенантом Михаилом Чепановым. Они рывком преодолели четырехсотметровую полосу, изрезанную рвами, окопами, воронками и канавами, проскочили через дамбу с блиндажами и пулеметными точками и через каких-то семь-восемь минут после сигнала атаки оказались у полуразрушенных стен цитадели. Здесь немецкие пулеметчики открыли по гвардейцам огонь. Чепанов рассчитывал провести свой взвод через пролом в стене, но путь преградил сильный фланкирующий пулеметный огонь. Здесь можно было погубить весь взвод и не выполнить задачи. Промедление в таком положении смерти подобно: противник уже обнаружил взвод. Не раздумывая, Чепанов меняет направ-

ление и проскакивает со взводом вдоль стены до следующего пролома в стене. Теперь его бойцы в мертвом пространстве, их не достает огонь ни пулеметов, ни автоматов. Правда, сверху могут закидать гранатами. Но Чепанов уже забросил на стену «кошку» с веревкой. Ловко, быстро, точно цирковой акробат, он поднялся вверх. В его руках затрепетал красный флаг. Как огонек, он был виден издалека. Сюда устремились бойцы других подразделений. А взвод Чепанова уже вел бой по ту сторону стены, во дворе крепости.

Михаила Чепанова дважды ранили, и все же он не вышел из боя. Гвардеец ворвался в главный равелин, увидел ход к верхней площадке, откуда немецкие офицеры руководили боем. По пути к этой площадке, в узких проходах и на лестницах, расчищая путь автоматом и гранатами, младший лейтенант убил девять гитлеровцев. Прошло еще несколько минут, и над главным равелином взвилось красное знамя. Его водрузили бойцы взвода Чепанова. Сам командир взвода, получив третье ранение в грудь, скончался у знамени.

Пусть знает Александра Дмитриевна Чепанова, проживающая в селе Ароновка Ульяновской области, что ее сын Михаил Петрович, посмертно награжденный Золотой Звездой Героя Советского Союза, еще при жизни воздвиг себе величественный памятник — водрузив красное знамя над поверженной крепостью фашистов в Кюстрине, в семидесяти километрах от Берлина. Там же находится могила еще одного Героя Советского Союза, славного сына грузинского народа из села Чаквиджи Зугдидского района гвардии сержанта Шота Платоновича Тибуа.

СКОРО!!!

1

Развертывалась подготовка к Берлинской операции. Многочисленное пополнение вливалось в войска. Десятки тысяч тонн горючего подвозилось к Одеру, закапывалось в землю, маскировалось в лесных массивах; сотни тысяч снарядов, мин, бомб размещались около огневых позиций и на аэродромах.

Замысел операции состоял в том, чтобы нанести по возможности одновременно несколько мощных ударов на широком фронте, окружить и рассечь берлинскую группировку, а затем уничтожить ее по частям.

К концу марта 1945 года, после разгрома фашистских войск в Померании и выхода советских дивизий на побережье Балтийского моря, Ставка привлекла к заключительной операции войска трех фронтов — 2-го Белорусского, которым командовал маршал К. К. Рокоссовский, 1-го Белорусского под командованием маршала Г. К. Жукова и 1-го Украинского, которым командовал маршал И. С. Конев.

Эти три фронта с большими артиллерийскими и авиационными средствами усиления готовились прорывать оборону на трех участках.

Войска 2-го Белорусского фронта готовились к прорыву вражеской обороны на участке южнее Штеттина до города Шведта, имея в первом эшелоне три общевойсковые армии, три танковые, один механизированный и один кавалерийский корпуса. Задача — форсировать Одер, разгромить штеттинскую группировку противника и не позднее 12—15 дня операции выйти на рубеж Анклам, Демин, Витенберг.

1-му Белорусскому фронту предстояло действовать на участке Глитцен, Кюстрин, Лебус. Его первый эшелон состоял из восьми общевойсковых армий. Главный удар

фронт наносил силами пяти общевойсковых армий и двух танковых с Кюстринского плацдарма. Мощным одновременным ударом они должны были прорвать вражеские рубежи на фронте около 70 километров, разгромить берлинскую группировку противника, овладеть Берлином и на 12—15-й день операции выйти на Эльбу.

Для 1-го Украинского фронта был определен участок Форст, Мускау. Войска его первого эшелона — семь общевойсковых армий. Главный удар наносился силами пяти общевойсковых и двух танковых армий подвижной группы. Задача—форсировать реку Нейсе, разгромить котбусскую группировку противника и не позднее 10—12-го дня операции выйти на рубеж Белиц — Витенберг и далее по Эльбе до Дрездена. В случае, если войска 1-го Белорусского фронта задержатся при овладении Берлином, Конев должен был направить им в помощь свои танковые армии.

Три главных и ряд вспомогательных ударов нацеливались главным образом на разгром вновь восстановленных и пополненных четырех армий противника, прикрывавших восточную часть Германии (3-ю и 4-ю танковые, 9-ю и 17-ю полевые), и резервов в глубине.

Задача ясная, но очень сложная. Все понимали, что на этом этапе войны фашисты будут драться до последнего патрона: близилась расплата за их преступления.

Чувствуя приближающуюся катастрофу, виднейшие гитлеровские политики разъезжали по армиям, взывая к солдатам и офицерам, особенно к войскам СС: «Будьте стойкими, не допускайте ни на шаг продвижения советских войск на запад!» В директивах нацистской партии говорилось: «Предстоящее большое наступление большевиков должно быть отбито при всех обстоятельствах. Предпосылки для этого имеются — люди и техника у нас есть. Наш взор должен быть обращен только на восток, независимо от того, что будет происходить на западе. Удержание Восточного фронта является предпосылкой к перелому в ходе войны».

Немецко-фашистское командование приняло все меры для подготовки глубокой и прочной обороны Берлина. Этому способствовали и географические условия. Множество озер, соединенных между собой реками и каналами, труднопроходимые для танков и другой

техники рубежи затрудняли организацию наступления крупными силами. Сокращение линии фронта обороны позволяло противнику лучше использовать естественные преграды, для обороны требовалось не столь уже много войск.

Гитлеровцы прочно укрепились на западных берегах Одера и Нейсе от Шведта до Губена, где общая глубина естественных и инженерных рубежей обороны доходила до 30—40 километров. Но сильнее всего были укреплены восточные подступы к Берлину в полосе наступления 1-го Белорусского фронта. Здесь подготовленная оборона начиналась от Одера и заканчивалась непосредственно Берлинским укрепленным районом. Силы противника на Берлинском направлении накапливались в феврале, марте и первой половине апреля. В глубине обороны находились мощные резервы моторизованных и танковых дивизий, переброшенных с Западного фронта. Численный состав пехотных дивизий был доведен до семи-восьми тысяч, а танковых — до восьми-десяти тысяч солдат и офицеров.

Против 1-го Белорусского фронта враг сосредоточил до половины всех сил и средств своей берлинской группировки. Особенно много войск он стянул против наших одерских плацдармов, где размещались части 5-й ударной и 8-й гвардейской армий.

К началу нашего наступления — 16 апреля 1945 года — на Берлинском направлении гитлеровское командование сосредоточило 48 пехотных, 10 моторизованных и 4 танковые дивизии, 37 отдельных пехотных полков, 98 отдельных батальонов и много отдельных артиллерийских частей и соединений. Кроме того, гарнизон Берлина насчитывал более 200 тысяч человек и в резерве немецкого главного командования сухопутных войск было 8 дивизий.

И все-таки преимущество было на нашей стороне. Ликвидировав группировки противника в Померании, отразив контрнаступление врага в районе озера Балатон, освободив Вену, Советское Верховное Главнокомандование смогло в решающий момент, на решающем направлении — Берлинском — создать подавляющее превосходство в силах и технике.

К 16 апреля 1945 года соотношение сил выглядело так:

	Советские войска	Противник
Дивизии	193	85
Люди	2500000	1000000
Орудия и минометы	около 42)00	10400
Танки и самоходные артиллерийские установки	6250	1500
Самолеты	7500	3300

Эти данные показывают, как тщательно советское командование готовило решающую битву. Значительный перевес в силах давал нам возможность действовать уверенно. Даже в том случае, если бы противник перебросил дополнительно новые войска с других фронтов, например с Западного, превосходство все равно оставалось бы на нашей стороне.

В частной оперативной директиве командующего 1-м Белорусским фронтом от 12 апреля 1945 года указывалось, что наша 8-я гвардейская армия должна прорвать оборону противника на участке железнодорожная станция Гольцов, поселок Заксендорф и, развивая удар в общем направлении на Зеелов — Требнитц — Гарцау — Дальвиц — Силезский вокзал — Шарлоттенбург, овладеть рубежами: в первый день операции — Альт-Розенталь, Нейэнтемпель, Лицен; во второй день операции — Гарцин, высота 78,2, озеро Макс-Зее; в третий день операции — Альт-Ландсберг, восточная окраина Хоппенгартена, Кальберге. В дальнейшем нам предстояло захватить сначала пригороды немецкой столицы Марцан, Фридрихсфельде, Карлсхорст, Каульсдорф, Мальсдорф, Дальвиц, а затем центральную ее часть и на шестой день операции выйти на восточный берег озера Хавель.

С началом артиллерийской подготовки в оперативное подчинение к нам поступал 9-й штурмовой авиационный корпус с прикрывающими его истребителями. Командиром корпуса был генерал И. В. Крупский.

Когда армия выйдет на рубеж Гузов—Зеелов—Долгелин—Альт-Малиш, в прорыв вводятся 1-я гвардейская танковая и 11-й танковый корпус. Был предусмотрен и такой вариант: если наступление будет развиваться успешнее в полосе нашего левого соседа — 69-й армии,

танковые войска будут вводиться в прорыв там на участке Долгелин, Дебберин.

Командующий фронтом требовал подготовку операции производить скрыто, с соблюдением всех мер маскировки, стремясь обязательно достигнуть внезапности действий.

Перед нашими соседями — 5-й ударной и 69-й армиями были поставлены аналогичные задачи. Ширина фронта и темп наступления им указывались примерно такие же, как и у нас.

Темп наступления для армий ударной группировки фронта был установлен 20 километров в сутки. На первый взгляд нормальный. Однако в прошлых операциях такие темпы достигались не в начале операции, а в ходе ее развития, не при прорыве укрепленных, заранее подготовленных полос обороны, а после их прорыва, с выходом на оперативный простор.

Между тем обстановка складывалась для нас неблагоприятно. Апрель — пора бурного разлива рек и ручейков. Долина Одера от главного русла до Зееловских высот шириной в 10—15 километров была изрезана каналами. Вода затопила низины и луга; пашни, картофельные плантации превратились в топкую грязь. Магистральных дорог, идущих от Одера к Зееловским высотам, было мало. В полосе наступления 8-й гвардейской армии таких дорог оказалось всего четыре. Только по ним и могли передвигаться автомашины и боевая техника. Сверни чуть в сторону — и сразу окажешься в болоте. Если не завязнешь, значит, тебе повезло — выбирайся обратно на дорогу.

Над долиной, изрезанной ручьями и каналами, господствовали Зееловские высоты. С них противник просматривал весь плацдарм. По оси движения от Кюстрина до Берлина, на главном направлении ударной группы нашего фронта, противник создал пять рубежей обороны. После Мюнхенберга они связывались с тремя оборонительными обводами Берлина.

На тридцатикилометровом фронте прорыва противник держал десять дивизий: пехотные — 9, 303, 309, 169, 712-ю и «Курман», моторизованные — 20, 25-ю и «Мюнхенберг», танковую дивизию «Фюрер». Их усиливали 5-й и 408-й артиллерийские корпуса РГК, 292-я и 770-я противотанковые дивизии. Такая плотность войск, сосредоточенных на главном направлении, давала возмож-

ность врагу одновременно занимать два-три рубежа обороны.

На участке наступления 8-й гвардейской армии противник имел в первом эшелоне, на Зееловских высотах и в долине Одера, три дивизии с большими артиллерийскими средствами усиления и три во втором эшелоне.

Задачи, которые ставило перед нами командование фронта, были чрезвычайно трудными. Правда, средств усиления в армиях мы имели вполне достаточно. Например, в артиллерийском наступлении 8-й гвардейской армии на семикилометровом фронте прорыва привлекалось 77 артиллерийских и 10 танковых и самоходно-артиллерийских полков, что составляло на один километр фронта 266 орудий и минометов и одну танковую бригаду. Однако эти средства усиления не могли одновременно поражать два оборонительных рубежа противника. После овладения первым рубежом требовалось переместить вперед тысячи орудий, сотни наблюдательных пунктов, установить связь и взаимодействие между наступающими частями. На все это требовалось время.

Мы имели сильную авиацию, но она привлекалась для ударов по тем же позициям, на которые нацеливалась артиллерия. Без данных разведки летчики не могли знать о тщательно замаскированных вражеских рубежах обороны в лесных массивах.

На основании директивы командующего фронтом мы строили боевой порядок так, чтобы артиллерия всех корпусов и дивизий участвовала в артиллерийской подготовке и в артиллерийском наступлении. Все три корпуса располагались в линию. В 4-м и 29-м гвардейских стрелковых корпусах в первом эшелоне шли две дивизии, в 28-м — только одна. Во втором эшелоне каждый корпус имел по одной дивизии. 39-я гвардейская дивизия из 28-го корпуса оставлялась в армейском резерве. На каждую дивизию первого эшелона (их было пять) приходилась полоса наступления шириной в 1400 метров. Дивизии держали два полка в первом эшелоне, один — во втором.

2

Чтобы уточнить истинный передний край обороны противника, учитывая при этом, что враг, предугадав наше наступление, мог отвести главные силы с передне-

го края на вторую позицию или на Зееловские высоты, решением фронта была произведена разведка боем. Она проводилась 14 апреля 1945 года, за два дня до начала общего наступления. Для участия в ней от каждой дивизии привлекался усиленный батальон с танками и артиллерией.

Решение о проведении разведки боем за два дня до наступления мы в нашей армии приняли к исполнению. В директиве комфронта категорически требовалось проводить подготовку к наступлению в полной скрытности. Бойцам разрешалось сообщить о нем лишь перед самой атакой.

Если под Ковелем и на Висле разведка боем проводилась за два часа до наступления и затем перерастала в общее наступление, то сейчас командование фронта отказалось от такого метода.

Вместе с тем командующий фронтом предложил новый прием: сосредоточить на участке прорыва множество прожекторов, перед атакой, которая будет проводиться ночью, осветить поле боя и ослепить противника.

На специальном учении, организованном маршалом Жуковым за неделю до наступления, мы, командующие армиями и корпусами, на себе проверили действие прожекторов как в наступлении, когда они светили с тыла, так и в обороне, когда свет бил в лицо. Получалось неплохо...

Разведка боем по всему фронту проводилась 14 апреля. В 7 часов 40 минут 14 апреля, после десятиминутного артиллерийского налета. Разведывательные батальоны дружно атаковали первую позицию противника и на участке наступления 8-й гвардейской армии захватили ее, продвинувшись вперед до двух-четырех километров. То же самое было и на участке соседа справа — 5-й ударной армии. Противник, застигнутый врасплох, понес потери и отошел на вторую позицию.

Во время разведки боем мы захватили пленных из 20-й моторизованной и 303-й пехотной дивизий противника. Среди них был капрал из 303 пехотной дивизии. На допросе он сказал:

— Германии через две недели капут!..

— Почему? — спросили его.

Он подумал и ответил:

— Ваше наступление четырнадцатого апреля было не основное. Это только разведка. А дня через два-три вы

начнете гросснаступление. До Берлина будете наступать около недели, да за Берлин будете драться тоже около недели. Так что дней через пятнадцать-двадцать Гитлеру капут.

Немецкий капрал оценивал обстановку, пожалуй, лучше многих фашистских генералов. Он не ошибся, что 14-го была разведка; он не ошибся и в том, что дня через два-три начнется наше основное наступление, и точно предвидел результат его.

Оставшиеся в руках противника господствующие высоты в Зееловской гряде давали возможность вести наблюдение за всей долиной, где сосредоточивались наши войска. Нам очень трудно было скрытно производить передвижения. А хотелось незаметно подвести войска, особенно артиллерию и танки, к исходным позициям. Но как это сделать, когда противник отчетливо видит наши позиции не только на плацдарме, но и на восточном берегу? Даже ночная темнота не выручала нас: враг прощупывал местность лучами прожекторов. А мы не открывали по ним огня: артиллеристам было приказано не выдавать себя, молчать до последней минуты. Гасли прожекторы — вспыхивали осветительные бомбы, сброшенные с разведывательных самолетов, и вся долина опять была как на ладони, перед глазами гитлеровцев.

Маскировка войск усложнялась тем, что деревья еще не распустились, а закапываться в землю не давали вешние и грунтовые воды. Копнул один раз штыковкой — и ямка сию же минуту заполняется мутноватой водой.

ВПЕРЕДИ — ГВАРДЕЙСКИЕ ЗНАМЕНА

1

Как всегда, перед наступлением активизировалась работа политических органов, партийных и комсомольских организаций с людьми. Как только была получена боевая задача, Военный совет армии созвал собрание партийного актива штаба, политического отдела армии с участием командиров и начальников политических отделов корпусов и дивизий. Товарищи делились своими думами, советовали, как лучше организовать работу в войсках. Среди других предложений партийный актив единодушно одобрил и такое: «В ночь накануне наступления все части и соединения выносят на передний край в первую траншею боевые гвардейские знамена, чтобы каждый боец видел, что он идет в этот бой вместе со своими товарищами, бойцами и командирами, со святыней части — боевым Красным знаменем — символом революционных идеалов и священного стремления всех честных людей земли к свободе и счастью человечества».

Со штабными офицерами и командирами всех степеней (до роты и батареи включительно) на рельефных планах был разыгран ход наступления. Особенно тщательно отрабатывались управление войсками и ввод в бой вторых эшелонов.

Ночь на 16 апреля показалась мне очень долгой. Так всегда бывает, когда ждешь решающих событий.

Перед рассветом на мой командный пункт вблизи поселка Рейнтвейн приехал Г. К. Жуков. К этому моменту войска армии уже заняли исходное положение. Командиры частей вышли с гвардейскими знаменами на передний край. Бойцы клялись у знамени, что с честью выполнят боевые задачи. Взвивались в небо осветительные ракеты, в их свете Ленин, как живой, смотрел на воинов с алых полотнищ боевых знамен, словно призывая к решительности в заключительном сражении с ненавистным врагом.

Пять часов утра по московскому, три часа по берлинскому...

В это время в траншеях подаются команды на вынос знамени. Все делается тихо. Над позициями ночная темь.

Секундная стрелка на часах командующего фронтом подошла к черте, и вмиг стало светло. В ярких всполохах артиллерийской канонады мы увидели над траншеями движущиеся вперед развернутые знамена. Их несли к исходным позициям для штурма.

Накатился сплошной гул вулканической мощи. Шутка ли: ударили залпом и продолжали бить и бить сорок тысяч орудий!.. Казалось, качнулась вся приодерская равнина. Клубы пыли и дыма стеной вздыбились до самого неба.

В полосе нашей армии зарево артиллерийского огня полыхало так ярко, что с командного пункта трудно было зримо ощутить первый момент светового удара прожекторов. Не уловив его, мы с командующим фронтом даже спросили, почему прожекторы не включены. И были удивлены, когда нам ответили, что прожекторы действуют...

Должен сказать, что в то время, когда мы любовались силой и эффективностью действия прожекторов на полигоне, никто из нас не мог точно предугадать, как это будет выглядеть в боевой обстановке. Мне трудно судить о положении на других участках фронта. Но в полосе нашей 8-й гвардейской армии я увидел, как мощные пучки света прожекторов уперлись в клубящуюся завесу гари, дыма и пыли, поднятую над позициями противника. Даже прожекторы не могли пробить эту завесу, и нам было трудно наблюдать за полем боя. Как на грех, еще и ветер дул навстречу. В результате высота 81,5, на которой разместился командный пункт, вскоре была окутана непроницаемой мглой. Тогда мы вообще перестали что-либо видеть, полагаясь в управлении войсками лишь на радиотелефонную связь да на посыльных.

Густое пыльно-дымное облако осложняло и действия наших наступающих частей.

Первые полчаса после начала нашего наступления противник почти не вел огня. Его наблюдательные и командные пункты, а также огневые позиции были подавлены нашей артиллерией и авиацией. Сопротивление оказывали лишь немногие уцелевшие пулеметы, само-

ходки и орудия, укрытые в каменных домах и в отдельных окопах. Первые два километра наши стрелковые части и танки наступали за огневым валом успешно, хотя и медленно. А потом, когда путь преградили ручьи и каналы, танки и самоходные орудия начали отставать от пехоты. Взаимодействие между артиллерией, пехотой и танками нарушилось. Огневой вал, точно расписанный по времени, пришлось остановить и переключить артиллерию на поддержку пехоты и танков методом последовательного сосредоточения огня. Уцелевшие орудия и минометы противника ожили на рассвете и начали обстреливать дороги, по которым густо шли наши войска и боевая техника. В некоторых полках и батальонах нарушилось управление. Все это сказалось на темпе наступления.

Особенно упорное сопротивление противник оказал на канале Хаупт, который проходит по долине, огибал подножие Зееловских высот. Вешние воды сделали его глубоким, непроходимым для наших танков и самоходных орудий. А немногочисленные мосты обстреливались артиллерийским и минометным огнем из-за Зееловских высот и прямой наводкой закопанных и хорошо замаскированных танков и самоходных орудий.

Здесь наше наступление еще больше замедлилось. Пока саперы наводили переправы, войска стояли на месте. Произвести какой-либо маневр автомашинам и танкам было нельзя: дороги забиты, а двигаться напрямик по болотистой пойме и заминированным полям было невозможно.

Спасибо нашей авиации. Краснозвездные бомбардировщики, истребители, штурмовики господствовали над полем боя. Они успешно подавляли артиллерию в глубине обороны противника.

Наконец Хаупт был преодолен. Наши войска начали штурм Зееловских высот.

К 12 часам дня войска 8-й гвардейской армии прорвали первые две позиции противника и подошли к третьей, которую с ходу захватить не могли. Скаты Зееловских высот так круты, что наши танки и самоходки не могли на них взобраться и вынуждены были искать более пологие подъемы. Эти подъемы шли вдоль дорог на Зеелов, Фридерсдорф и Долгелин. Но здесь противник создал сильные опорные пункты обороны. Для подавления и захвата этих опорных пунктов требовался точный и силь-

ный огонь орудий. Артиллерия должна была перейти на новые позиции, ближе к Зееловским высотам.

Я приказал подтянуть артиллерию, организовать взаимодействие между пехотой, танками и артиллерией и в 14 часов после 20-минутного огневого налета атаковать Зеелов, Фридерсдорф, Долгелин и захватить Зееловские высоты.

Как уже говорилось выше, командующий фронтом маршал Г. К. Жуков находился на моем командном пункте. Отсюда он руководил войсками и поддерживал связь со Ставкой.

Наш фронт, против которого была сосредоточена наиболее многочисленная вражеская группировка и более мощные оборонительные сооружения, особенно на Зееловских высотах, продвигался несколько медленнее 1-го Украинского фронта. И это беспокоило Ставку. Но нельзя не учитывать, что нам приходилось сражаться в исключительно сложных условиях, преодолевать ожесточенное сопротивление гитлеровцев. Войска с большим напряжением пробивались по дорогам, пролегавшим между болот и топей. Полые воды сделали трудно проходимыми многие участки местности. Перед Зееловскими высотами наше наступление затормозилось.

Видимо, желая усилить темп наступления и ускорить прорыв обороны противника на Зееловских высотах, командующий фронтом принял решение ввести в сражение в полосе нашей армии 1-ю гвардейскую танковую армию М. Е. Катукова и 11-й отдельный танковый корпус И. И. Ющука. Им была поставлена задача с ходу захватить Зееловские высоты и развивать наступление на Берлин (ранее намечалось ввести эти танковые соединения в бой после того, как оборона врага будет прорвана).

Когда танковые соединения начали проходить боевые порядки 8-й гвардейской армии, на дорогах стало еще теснее, а сойти с них в сторону было невозможно. Танки 1-й гвардейской буквально уперлись в наши тягачи, перетаскивавшие артиллерию, в результате чего маневр вторых эшелонов дивизий и корпусов оказался скованным. Должен сказать, что 8-я гвардейская армия располагала и своими немалыми танковыми силами.

Но нам было не привыкать преодолевать различные трудности. Помогая друг другу, пехотинцы и танкисты

отважно громили гитлеровцев, выбивая их с оборонительных рубежей.

Во второй половине дня небольшой успех обозначился на правом фланге армии, на участке 4-го гвардейского стрелкового корпуса, 47-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием генерала Шугаева, наступая севернее шоссейной дороги Кюстрин — Берлин, преодолела сопротивление противника, захватила несколько господствующих высот севернее города Зеелов, перерезала железную и две шоссейные дороги, идущие от Зеелова на Бугдорф и на Гузов. 57-я гвардейская дивизия, которой командовал генерал П. И. Зализюк, вечером вела бой уже за станцию Зеелов.

На фронте 29-го и 28-го гвардейских стрелковых корпусов, наступающих к югу от Зеелова, части подошли вплотную к Зееловским высотам, но организовать одновременный удар по опорным пунктам противника всеми силами не смогли. Темнота не дала развить наступление. Задачу дня армия не выполнила — Зееловские высоты были взяты только частично. Не справилась с этим и введенная в сражение 1-я гвардейская танковая армия: она не смогла развернуться и остановилась на дорогах в пойме Одера.

Сосед справа — 5-я ударная армия генерала Берзарина к исходу дня вышла на реку Альте-Одер.

Сосед слева — 69-я армия под командованием генерала Колпакчи и вовсе не смогла продвинуться вперед.

Почему же, несмотря на значительный перевес в силах, мы вынуждены были довольствоваться столь скромными успехами первого дня операции? По-видимому, противник учел опыт прошлых боев и изменил принцип построения своей обороны. Раньше основные силы он располагал на первой оборонительной полосе, вторая и третья позиции хотя и готовились в глубине, но не всегда занимались войсками вторых и третьих эшелонов. Резервы, танковые или мотодивизии, тоже, как правило, не занимали рубежей обороны, а находились в ближнем тылу, нацеливаясь для контратак по прорвавшемуся противнику. Изучив эту тактику, мы громили врага на его главной полосе. Одновременно авиация и дальнобойная артиллерия наносили удары по его резервам, срывая их и мешая врагу организовывать контратаки. Разбив войска противника в первой, главной, полосе обороны, мы вводили в бой свои подвижные резервы, обычно тан-

ковые корпуса и армии, которые громили резервы врага и выходили на оперативный простор. Так было на Украине, так было под Ковелем и в Висло-Одерской операции, когда танковые армии под командованием С. И. Богданова, М. Е. Катукова вводились в чистый прорыв, проделанный общевойсковыми армиями в главной полосе обороны противника. Эти мощные танковые объединения устремлялись в глубокий вражеский тыл и расширяли прорыв в сторону флангов на сотни километров.

Теперь противник построил оборону по-новому. Он занимал не только первую, но и вторую и третью полосы, расположив здесь большое количество пехоты, танков и артиллерии. Кроме того, враг имел сильные резервы в глубине обороны. Наши войска, прорвав первую оборонительную полосу по берегам каналов Альте-Одер и Хаупт, натолкнулись на организованную оборону противника на уже занятой его войсками второй полосе.

Надо иметь в виду и то обстоятельство, что все пространство от Одера до Берлина гитлеровцы превратили по существу в сплошной укрепленный район, где, кроме мощных рубежей полевого типа, были приспособлены к обороне многочисленные здания населенных пунктов, лесные массивы и водные преграды.

Недостаточно учли мы и своеобразие местности, изобилующей естественными преградами — каналами, ручьями и озерами. Недостаток дорог сковывал наш маневр и лишал возможности вводить большие силы при атаках. Вдобавок ко всему — множество населенных пунктов, где каждый дом приходилось брать штурмом.

Первый день наступления показал, что враг будет упорно сражаться за каждый рубеж. В его части влилось немалое количество особых команд из войск СС, им было приказано, как показали пленные, расстреливать на месте всех, кто попытается отходить назад или ослабить сопротивление. Нам предстояло брать с боем каждый окоп, каждую стрелковую ячейку, не говоря уже о кварталах населенных пунктов.

Ночь на 17 апреля мы использовали для перемещения артиллерии, перегруппировки войск и подготовки к штурму Зееловских высот.

На следующий день наступление началось в 10 часов 30 минут по московскому времени после тридцатиминутной мощной артиллерийской подготовки. Насыщенность огня была огромная. На каждом километре фронта дей-

ствовало свыше двухсот стволов орудий и минометов.

На правом фланге армии 4-й гвардейский стрелковый корпус был выведен на дорогу Гузов — Зеелов и получил приказ развивать наступление в направлении Герльсдорф, к исходу дня выйти на реку Флисс и форсировать ее. Вместе с ним наступал 11-й танковый корпус.

29-й гвардейский стрелковый корпус должен был прорвать оборону противника и овладеть населенными пунктами Лудвигслуст, Фридерсдорф, а в дальнейшем тоже выйти на Флисс и форсировать ее. Для обеспечения этого удара вводилась из второго эшелона 82-я гвардейская стрелковая дивизия 29-го гвардейского стрелкового корпуса, которая наносила удар из-за левого фланга 4-го корпуса в направлении Ворин—Янсфельде.

28-й гвардейский стрелковый корпус должен был овладеть районом Долгелина и в дальнейшем наступать через Литцен на Марксдорф.

Штурмовая авиация содействовала войскам армии в борьбе за Зееловские высоты и при форсировании реки Флисс.

На этот раз артиллерийская подготовка, проведенная в светлое время, оказалась значительно эффективнее, чем в первый день наступления.

Наибольший успех 17 апреля был достигнут на стыке с правым соседом. Там части 5-й ударной и 8-й гвардейской армий, прорвав оборону противника и отразив его контратаки, вышли на рубеж Альт-Розенталь — Гельсдорф — озеро Вайнтерг. Медленнее было продвижение на левом фланге, на стыке с 69-й армией, где 28-й корпус и части 1-й гвардейской танковой армии, отражая непрерывные вражеские контратаки, сумели овладеть только районами Долгелин и Либбеникен.

На защиту Зееловских высот противник бросил две дивизии из резерва — 28-ю моторизованную и 168-ю пехотную — и авиационный корпус противовоздушной обороны Берлина.

Лишь к исходу второго дня наступления армия овладела второй оборонительной полосой, захватила полностью Зееловские высоты и вышла из приодерской поймы.

Сосед справа — 5-я ударная армия форсировала реку Флисс и овладела районом Плоткова.

Сосед слева — 69-я армия продолжала вести бой за район Малькова.

За эти двое суток боев войска 8-й гвардейской армии,

как и всего 1-го Белорусского фронта, выполнили задачу только первого дня наступления. Такого упорного сопротивления противника мы все же не ожидали. В этой отчаянной борьбе чувствовалась решимость гитлеровцев драться за каждый метр, оставшийся до Берлина. Враг уже не мог маневрировать в глубину за счет территории. И он бросал в бой все, что у него имелось, лишь бы остановить наше наступление. Мы знали, что силы его на исходе, что неизбежен решительный перелом в нашу пользу. Поэтому на 18 апреля войска получили задачу не на захват большого пространства, а на перемалывание живой силы и техники противника на поле боя и в ближайшей глубине его обороны. Утром мы снова провели мощную артиллерийскую подготовку по планам командиров корпусов.

В этот день противник ввел в бой две свежие мотори-зованные дивизии — «Курман» и «Мюнхенберг» — и одну пехотную дивизию СС под командованием генерала Зайцерта. Завязались ожесточенные бои. Контратаки следовали одна за другой, особенно на левом фланге армии.

В районе Дидерсдорфа противник старался перерезать шоссе Кюстрин — Берлин, по которому двигалась основная масса техники и тылов 29-го гвардейского стрелкового корпуса и 1-й гвардейской танковой армии. Для ликвидации этой угрозы командиру 28-го гвардейского стрелкового корпуса было приказано ввести в бой 39-ю гвардейскую стрелковую дивизию, до этого следовавшую во втором эшелоне.

Передовой 117-й гвардейский стрелковый полк этой дивизии под командованием полковника Ефима Дмитриевича Гриценко вступил в ожесточенную схватку с кадровыми подразделениями противника и батальоном фольксштурма, которые стремились всеми силами добиться какого-либо успеха. Они бросались в контратаки из засад, устроенных на пологих западных скатах Зеловских высот, открывали пулеметный огонь из тщательно замаскированных укрытий, которые уже прошли наши войска, бросали гранаты и фаустпатроны из домов и различных построек, стоящих возле дорог и переездов. Полковник Гриценко нашел способ борьбы с такой тактикой врага. Он отказался от лобовых атак населенных пунктов и узлов обороны. Батальоны полка повзводно и поротно с минометами и легкими орудиями через пере-

лески, окольными путями пробирались в тыл и на фланги подразделений противника и навязывали невыгодный ему бой.

Моральное превосходство было на стороне советских воинов, и хотя соотношение сил на этом участке было не всегда в пользу полка Гриценко, гитлеровцы не выдерживали напора — сдавались в плен или панически отступали. Только за один день боя полк захватил около 100 пулеметов, 107 автомашин с различными военными грузами, взял в плен 315 солдат и офицеров.

Такой же тактики придерживался молодой и отважный командир 227-го гвардейского стрелкового полка 79-й гвардейской стрелковой дивизии подполковник Александр Иванович Семиков, о котором я уже рассказывал. Его полк действовал левее полка Гриценко. В боях за Долгелин подразделения Семикова сумели преодолеть очень сильный узел сопротивления противника на перекрестке железной дороги и шоссе Долгелин — Франкфурт. Пять закопанных танков стояли на пути полка. С ними не могли справиться ни тяжелые орудия, ни залпы «катюш». Броня этих танков прикрывалась штабелями дорожного булыжника. Семиков заслал к ним в тыл опытных саперов с фаустпатронами и взрывчаткой. После нескольких ударов танки прекратили огонь, их экипажи сбежали.

Вскоре на полк Семикова обрушился сильный артиллерийский удар, за ним началась яростная контратака пехоты, примчавшейся на автомашинах и броневиках. Сюда же прорвались с берлинских аэродромов немецкие истребители. Они сбрасывали бомбы в самую гущу столкнувшихся войск, обстреливали их из пушек и пулеметов без разбора, поражая и своих и чужих. После двухчасового боя полку Семикова с помощью соседей — танкистов 8-го гвардейского механизированного корпуса генерала И. Ф. Дремова — удалось опрокинуть противника. На поле боя осталось несколько сот убитых немецких солдат и офицеров, горело восемь броневиков и два сбитых самолета.

Были потери и с нашей стороны. Особенно нас огорчила весть о том, что тяжело ранен подполковник Семиков. Он находился в боевых порядках первого батальона, когда вблизи разорвалась бомба, сброшенная немецким самолетом. Крупные осколки раздробили ему правое бедро, перебили руку, плечо. К счастью, врачам удалось

спасти его. Правда, ему не пришлось участвовать в заключительном штурме Берлина, но он остался жив и до сих пор находится в строю.

Александр Иванович Семиков по нашему представлению получил звание Героя Советского Союза.

В результате боев 18 апреля войска армии заняли рубеж Требниц — Янсфельде. Сосед справа вышел на рубеж Марксвальде—Вульков. Сосед слева — 69-я армия— и на третий день наступления оставался на месте, поэтому левый фланг нашей армии растянулся и противник своими контратаками старался повернуть нас на юг, в сторону от Берлина. Чтобы этого не случилось, для прикрытия левого фланга армии были оставлены две дивизии 28-го гвардейского стрелкового корпуса.

Первая гвардейская танковая армия и 11-й танковый корпус, введенные в сражение командующим фронтом еще в первый день наступления, продолжали продвигаться в боевых порядках 8-й гвардейской армии. Это, конечно, не могло удовлетворить командование. Из штаба фронта посыпались тревожные телеграммы. Вот одна из них:

«Командующий фронтом приказал:

1. Немедля развивать стремительность наступления. Если допустить медлительность в развитии Берлинской операции, то войска истощатся и израсходуют все материальные запасы, не взяв Берлина.

2. Всем командирам находиться на НП командиров корпусов, ведущих бой на главном направлении. Нахождение в тылу войск категорически запрещаю.

3. Всю артиллерию, в том числе большой мощности, подтянуть к первому эшелону и держать ее не далее 2—3 км за эшелоном, ведущим бой. Действия артиллерии концентрировать на тех участках, где решается задача на прорыв.

Иметь в виду, что до самого Берлина противник будет сопротивляться и цепляться за каждый дом и куст, а потому танкистам, самоходчикам и пехоте не ждать, пока артиллерия перебьет всех гитлеровцев и предоставит удовольствие двигаться по чистому пространству.

4. Бейте беспощадно врага и двигайтесь вперед днем и ночью на Берлин, тогда Берлин очень скоро будет наш».

Наступление 19 апреля началось в полдень. До этого часа войска всего фронта подтягивали артиллерию и боеприпасы, проводили разведку, уточняя огневую систему Мюнхенбергского оборонительного рубежа. Командующий 1-й гвардейской танковой армией генерал Катуков с этого рубежа стремился прорваться на оперативный простор.

В 12 часов 30 минут войска армии на всем фронте двинулись вперед. В первой половине дня удалось овладеть опорными пунктами Донсдорф, Мюнхенберг, Белендорф. Противник на этом рубеже был разбит, остатки его войск отошли.

В боях за Мюнхенберг отличился 242-й гвардейский стрелковый полк 82-й гвардейской стрелковой дивизии, которым командовал гвардии полковник Иван Федорович Сухоруков. Участник битвы на Волге, опытный офицер, он принял смелое и глубоко продуманное решение. Полк подходил к Мюнхенбергу вдоль дороги, идущей от Одера. Здесь противник построил много оборонительных сооружений. Оставив на этом участке всего одну роту, Сухоруков демонстративно, на глазах вражеских наблюдателей, отвел главные силы полка назад, затем стремительным броском ворвался в лес, что севернее Мюнхенберга, и оттуда дружной атакой с фланга и с тыла устремился в город. Пехота действовала мелкими группами с танками и самоходными установками. Сам Сухоруков шел со стрелковым подразделением в центре полка. Уличный бой длился несколько часов. Осуществляя замысел командира, бойцы старались отрезать врагу пути отхода. Они пробирались на перекрестки улиц и открывали внезапный огонь, тем самым создавая видимость окружения. Гитлеровцы метались в поисках выхода. Этого и добивался Сухоруков. Дружной атакой главных сил полка он завершил разгром врага. Город был взят без больших потерь с нашей стороны.

После окончания боев за Мюнхенберг стало известно, что Иван Федорович Сухоруков тяжело ранен в грудь и в ногу. Узнав об этом от полкового врача, я приказал немедленно отправить полковника в госпиталь. По представлению командования армией ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Продолжая развивать наступление, войска армии

к исходу 20 апреля вышли на рубеж Гарцин—Кинбаум—Ениккендорф.

В лесах оказалось много минных полей и заграждений. Враг минировал дороги, мосты, не скупился на коварные «сюрпризы». На дорогах, в кюветах, в поле валялись якобы брошенные мотоциклы, велосипеды, оружие. Малейшее прикосновение к ним вызывало взрыв. Столкнулись мы и с «хитрыми» минами, которые пропускали танки с тралами. А следующие за ними машины подрывались.

Это требовало от войск сугубой осторожности, а от саперов — напряженной и самоотверженной работы.

Наконец удалось ввести 1-ю гвардейскую танковую армию в прорыв с рубежа Мюнхенберг — Белендорф. Танкисты сделали удачный рывок на Фюрстенвальде и Кинбаум, но развить дальше успех самостоятельно не смогли. Реки, болота, озера и леса сковали их маневр. Засевшие в лесах и в населенных пунктах фаустники били в упор по танкам. Стало очевидным, что успех наших танкистов возможен только при тесном взаимодействии со стрелковыми частями, и им было приказано снова войти в границы 8-й гвардейской армии, чтобы двигаться прямо на Берлин.

После падения Мюнхенберга сопротивление противника несколько ослабело. Потрепанные и понесшие потери немецкие части вынуждены были отходить под ударами наших войск. Однако впереди нас ожидали новые оборонительные рубежи, которые не удалось обнаружить нашей разведке заранее. Их предстояло прорывать с ходу.

За пять дней наступательных боев войска фронта разгромили и перемололи много немецких частей. Противник понес большие потери в живой силе и технике. Его войска, занимавшие пять полос обороны, и введенные в бой резервы — около пяти дивизий — были разгромлены и отброшены к Берлину. В боях за населенные пункты, лесные массивы, узлы дорог очень важную роль играл маневр таких подразделений, как рота, батальон. Они проникали в тыл противнику и атаковывали его там, где он не ожидал. Такой опорный пункт, как город Мюнхенберг, был взят благодаря маневру мелких подразделений, проникших на его западную окраину.

Боевые порядки пехоты максимально насыщались орудиями для стрельбы прямой наводкой, самоходными

орудиями, танками и инженерными подразделениями, что давало возможность непрерывно штурмовать оборону противника, уничтожая его узлы сопротивления, самоходки и танки, действовавшие в основном из засад.

К исходу 20 апреля для войск 1-го Белорусского фронта сложилась благоприятная обстановка. 2-я гвардейская танковая армия под командованием генерала С. И. Богданова на участке наступления 3-й ударной армии генерала В. И. Кузнецова прорвалась в район Бернау. Успешное наступление войск 3-й и 5-й ударных и 8-й гвардейской армий, завершивших прорыв четвертой полосы обороны противника, и выход частей 1-й гвардейской танковой армии в район Кагель-Фюрстенвальде — Книккендорф, куда вместе с танками прорвались части 28-го гвардейского стрелкового корпуса, вынудило гитлеровцев отказаться от контратак и контрударов. Теперь все свои силы враг сосредоточил на обороне Берлина.

Успешное наступление 1-го Украинского фронта и выход его войск в район Барут — Луккенвальде — Ютенборг заставило противника отказаться от обороны Одера и опорных узлов таких, как Франкфурт-на-Одере и Фюрстенберг. Враг пытался отвести отсюда свои части на запад, к Берлину, но это ему не удалось: они были окружены в районе Мюльрозе—Любен—Цоссен—Бад-Заров войсками армий генералов А. А. Лучинского и А. В. Горбатова. Это дало возможность нашим левым соседям — 33-й и 69-й армиям — продвинуться вперед, что облегчило положение левого фланга 8-й гвардейской армии.

Войска 2-го Белорусского фронта под командованием маршала К. К. Рокоссовского успешно форсировали Одер в районе Шведта и развивали наступление на Пренцлау.

В общем, операции трех фронтов развивались успешно, хотя и несколько замедленно. Одер остался позади, фронт противника был рассечен. Крупные силы врага окружены юго-восточнее Берлина.

Советские войска наступали на Берлин, на Эльбу.

АГОНИЯ

1

Выход наших войск 21 апреля на окружную берлинскую автостраду в районах Бернау, Петерсхаген, Рюдерсдорф, Эркнер, Бустенхаузен создали благоприятные условия для полного окружения фашистской столицы. С этой целью приказом командующего фронтом 8-я гвардейская армия была повернута на юго-восточную и южную окраину Берлина для окружения и штурма его с юга.

Делать крутой поворот такого войскового объединения, как армия, в условиях пригорода нелегко. Сложность заключалась в том, что многие части армии уже вклинились в городские кварталы и вели уличные бои. Круто повернуть — значит отпустить прижатого противника. Отпусти — и он, поднявшись, ударит в спину.

Чтобы этого не случилось и в то же время был выполнен приказ командующего фронтом, мы постарались сделать поворот пологим и незаметным для противника. Моим приказом 4-му гвардейскому стрелковому корпусу предписывалось продолжать наступление и штурм Берлина в общем направлении Петерсхаген — Ненсдорф — Зюденд; 29-му гвардейскому стрелковому корпусу — в направлении Кепеник — Букков; 28-му гвардейскому стрелковому корпусу в направлении Мюгтельхейм — Альт-Глинике — Рудов.

Если посмотреть на карту, то станет ясно, что части 8-й гвардейской армии, огибая Берлин с юго-востока и юга, двигались вперед и теснили противника на север, так чтобы он не смог ударить нам во фланг или сделать попытку соединиться со своей группировкой, окруженной в лесах юго-восточнее столицы.

Командирам корпусов и дивизий было приказано тянуть за собой тыловые части и подразделения в своих полосах наступления, несмотря на оставшиеся в тылу

группы гитлеровцев. Уничтожение этих групп возлагалось на тыловые подразделения.

Проводя перегруппировку и продолжая безостановочное наступление, войска армии готовились к форсированию рек Шпрее и Даме. Поэтому командиры дивизий подтягивали за собой и переправочные средства.

К исходу 22 апреля войска армии, прокладывая себе путь через восточные окраины Берлина, овладели пригородами Дальвиц, Шенейхе, Фихтенау, Рансдорф, Фридрихсхаген, Венденшлос. В этот день особенно сильное сопротивление встретили части 4-го гвардейского стрелкового корпуса в районах Каульдорфа и Карлсхорста. Фактически на этом направлении наступление приостановилось, а на левом фланге и в центре, в особенности на участке 28-го гвардейского стрелкового корпуса, войска продвинулись за одни сутки на 12—15 километров. Для наступления в городе такой темп можно считать высоким.

Командующий фронтом при повороте 8-й гвардейской армии на юго-запад и юг Берлина, приказал гвардейской танковой армии действовать в этом же районе совместно.

Перед танкистами 1-й гвардейской танковой армии стояла нелегкая задача. В уличных боях, когда площади и улицы пусты, когда противник организует свою оборону в зданиях, на чердаках и в подвалах, танкисты не видят противника, не могут проникнуть в здания, на чердаки и в подвалы. В то же время танки являются хорошей мишенью для бронебойщиков, вооруженных бутылками с горючей смесью и особенно реактивными гранатометами типа фаустпатрон. Это не значит, что танки и танкисты не нужны и не пригодны для городского боя. Я далек от подобной мысли. Они нужны, но не как самостоятельная сила, а для совместных действий с подразделениями других родов войск в штурмовых группах.

Только во взаимодействии со стрелковыми подразделениями, с артиллеристами, саперами и химиками танковые экипажи будут видеть, где их подстерегает опасность. Им подскажут об этом бойцы штурмовой группы. Подскажут и укажут — в каком здании, на каком этаже, чердаке и подвале засел противник, которого совместными усилиями надо уничтожить. И в этом тесном взаимодействии танки чаще всего должны использоваться как артиллерия на гусеницах, а танкисты, как артиллеристы под броневой защитой.

Не прерывая наступления в пригородах Берлина, мы на ходу перестраивали свои боевые порядки в системе штурмовых групп и отрядов. В ночь на 23 апреля никто в армии не отдыхал: слишком много было неотложных дел. Предстоял выход к Шпрее, затем Даме. По расчету штаба армии форсирование Шпрее было намечено начать утром 23 апреля, одновременно с мощной артподготовкой, которая будет длиться 30 минут. Дивизии должны выйти к реке и на приданных автомашинах-амфибиях (их у нас было 87), перебросить через реку свои передовые отряды и захватить переправы.

План форсирования был разработан детально. Казалось, мы все учли. Но на войне часто бывает, что планы выполняются не так, как намечалось. Ход событий все время вносит поправки. Так случилось и в ночь на 23 апреля. Пока размножался и рассылался приказ, части 28-го и 29-го гвардейских стрелковых корпусов вышли на берег Шпрее. Здесь бойцы нашли множество спортивных весельных и моторных лодок, а также несколько большегрузных барж. Командиры подразделений, не ожидая приказов и указаний, посадили своих людей на эти лодки и под покровом ночи форсировали Шпрее, а затем и Даме. Раньше всех переправились части 88-й гвардейской стрелковой дивизии под командованием генерал-майора Б. Н. Панкова. К рассвету они заняли пригород Фалькенбург.

Этому успеху мы обязаны инициативе командира второго стрелкового батальона 269-го полка 88-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии капитана Афанасия Ивановича Семакина. Кадровый офицер, участник многих боев, он и здесь, на подступах к Берлину, проявил лучшие командирские качества: смелость, большую волю, творчество в решении боевых задач. Батальон продвигался вперед от окружной Берлинской автострады через лесной массив. На пути встретился промежуточный рубеж обороны противника. В батальоне не было орудий и минометов. Ждать, когда подтянут орудия и другие средства усиления, Семакин не стал: противник мог отойти или навязать бой в наиболее выгодной для него обстановке. Надо было сразу, с ходу, внезапной атакой сбить его. Капитан Семакин так и поступил. Дружная атака развернутых рот, ринувшихся на противника из густого леса с разных сторон, так ошеломила его, что он не смог оказать организованного сопротивления. В ко-

роткой схватке батальон захватил в плен более ста вражеских солдат, уничтожил три бронетранспортера.

Как после выяснилось, это был заслон на пути к одной из переправ через Шпрее. Продвинувшись вперед еще на несколько сот метров, батальон вышел на берег реки. Очистив его от немногочисленных вражеских групп, советские бойцы вслед за своим командиром кто вплавь, кто на подручных средствах преодолели реку. И вот перед глазами немцев, находившихся на той стороне Шпрее, появились русские — босиком, многие в одном белье, но бодрые и стремительные. Их вид ошеломил врага больше, чем автоматные очереди.

— Они появились, как привидения! Пришлось отступать!..— рассказывал после пленный командир звена из батальона фольксштурма.

Этого и добивался капитан Семакин. Не давая противнику опомниться, он с несколькими автоматчиками ринулся в преследование. К вечеру, уже в сумерках, его батальон подошел к новому водному рубежу. Это была Даме. Ночью Семакин со своими бойцами форсировал ее. А вслед за этими смельчаками шли остальные батальоны и полки дивизии, закрепляя и развивая успех.

Правее, в районе Кепеника, действовали части 39-й гвардейской стрелковой дивизии. Полк подполковника Гриценко, выйдя к Шпрее, встретил сильное огневое сопротивление слева: противник преграждал путь к сохранившемуся автомобильному мосту. Гриценко решил захватить мост. Чтобы не привлекать к себе внимание врага, подполковник оттянул батальон в сторону и организовал демонстративную перестрелку в районе Кепеника. Находчивые воины создали впечатление, что там идет главный бой. И в самом деле в Кепенике шли уличные бои. Но там действовала мелкими группами лишь одна рота. Убедившись, что охрана моста успокоилась, Гриценко вызвал командира 5-й стрелковой роты старшего лейтенанта Николая Балакина и приказал с наступлением темноты переправиться на подручных средствах на западный берег, скрытно пробраться в тыл охране моста и атаковать ее.

Рота Балакина, действуя мелкими группами, совершила ночную вылазку в тыл противника, уничтожила гитлеровцев, оборонявших мост. Воспользовавшись этим, Гриценко поднял основные силы полка. Мост в полной сохранности попал в наши руки. Мины и фугасы, зало-

женные под опоры его ферм, были сняты, и вся дивизия с артиллерией и танками перешла через реку, оставив небольшие силы для окончательного уничтожения осажденного гарнизона противника в Кепенике.

В эту же ночь части 29-го гвардейского стрелкового корпуса, сняв охрану железнодорожного моста в районе Адлерсхофа, также переправились через Шпрее. Им удалось захватить большой плацдарм на западном берегу и занять еще один шоссейный мост через Даме.

Не могу не отметить мужество и отвагу командира 82-й дивизии генерал-майора Михаила Ильича Дука. При форсировании Шпрее он с передовыми подразделениями подошел к берегу. Когда разведчики, которым предстояло преодолеть водный рубеж вплавь, немного оробели, Дука сбросил с себя китель, разулся и первым бросился в реку. Холодная весенняя вода не остановила его. Подплыв к противоположному берегу, он отцепил там две лодки и перегнал их на наш берег. Разведчики поспешили за командиром. Вскоре вся дивизия — кто на лодках, кто вплавь — форсировала реку.

Так по инициативе командиров подразделений, частей и соединений 28-го и 29-го гвардейских стрелковых корпусов задача была выполнена раньше, чем планировалось штабом армии, почти без потерь, с меньшими затратами сил и средств.

Для переправы танков, артиллерии, обозов навели дополнительные понтонные мосты и 23 апреля вся масса войск двух корпусов стремительно двинулась к Берлину. К концу дня соединения армии овладели пригородами Берлина и вели бои западнее реки Даме. Сопротивление противника на этом участке было сломлено.

В городском бою противник часто появляется там, где его не ожидаешь. В тылу наших войск он оставлял специальные группы диверсантов, которые, притаившись в подвалах, пропускали мимо себя передовые наступающие части и даже резервы, а затем нападали на наших воинов. Это делалось, чтобы посеять панику в тылу и тем самым сковать или затормозить действия передовых частей. Для борьбы с такими группами создавались команды охраны тылов.

24 апреля войска армии продолжали наступление на всем фронте, отбрасывая противника к центру города. В этот день в районе аэропорта Шеневейде соединились войска 8-й гвардейской армии с войсками 1-го Украин-

ского фронта. Тем самым берлинская группировка противника была рассечена на две части: берлинскую и франкфуртско-губенскую. Это дезорганизовало управление гитлеровскими войсками. На правом фланге части 4-го гвардейского стрелкового корпуса, форсировав Шпрее, заняли Шеневейде, Дам-Форштадт, Нидер. На левом фланге части 28-го гвардейского стрелкового корпуса вышли к каналу Тельтов, овладев городскими районами Бриц, Буков, Рудов. Части 29-го гвардейского стрелкового корпуса очистили от противника районы Иоганисталь, аэропорт Адлерсхоф. У канала Тельтов наши соединения встретились с новыми войсками 1-го Украинского фронта. Это означало полное окружение Берлина. Сильная группировка противника в составе 9-й полевой и 4-й танковой армий — всего 30 дивизий,— действовавших юго-восточнее Берлина, оказалась в кольце наших войск. В связи с этим 8-я гвардейская армия, в полосе наступления которой действовали переправившиеся соединения 1-й гвардейской танковой армии, приказом фронта была повернута на северо-запад — на центральную часть Берлина.

Соединением войск двух фронтов и окружением Берлина завершался основной этап Берлинской операции. Регулярные войска фашистской Германии были разбиты, сплошной фронт противника прорван на многих участках, его крупные силы были окружены и добивались по частям.

Резиденцию германского генерального штаба, находившуюся в районе Цоссен, захватили части 1-го Украинского фронта, окончательно нарушив управление вражескими войсками.

Советские войска, не участвовавшие в окружении Берлина, наступали к Эльбе, навстречу западным союзникам. Дни третьего рейха были сочтены. Это чувствовали все — от рядового до генерала.

25 апреля на Эльбе, в районе Торгау, части 58-й стрелковой дивизии 1-го Украинского фронта встретились с патрулями 69-й пехотной дивизии 1-й американской армии. Третий рейх был прорублен насквозь, воины двух союзных государств, объединившихся в борьбе против общего врага, солдаты и офицеры США и СССР, пожали друг другу руки.

Осталось сделать еще один шаг — взять Берлин и на этом закончить войну. И этот шаг предстояло сделать

советским войскам. Шаг трудный и ответственный. Ведь в Берлине скопилась вся нацистская нечисть, здесь находился мозг фашистского третьего рейха, здесь еще продолжал жить и действовать главарь фашистской империи — Гитлер со своей ставкой. Предстояло заставить врага силой оружия принять условия безоговорочной капитуляции. Безоговорочная капитуляция — так записано в Ялтинской декларации великих держав антигитлеровской коалиции. Достигнуть этого можно было только решительным и мощным штурмом Берлина. Эта честь выпала на долю 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов.

2

И опять, в который уже раз, вставал все тот же вопрос передо мной и моими товарищами. На что рассчитывают правители Германии? Теперь ожидать было нечего, теперь уже и никакое секретное сверхоружие не могло спасти от поражения остатки немецкой армии, остатки армии призрачного, эфемерного, недавно еще жестокого и могущественного третьего рейха.

Основные группировки врага рассечены, развеяны, сопротивление идет по последним рубежам обороны, по крепостям, в дотах, в подземных убежищах, в подвалах зданий, в городских кварталах. До сведения немецкого правительства доведено по всем доступным для того времени каналам, что выход из войны один: безоговорочная капитуляция!

Еще можно спасти жизни сотням, тысячам, десяткам тысяч немецких юношей, немецких солдат, кого судьба пока пощадила в эту длинную и безысходную для них войну. На одной чаше весов жизнь сотен тысяч немцев, угроза разрушения новых и новых городов, на другой — жизнь нескольких авантюристов.

Жизнь свою Гитлер, Геббельс, Геринг, Гиммлер, Борман ставят и ценят превыше всего... Уже и немецкие генералы внутренне готовы склонить голову и согласиться, что все проиграно, однако Гитлер держит их в повиновении и бросает в кровавую мельницу новые и новые жизни.

Начинается агония фашистского режима, агония его вождей, она раскрывает перед всем миром их жестокость и трусость, их эгоизм и подлость...

Я солдат. За моей спиной длинная череда прожитых лет. Повечерел мой век. В моей военной жизни, которая началась на фронтах гражданской войны, мне довелось много повидать и немало испытать. Как с чисто военной, профессиональной точки зрения я теперь, на закате своей жизни, могу оценить все, что происходило весной сорок пятого года под Берлином. Ни малейшей возможности, ни малейшей надежды вести какое-либо сопротивление с надеждой на успех, противник наш не имел.

Передо мной дневник ОКВ, который велся по указанию генерал-полковника Йодля с 1938 года. Особенно интересны для нас описания последних дней существования фашистской Германии.

22 апреля 1945 года около 15 часов в имперской канцелярии в последний раз проводится большое оперативное совещание. На этом совещании, которое вел сам Гитлер, он в первый раз высказывается о том, что война проиграна.

Советские войска к этому времени вышли с севера, востока и юга к берлинскому кольцу автострады. Гитлер решает остаться в Берлине и принимает предложение начальника штаба оперативного руководства Йодля снять с Западного фронта все войска и бросить их в бой за Берлин.

Во исполнение этого решения Йодль особой директивой 24 апреля предписывает командующим группами армий бросить все имеющиеся в их распоряжении силы против смертельного врага — большевизма. При этом он указывает, чтобы они не обращали внимания на то, что англо-американские войска могут овладеть значительной территорией на западе.

В то же время, как упоминается в дневнике, Гитлер, очевидно, пришел в себя после потрясений на совещании 22 апреля и в 19 часов 15 минут дает телеграмму гросс-адмиралу Деницу, в которой называет сражение за Берлин «битвой за судьбу Германии».

Он приказывает гросс-адмиралу Деницу отказаться от выполнения всех задач, стоящих перед военно-морским флотом, и заняться переброской войск по воздуху, водным путем и по суше в город для усиления войск, сражающихся за Берлин.

В связи с этим все остальные задачи и другие фронты, по его мнению, имеют второстепенное значение.

В этом дневнике упоминается, что 22 апреля Гитлер

высказывает свое решение покончить жизнь самоубийством.

Но сказать — это еще не значит сделать. Какие-то смутные, невыраженные надежды, как призраки, роятся в воспаленном мозгу диктатора. Куда все ушло? Куда все исчезло? Где эти толпы коленопреклоненные, неистово аплодирующие, выкрикивавшие через каждые два слова его имя? Он клялся бросить к их ногам весь мир. Они клялись умереть за него... Неужели не найдется сегодня миллиона немецких юношей, чтобы сжечь себя на костре во имя спасения жизни фюрера? И Гитлер безжалостно бросает в бой безусых юнцов, гимназистов, обрекая их на смерть под артиллерийским огнем, под гусеницами танков.

Гитлер сидел в бункере, но он не мог не знать, что происходит в Берлине. Он не мог не знать, что паника и растерянность последних дней смешали все пути и дороги в Германии, что миллионы жителей Берлина не смогли эвакуироваться из города. Но диктатор не принимал во внимание ничего, кроме собственной жизни...

А где же войска, где остатки легионов третьего рейха?

9-я армия Буссе отрезана от столицы, ее уничтожают и пленяют по частям.

Генерал-фельдмаршал Кейтель и генерал-полковник Йодль начинали вместе с фюрером военное преступление. Они послушно ищут исчезающие войска, пытаясь найти их по рации, с помощью посыльных. Они, как няньки у постели невменяемого, спешат его утешить рассылкой радиограмм. А может быть, этим они утешают и сами себя, трезвые аналитики прусской военной школы? Что же им остается делать?

Идет приказ армиям третьего рейха деблокировать Берлин... Этот приказ неустанно повторяют еще оставшиеся в руках нацистов радиостанции, он несется по телефонным проводам.

Армия Венка двигалась с запада на Берлин. Ее встретили в предместьях Берлина наши войска, наступавшие на Эльбу, и рассеяли.

28 апреля в руках Гитлера остается маленький клочок земли — Тиргартен и правительственные здания. Фашистский режим при последнем издыхании... Это уже не человеческие голоса, это бормотание маньяков. Начальник штаба сухопутных войск Германии генерал-полков-

ник Кребс передает генерал-фельдмаршалу Кейтелю приказ фюрера:

«Фюрер требует, чтобы ему, как можно скорее, оказали помощь. У нас в распоряжении самое большее 48 часов времени. Если к этому моменту помощь не будет оказана, то будет поздно. Фюрер просит еще раз сказать вам об этом».

Кейтель пытается успокоить... Себя или фюрера? Это уже сейчас безразлично. Они все погружаются в мираж желаемого... Они все еще играют в оловянные солдатики.

Кейтель пишет ответ: «Венк и Буссе наступали, можно достичь успеха в результате удара на север...»

Им видятся еще удары, и рука чертит на картах разноцветные стрелы, аккуратно и красиво...

В 5 часов утра из штаба 9-й армии генерала Буссе поступает донесение: «Прорваться не удалось. Передовые танковые подразделения вопреки категорическому приказу, очевидно, прорвались на запад либо уничтожены. Остальные силы ударной группы понесли чувствительные потери и остановлены...»

Все в этом мрачном донесении было преувеличено. Картина была более ясной. Наши войска в это время по частям методично уничтожали тех, кто не сдавался в плен из армии Буссе и брали в плен его солдат, сложивших оружие.

И этого еще мало Гитлеру. Он уже держится не за власть... За призрак власти! Не уходит с политической арены. Он готов за одну свою жизнь отдать жизнь всей нации. Из его бункера следует новый приказ. Он приказывает войскам, действующим между Одером и Эльбой, не теряя времени, со всех сторон перейти в наступление на Берлин в тыл нашим частям, ворвавшимся в Берлин. Но войск между Одером и Эльбой, которые могли бы услышать призыв фюрера, уже нет. Там остались разрозненные бродячие группы солдат, эсэсовцев, потерявших человеческий облик от страха перед возмездием за свои преступления, сошедших с ума от грохота, огня и крови...

29 апреля в 23 часа Гитлер запрашивает генерал-полковника Йодля: «Где передовые части армии Венка? Когда они возобновят наступление? Где находится 9-я армия? Куда должна прорываться 9-я армия?»

Йодль уже ничего не мог ответить своему фюреру. Он и сам не знал, где армии, что с ними, что происходит. Он ждал с часа на час конца...

30 апреля в 18 часов 35 минут гросс-адмирал Дениц получил из Берлина радиограмму: «Гросс-адмиралу Деницу. Вместо назначенного ранее рейхсмаршала Геринга фюрер назначает Вас, господин гросс-адмирал, своим преемником. Письменное полномочие выслано. Вам надлежит немедленно принять все вытекающие из настоящего положения меры. Борман».

Эта радиограмма знаменательна и другим. Это последний ход в игре Геббельса и Бормана. Гитлера нет, Гитлер устраняется или устранен, власть переходит к генералитету... Может быть, с генералами союзники пойдут на переговоры? А вдруг, да чудо свершится?

Гитлер знал, что Союзные Нации готовят суд над ним и его ближайшими приспешниками. Но фюрер не воспользовался последней возможностью предстать перед судом народов, чтобы на суде публично, перед всем миром, защитить свои идеи, защитить свое «право» уничтожать миллионы людей, нации, стирать с лица земли государства, города, жилища людские, жечь, казнить и уничтожать... Все это им провозглашалось под защитой оружия коричнерубашечников, государственной полиции, под защитой армии, под защитой германского генералитета. Ему предоставлялась историей трибуна, чтобы все это провозгласить перед законами, выработанными человеческой цивилизацией...

Он сбросил со своих плеч ответственность...

Мы, советские воины, пришли в Берлин не ради разрушения и убийства. Мы прошагали свой трудный путь, освобождая родную землю и братские народы от фашистских захватчиков. И дошли до Берлина, чтобы покончить с фашистским режимом в Германии и тем самым навсегда уничтожить опаснейший очаг агрессии.

Жертвы на войне неизбежны. Но их было бы меньше, если бы Гитлер и его подручные думали о благополучии нации...

И в первые часы штурма Берлина фашистские главари могли отдать приказ о прекращении сопротивления. Бомбы и снаряды остались бы лежать на складах. Сотни тысяч жителей были бы спасены.

Сейчас нет объективных свидетелей, которые могли бы рассказать правду о последних днях и часах третьего рейха. Никого из его главарей не осталось в живых. Известно, что в двадцатых числах апреля Геринг и Гиммлер вступили в переговоры с англичанами и американцами,

добиваясь, даже ценой физического устранения Гитлера, сепаратного мира или перемирия. По своей ли инициативе они выступали как «спасители Германии от коммунизма» или были посланы самим Гитлером — ответить трудно. Это осталось тайной. Мне скажут, что на Нюрнбергском процессе отчасти прояснились события последних дней третьего рейха. Но Гитлер, Геббельс и Гиммлер еще до начала суда были мертвы, а Геринг давал уклончивые показания, а затем покончил жизнь самоубийством. Вполне возможно, что тайну последних дней жизни верхушки третьего рейха они унесли с собой в могилу.

Есть завещание Гитлера, в котором он перед смертью исключил из партии Геринга и Гиммлера...

Есть такое завещание. Я первый получил этот документ из рук начальника штаба сухопутных войск генерала Кребса, держал в руках последнее письмо за подписью Геббельса и Бормана. Но я, получив устные и письменные сообщения о смерти Гитлера, не верил в его смерть, пока наши воины не увидели его обгоревшего трупа во дворе имперской канцелярии. По словам Кребса и по письму Геббельса и Бормана, Гитлер покончил с собой 30 апреля, тут же был завернут в ковер, облит бензином и сожжен. Об этом также пишет шофер и адъютант Гитлера подполковник Кемпка в своей книге «Я сжег Адольфа Гитлера».

Не могут считаться достоверными показания Э. Кемпка о гибели Бормана под гусеницами танка, когда группа фашистов пыталась прорваться на запад. После войны в различных печатных изданиях не раз появлялись сообщения, что Борман уцелел, что он сделал пластическую операцию и скрывается где-то в Южной Америке... Генерал Гелен, до недавнего времени руководивший разведкой ФРГ, а в годы войны гитлеровской армейской разведкой на Восточном фронте, придерживается версии, что Борман остался жив...

ШТУРМ

1

25 апреля 1945 года начался штурм столицы третьего рейха.

Еще до начала нашего штурма Берлин был разрушен американской и английской авиацией.

К концу апреля гарнизон Берлина был охвачен стальным кольцом наших войск. Мы понимали, что там, в центре Берлина, зарылись в каменные руины не просто солдаты, что там сосредоточились фашистские маньяки, преступники, которые обагрили свои руки невинной кровью. Им было безразлично, где умирать, в Берлине под пулями русских войск или со скамьи подсудимых идти на смертную казнь. Фанатиков, связавших насмерть свою жизнь с фашистским режимом, было тогда в Германии еще достаточно. Железнодорожные вокзалы, каменные дома, 113 станций метро, десятки железобетонных оборонительных сооружений были насыщены оружием всех систем.

В ночь перед штурмом я побывал на огневых позициях артиллеристов. Они готовились к открытию огня по Берлину, и мне хотелось посмотреть результаты пристрелки и просто оставить в своей памяти первый выстрел последнего нашего удара по третьему рейху. На батарею тяжелых орудий меня провел командующий артиллерией армии генерал-лейтенант Пожарский.

Низко плыли черные лохматые тучи. Шел небольшой дождь. Земля, казалось, дремала, изредка вздрагивая от далеких взрывов.

Батарея расположилась на лужайке возле леса. Артиллеристы развернули свои тяжелые пушки и ожидали команды. Стволы орудий наведены на Берлин. Батарейцы стояли под дождем у лафетов пушек и всматривались вперед, словно сквозь пелену дождя можно было разглядеть тех, кто зажег пожар этой войны. На груди у батарейцев медали «За оборону Сталинграда».

Вот стоят лучшие наводчики младшие сержанты Куприян Кучеренко и Дмитрий Лапшин — парторг и комсорг батареи. Стоит у орудия командир расчета кавалер ордена Красной Звезды и Славы III степени сержант Иван Тарасов... О чем мог думать сейчас этот человек, у которого гитлеровцы убили родного брата?

Все готово к стрельбе.

— По укреплениям проклятого Берлина, огонь!

Тяжелые снаряды полетели, со свистом разрезая воздух. Трасса проложена!

Утром я поднялся на свой наблюдательный пункт. Он находился в большом пятиэтажном доме вблизи аэродрома Иоганнисталь. Из угловой комнаты со щербатым проломом в стене был виден Берлин, точнее, его южная и юго-восточная часть. Весь город охватить взглядом невозможно, он раскинулся по обе стороны Шпрее на несколько десятков километров. Крыши, крыши, нет им конца, тут и там провалы: следы фугасных бомб. Вдали заводские трубы, шпили кирх. Парки и скверы, уже одетые молодой листвой, издали кажутся очажками зеленого пламени. Вдоль улиц стелется утренний туман, смешанный с неосевшей пылью после ночного артиллерийского налета. Местами туман перемежается с черными полосами густого дыма. А где-то в центре поднимались к небу желтые взлохмаченные султаны взрывов: тяжелые бомбардировщики уже начали обработку главных объектов предстоящей атаки.

И вдруг под ногами дрогнул и закачался пол. Тысячи орудий возвестили начало штурма.

Я смотрю сквозь пролом в стене: вон городские оборонительные обводы, построенные вдоль каналов Тельтов, Хафель, Тегель, по железнодорожным путям, огибающим центр города. Здесь что ни дом — то крепость. А там, где поднимаются стены старого Берлина, проходит самый мощный оборонительный рубеж нацистов. Канал Ландвер и крутая дуга Шпрее с высокими бетонированными берегами прикрывают все правительственные учреждения, в том числе имперскую канцелярию и рейхстаг.

С наблюдательного пункта мне видно, какая мощь огня обрушилась на вражеские позиции. Рушатся стены домов с окнами, превращенными в амбразуры, взлетают на воздух завалы и баррикады, перегородившие улицы. Бессмысленно умирают тысячи и тысячи немцев, которым

Гитлер вручил оружие и заставил идти под губительный огонь, на гибель, на смерть.

25 апреля 8-я гвардейская армия повела наступление на центр Берлина с юга. Войска перестроились в штурмовые группы и штурмовые отряды. В состав этих подразделений включились танки, орудия всех калибров, вплоть до большой мощности, саперные и минометные подразделения. Тем штурмовым группам и отрядам, которым предстояло преодолевать водные препятствия, придавались переправочные средства. Шаг за шагом гвардейцы овладевали все новыми кварталами фашистской столицы.

Наступление шло беспрерывно днем и ночью, без передышек — в этом, собственно, главный смысл штурма. Мы двигались к Тиргартену вдоль западного берега Шпрее. Если посмотреть на карту, то будет видно, что полоса наступления армии постепенно сужается и к центру Берлина напоминает остро заточенную пику. Все войска, окружавшие Берлин, а именно: 2-я гвардейская танковая, 3-я и 5-я ударные, 8-я гвардейская армия 1-го Белорусского фронта, принимавшие непосредственное участие в штурме, имели такие конусные полосы наступления: они наносили концентрический удар. В полосе наступления 8-й гвардейской наступали также части 1-й гвардейской танковой армии Катукова.

Теперь мы уже выработали тактику применения крупных танковых частей в городском бою. Сначала танки двигались по улицам города целыми колоннами. Это приводило только к отрицательным результатам. Танковые колонны, растянувшись вдоль улиц, создавали заторы, загорались, как факелы под фаустпатронами. Воспламенится головной танк — и остальным некуда деваться: подставляй бок под удар фаустпатрона и гори... Поэтому в первый же день штурма наши танкисты перестроили боевые порядки. Они установили тесное взаимодействие с пехотинцами, артиллеристами, саперами. В результате потери бронированных машин сократились до минимума, и славные гвардейцы генерала Катукова закончили свой победный путь в Тиргартене, в центре Берлина. Танкистов и пехотинцев соединило настоящее боевое братство.

Бой в городе, да еще в таком крупном, как Берлин, значительно сложнее боя в полевых условиях. Влияние штабов и командиров крупных соединений на ход боевых

действий здесь значительно меньше. И поэтому очень многое зависит от инициативы младших командиров подразделений и каждого рядового. Городской бой развивается по своим законам, которые необходимо постоянно иметь в виду.

Городской бой — это огневой, ближний бой, где на короткие расстояния ведут огонь не только автоматы, но и артиллерийские мощные системы и танковые пушки — они стреляют на считанные десятки метров. Противник укрыт в подвалах и зданиях. Только покажись, раздадутся выстрелы и разрывы ручных гранат.

Наступление в городе ведется скачками, от одного занятого здания к другому. Но эти действия идут на широком фронте, на каждой улице.

Для обороняющихся главное — удерживать в своих руках наиболее прочные и приспособленные к обороне здания и кварталы. Потеря каждого объекта — это потеря целого опорного пункта или позиции.

Управление войсками в таком бою строится главным образом на основе глубокой веры в ум и способности командиров и бойцов каждого подразделения, которые, зная общую задачу полка и дивизии, должны решать задачи самостоятельно. Штабы соединений и частей, их офицеры вплотную приближаются к объектам боевых действий, обеспечивают связь, главным образом по радио, координируют действия штурмовых отрядов, организуют сбор разведывательной информации, тщательно следят за обеспечением снабжения боеприпасами, продуктами питания и устанавливают единые знаки сигнализации в дневное и ночное время. Главная задача командиров и штабов в городском бою — это организация теснейшего взаимодействия всех родов войск в таких звеньях как взвод, рота и батальон, из которых создаются штурмовые группы и отряды.

Таким образом, роль командиров среднего звена, боевая инициатива рядового и сержанта в городском бою приобретают первостепенное значение. Они решают тактические задачи, которые порой перерастают в оперативные, и от них целиком и полностью зависит успех всего сражения. Именно здесь, в городском бою, рядовой воин поднимается во всем своем величии и силе не только перед противником, который отступает или сдается на милость победителя, но и перед своим командованием — офицерами и генералами, начальниками всех степеней,

вплоть до Военного совета армии. Он — главный исполнитель не только тактического, но и оперативного замысла. Ум и воля его в бою достойна глубочайшего внимания и величайшего доверия.

В первый день штурма войска армии продвинулись к центру города на три, а на отдельных участках на четыре километра. Части, действовавшие на правом фланге, вышли к каналу Брицер-Цвейг, что около Трептов-парка впадает в Шпрее. Левый фланг и части, действующие на направлении главного удара, заняли городские районы Бриц, Мариендорф и продолжали движение вдоль канала Тельтов.

Почти на всех направлениях схватки носили исключительно ожесточенный характер. Стало совершенно ясно, что противник долго и обстоятельно готовил город к обороне. Каждый квартал был до предела насыщен огневыми точками и гнездами фаустников, которые приспособили балконы и окна верхних этажей для ударов сверху по танкам и скоплениям людей.

В Берлине много железных дорог, они пересекают город в разных направлениях и являются очень удобными оборонительными позициями. Подступы к вокзалам, мостам, переезды были превращены в мощные опорные пункты. Каналы стали рубежами, на которых противник старался сорвать наше наступление.

Нелегко действовать в таких условиях.

Штурмовым отрядам младшего лейтенанта Василия Черняева из 220-го гвардейского полка 79-й гвардейской стрелковой дивизии предстояло выбить противника из большого каменного дома, расположенного на перекрестке улиц Альт-Маркен и Таркендорфштрассе. Фашисты сильно укрепили его. В подвале они установили мелкокалиберную пушку и поместили автоматчиков. На втором этаже находились стрелки и станковый пулемет. Гарнизон дома имел огневую связь с соседним домом.

Командиру станкового пулемета Николаю Власенко и двум расчетам противотанковых ружей лейтенант Черняев приказал бить по окнам здания. Одновременно 45-мм пушка сержанта Петра Василевского должна была уничтожить вражеский пулемет, а затем бить по вновь появляющимся огневым точкам.

Бронебойщики, пулеметчики и артиллеристы открыли огонь. Гитлеровцы попрятались за стены здания и на

время ослабили стрельбу. Этим воспользовались наши бойцы. Стреляя на ходу, штурмовая группа сержанта Ивана Трубачева первой приблизилась к дому. Бойцы метнули в двери и окна подвала гранаты и, ворвавшись на первый этаж, перебили расчет вражеской пушки и автоматчиков. Вслед за штурмовой группой Трубачева ринулись бойцы группы закрепления успеха под командой сержанта Федора Никитина. Перед тем как проникнуть в одно из помещений, Никитин осторожно приоткрыл дверь и метнул гранату. Несколько гитлеровцев было убито, а уцелевшие отступили. Прокладывая себе путь гранатами и очередями из автомата, гвардейцы выбили фашистов из остальных комнат.

А в это время штурмовые отряды лейтенанта Михаила Белявского и младшего лейтенанта Виктора Романова, взаимодействуя с минометчиками и артиллеристами, заняли второй угловой дом.

Исход уличного боя решает упорство, инициатива и умелые действия мелких штурмовых групп. Несколько бойцов, вооруженных гранатами, автоматами, винтовками, при поддержке пулеметов и минометов, стремительно атакуя противника, всегда добьются успеха. Нужно только помнить: пробираясь вперед, избегай движения по прямым улицам, используй проломы в домах, черные ходы, калитки, дворы и закоулки на задворках. Противник, как правило, минирует отдельные здания и промежутки между ними, закладывает фугасы на улицах, мины и «сюрпризы» в домах. Мы учили бойцов: перед тем как продвигаться вперед, произведи тщательную разведку, разузнай все как следует, а потом действуй смело, наверняка. Каменные строения, которые немцы обороняют особенно упорно, надо разрушать огнем минометов и орудий, а их гарнизоны уничтожать ручными гранатами.

Если подразделение атакует квартал, то его необходимо разбить на части, изолировать друг от друга гарнизоны противника. Атака дома или квартала производится одновременно с нескольких сторон. Приданные танки и самоходные пушки прямой наводкой должны подавлять в первую очередь те огневые точки, которые мешают продвижению штурмовых групп.

Штурм городов для гвардейцев нашей армии не новое дело. Используя накопленный опыт, они смело и решительно продвигались вперед.

На пути к аэродрому Темпельхоф предстояло форсировать канал Тельтов. Первым прорвался к берегу канала штурмовой отряд 39-й гвардейской стрелковой дивизии во главе с лейтенантом Дмитрием Нестеренко. Дым от пожаров окутал прибрежные постройки так, что трудно было разглядеть противоположный берег. Значит, решил Нестеренко, и противник, находящийся на той стороне, не видит нашей стороны канала. Лейтенант приказал первой штурмовой группе переправиться через канал и овладеть многоэтажным домом на противоположном берегу. Мост через канал был взорван и осел в воду. Однако пробраться по уцелевшим фермам все же было можно, если бы не огонь фашистских пулеметчиков и снайперов, которые усиленно обстреливали это место.

Тогда Нестеренко приказал артиллеристам дать огневой налет по домам. Метко пущенные снаряды заставили фашистские огневые точки умолкнуть, и штурмующая группа во главе со старшим сержантом Андреем Анисьевым бросилась через мост. Командир группы первым подбежал к дому и метнул гранату в окно, откуда строчил фашистский пулеметчик. Тот умолк. Бросив в окно еще две гранаты, Анисьев вбежал в дом и очистил от гитлеровцев три комнаты.

Натиск гвардейцев был стремителен, действовали они умело. Каждую комнату, каждый коридор автоматчики сначала прочесывали огнем, а потом уже устремлялись вперед. Фашисты не выдержали такого стремительного удара и побежали. Группа закрепления открыла по ним сильный огонь. Под его прикрытием бойцы Анисьева ворвались в соседнее здание и овладели им.

А вот еще одна страница в истории подвигов воинов 8-й гвардейской армии. Ее вписал связист старшина Алексей Бурмашев. Алексея Бурмашева я знал хорошо, встречался с ним на Днепре, на Висле и на Одере. Это был плечистый, скуластый сибиряк. Это он на Шпрее сказал товарищам, глядя на ее мутные, холодные воды:

— Не такие переходили... И эту, конечно, одолеем!

На берегу, у причала на волнах качались лодки, которые немцы не успели уничтожить при отступлении. Взвод связи гвардии старшины Бурмашева воспользовался ими.

Враг упорно сопротивлялся. Снаряды и мины, падая

в реку, поднимали пенистые столбы. Шипели осколки, падая в воду. Маленькая рыбачья лодка, на которой плыли гвардии старшина Бурмашев и телефонист Кошелев, казалось, вот-вот перевернется. Но она прошла сквозь огонь и тяжело ударилась в берег. С винтовками и катушками в руках Бурмашев и Кошелев выпрыгнули на землю и тут же начали тянуть провод. Немцы, заметив телефонистов, обрушили на них артиллерийский огонь. Убит Кошелев. Бурмашев то ползком, то бегом под яростным обстрелом противника тянул за собой кабель. И вскоре на командном пункте услышали его голос:

— «Орел», «Орел», вы меня слышите? Это я — «Рябина»...

А затем полк вступил в Берлин. Шел упорный бой за центральный аэропорт Темпельхоф. Гвардии старшину Бурмашева видели на телеграфных столбах, на крышах горящих зданий, в темных, сырых подвалах. Вместе со своими бойцами он оперативно обеспечивал подразделения связью. Неимоверная сила воли и мужество должны быть у человека, чтобы в вихре осколков взбираться на вершину столба и соединять там провода! С катушкой кабеля Бурмашев бежал по улице. По нему со всех сторон били немецкие автоматчики и минометы.

Осталось десять метров до здания, где вели бой наши штурмовые группы. И здесь осколок впился в грудь гвардейцу. Зажав рукой рану, Бурмашев добежал до здания, крикнул:

— Держите связь! — и упал на мостовую.

Это были последние метры из тысячи километров телефонной связи, проложенной Бурмашевым за годы войны. И эта последняя нитка пролегала по улицам германской столицы. По ней вскоре понеслась радостная весть: «Аэродром окружен со всех сторон!»

А надо сказать, что захват аэропорта Темпельхоф имел очень большое значение для всего сражения за Берлин. Это была последняя площадка в Берлине, с которой могли взлететь самолеты. И, разумеется, противник делал все, чтобы удержать в своих руках это единственное окно в воздух. Аэродром обороняли зенитные части, отряды войск СС и танки, расставленные скобой по кайме взлетного поля с юга и востока. Большинство танков было закопано в землю, превращено в неподвижные огневые точки. Судя по всему, берлинский гарнизон остал-

ся без запасов горючего для танков: весь бензин, как показали пленные танкисты, забрали летчики для своих самолетов.

По показаниям пленных, в подземных ангарах стояли самолеты, полностью заправленные, готовые к взлету в любую минуту. Возле них круглые сутки дежурили экипажи. В их составе были летчики и штурманы, которым в прошлом доверялось перебрасывать по воздуху в разные концы Германии Гитлера, Геббельса, Бормана и других главарей третьего рейха. Можно было заключить, что Гитлер и его соратники еще находятся в Берлине. Нельзя было дать им ускользнуть через это единственное окно! Перед полками 39-й и 79-й гвардейских стрелковых дивизий была поставлена задача — взять аэродром в кольцо. Артиллеристам приказали держать под огнем взлетные площадки. Мы не знали точные координаты выходных ворот из подземных ангаров, поэтому штурмовые отряды, усиленные танками, нацеливались на то, чтобы перерезать огнем пулеметов пути к взлетным полосам и таким образом закупорить под землей самолеты.

План удался как нельзя лучше. С вечера 25 апреля ни один самолет здесь не взлетел. К полудню 26 апреля аэродром и весь аэропорт Темпельхоф с ангарами и узлами связи, включая главное здание «Флюггафен», оказался в наших руках.

Вместе с этой радостной вестью пришла и горестная: погиб командир 117-го гвардейского стрелкового полка 39-й гвардейской стрелковой дивизии полковник Ефим Дмитриевич Гриценко, умный, волевой и завидной храбрости человек. Молчаливый, широкий в плечах, стройный, с ясным взглядом, он и сейчас стоит перед моими глазами. Он погиб в ночь на 26 апреля, но сообщили мне об этом только на следующий день. Видно, товарищи не верили, не хотели верить, что погиб Ефим Дмитриевич. Не хотел верить в это и я...

Но вот ко мне вошла медицинская сестра из 117-го полка Татьяна Губорева. В руках у нее пробитый пулями конверт с документами Ефима Дмитриевича, который он хранил в левом грудном кармане. Прямо в грудь, в самое сердце, сразила его пуля... Какого богатыря мы потеряли!..

Прощай, боевой товарищ. Ты вечно будешь жить в нашей памяти. Гвардейцы твоего полка продолжают

двигаться вперед. Там, в центре Берлина, мы воздвигнем памятник героям штурма, и на его граните среди других имен будет высечено твое имя.

Когда в журнале «Молодая гвардия» были опубликованы мои воспоминания, я получил письмо от жены Е. Д. Гриценко — Юлии Макаровны. Она преподает в средней школе рабочего поселка Маслянино Новосибирской области. Юлия Макаровна пишет, что земляки бережно хранят память о своем герое.

...Шли третьи сутки штурма. Границы осажденного берлинского гарнизона сжимались, но сопротивление противника возрастало. Плотность наших боевых порядков увеличилась. Маневр огнем сократился до предела. Все зажато в теснинах улиц. Наступил момент, когда продвижение вперед можно было сравнить с работой проходчиков шахтных штолен. Только через проломы толстых каменных стен, через груды развалин, через нагромождения железобетонных глыб с рваной арматурой можно было прорываться с одной улицы на другую, от квартала к кварталу. Чувствуя свой скорый конец, гитлеровцы разрушали городские сооружения, не считаясь с гибелью мирных жителей.

Наиболее жестокое сопротивление оказали отряды СС на площади перед кирхой на Курфюрстенштрассе. Запомните, историки, эту площадь! Она находится теперь в Западном Берлине.

С 25 апреля, с началом штурма Берлина, штаб фронта в своих директивах менял только границы армий, и это было правильно. Влиять на ход боя в городе приказами невозможно. Штаб армии только регулировал границы между корпусами и ставил задачи по рубежам. Вот что говорилось в приказе по армии от 27 апреля 1945 года:

«1. В течение ночи не прекращать наступление, действуя отдельными штурмовыми отрядами. Основным силам предоставить отдых и подтянуть артиллерию, танки, боеприпасы.

2. С утра 27. 4. 45 г. продолжать наступление основными силами с задачей:

4-му гвардейскому стрелковому корпусу продвигаться в направлении: Кайзер Фридрихплац (объект 40), улица Блюхерштрассе и к исходу дня выйти на Ландвер-канал, на участке остров Лоде-Инзель, исключая шоссейный мост южнее Ангальтского вокзала (объект 5).

Разгранлиния справа — канал Ландвер; слева — тюрьма, объект 43, шоссейный мост южнее объекта 5.

29-му гвардейскому стрелковому корпусу двигаться в общем направлении: главный вход аэропорта Темпельхоф, узел железных дорог (объекты 154 и 2) и к исходу дня выйти на рубеж: улица Флоттвельштрассе, ж.-д. станция севернее кладбища Матвея, станция Колоненштрассе.

Разгранлиния слева — станция Темпельхоф — кладбище севернее объекта 38.

28-му гвардейскому стрелковому корпусу в течение дня очистить от противника район между каналом Тельтов, станции Пристервенг и станция Паненштрассе, кладбище севернее объекта 38, станция Темпельхоф.

Разгранлиния слева — ж.-д. станция Мариендорф до перекрестка железных дорог у станции Паненштрассе.

Начало наступления основных сил корпусов в 8.00 27. 4. 45 г.».

В ночь на 27 апреля 1945 года штурмовая группа с танками из 34-го отдельного тяжелого танкового полка смелым рывком преодолела две линии железнодорожных путей, пересекавших южную часть города. На площади перед кирхой наш танк налетел на мину и остался без гусеницы.

Видя, что советская машина остановилась, эсэсовцы отрезали путь отхода ее экипажу и автоматчикам, которые взаимодействовали с танкистами.

Эсэсовцев было около сотни, наших — всего двенадцать человек. Начался неравный бой. Исключительный героизм и боевое мастерство показал в этом бою механик-водитель гвардии сержант Герман Петрович Шашков, волжанин, родом из Горьковской области. Когда в танке погиб заряжающий, Шашков заменил его. Через некоторое время был убит командир орудия, но танк по-прежнему вел огонь. Шашков заменял теперь и заряжающего и командира орудия. Взрывом фаустпатрона убило командира машины. Шашков остался один. Сев за рычаги, он развернул танк вокруг своей оси. Новый удар фаустпатрона. Загорелось моторное отделение. Включив заднюю скорость, Шашков врезался кормой танка в полуразрушенную стену. Обвалившись, она обломками погасила пламя.

Шашков переходил от пушки к пулемету, ведя огонь

по гитлеровцам. Но вот кончились снаряды и патроны. Остались гранаты. Гвардейцу жалко было машину, он не хотел отдавать ее в руки врага. Граната за гранатой летели то через люк башни, то через окно механика-водителя. Но кончились и гранаты. Шашков получил второе ранение в грудь. Гитлеровцы начали стучать по броне, предлагая Шашкову сдаться. Но гвардейцы не сдаются! Герман Шашков остался в танке.

Когда сюда подоспели товарищи, вокруг танка валялось более трех десятков немецких автоматчиков и фашистов в гестаповских мундирах. Сам Шашков, полуобгоревший и израненный, лежал на дне танка с ножом в руках. У него еще хватило дыхания, чтобы рассказать товарищам о том, что тут было. Герой скончался со словами:

— Спасибо, товарищи, что не отдали мое тело в руки фашистам...

2

Командир 28-го гвардейского стрелкового корпуса генерал Рыжов А. И. доложил мне, что за парком «Генрих фон Клейст», в угловом здании, превращенном в мощный опорный пункт, остался осажденный гарнизон противника, который не прекращает огня из крупнокалиберных пулеметов. Судя по всему, там засели обреченные смертники. Они ведут огонь по санитарам, раненым, женщинам и детям, которые пытаются перебежать улицу. Бьют всех, кто попадет в прицел пулемета, бьют длинными очередями, без разбора... Что с ними делать?

До этого я долго колебался: пускать ли в дело имевшиеся в армии команды огнеметчиков и держал их в резерве. Но теперь решение созрело. Я распорядился выдвинуть на передний край команду ранцевых огнеметчиков из 41-й отдельной саперной бригады.

Огнеметчики вплотную подобрались к угловому дому и струями огня ударили по всем амбразурам и подвальным окнам опорного пункта. Казалось, теперь уж противник прекратит сопротивление и сдастся. Но вскоре снова застрочили пулеметы. Значит, надо ворваться в это гнездо и уничтожить фашистов на месте. Такое решение принял по собственной инициативе рядовой огнеметчик Николай Иванович Попов — смелый сибиряк из села Аргунь, Читинской области. Швырнув связку гранат в дверь

и проломив ее взрывом, он ворвался в первый этаж. Засевшие вдоль коридоров нацисты — офицеры и солдаты — не успели сделать ни одного выстрела: Попов хлестнул их струей огня своего огнемета. Однако главные силы врага укрывались в подвале. Швырнув туда несколько гранат, Попов спрыгнул по лестнице вниз и оказался в самой гуще фашистов. Их было, как впоследствии рассказывал Попов, около тридцати.

— Руки вверх! — крикнул он.

В ответ — автоматные очереди. Пришлось спрятаться за перегородку и оттуда полоснуть из огнемета.

Вскоре загорелся весь дом. Уцелевшие нацисты пытались спастись бегством, но на улице их поджидали наши бойцы.

Вот что значит инициатива и умелые действия бойца. В этом бою дело решил по существу один человек. Как же тут еще раз не подчеркнуть, что в городском бою находчивость и мастерство солдата — главное!

Когда противник сидит в домах с мощными каменными стенами, одна пехота здесь ничего не сделает. Тут требуются усилия воинов всех родов оружия. И очень важно, чтобы пехотинцы получали непрерывную помощь от артиллеристов. Опыт городских боев показывает, что каждую штурмовую группу должны поддерживать не менее двух-трех орудий, не считая тяжелого пехотного оружия.

Какие задачи при этом возлагаются на артиллеристов?

Орудия отсечным огнем на флангах и в глубину окаймляют атакуемый объект, изолируют его от соседей, лишая таким образом поддержки со стороны. Одновременно артиллеристы подавляют обнаруженные огневые точки и не допускают контратак противника.

В уличном бою наиболее дальняя дистанция для стрельбы из орудия — 300—400 метров. Это обязывает орудийный расчет действовать четко и слаженно, открывать внезапный огонь и поражать цель с одного-двух снарядов. Не будет этого — противник наверняка выведет орудие из строя.

Перед расчетом орудия старшего сержанта Федора Черпаченко была поставлена задача — поддержать пехотинцев, штурмующих крупное здание. Сержант произвел разведку целей. В доме, который предстояло атаковать, на втором этаже был установлен пулемет, в подвалах

сидели автоматчики и гранатометчики. Старший сержант выбрал позицию во дворе дома, стоящего против атакуемого здания в каких-нибудь ста метрах. В стене двора сделали проход, к позиции поднесли достаточное количество боеприпасов. Черпаченко заранее договорился с командиром штурмовой группы о сигналах открытия огня, и его переноса, о способах целеуказания.

На выбранную позицию орудие выкатили ночью. Как только рассвело, открыли огонь. Двумя снарядами был уничтожен пулемет. Орудие сразу же перенесло огонь на окна подвала. При поддержке артиллерийского огня, приданных минометов и пулеметов пехотинцы ринулись на штурм, ворвались в здание и завязали бой внутри его. А артиллеристы открыли огонь по соседнему дому, лишив противника возможности помочь осажденному гарнизону.

Расчету Черпаченко много раз приходилось стрелять прямой наводкой с открытых позиций. В таких случаях Черпаченко всегда старался выкатить орудие на место затемно, сюда же поднести снаряды. Перед открытием огня у пушки оставалось два человека — им легче укрываться за щитом. Остальные уходили в ближайший дом и наблюдали оттуда за противником. В случае обстрела пушки враг не мог вывести из строя весь орудийный расчет. Заметим попутно, что обслуживание орудия двумя номерами требует от солдат высокой выучки, знания обязанностей всех бойцов расчета.

В уличном бою противник всегда невдалеке. Поэтому командир орудия не должен ждать, когда пехотинцы покажут ему, куда стрелять. Старший сержант Черпаченко сам отыскивал цели, мешающие пехоте, и уничтожал их. В свою очередь пехотинцы вовремя предупреждали артиллеристов о появлении вражеских танков и самоходок, о местах расположения пулеметов, автоматов и фаустников.

В городе часто приходится подтаскивать орудие к дому и бить через окно. В таком случае один расчет не в силах справиться с тяжелой пушкой. На помощь им приходят пехотинцы.

Боевая дружба, взаимная выручка, взаимодействие между пехотинцами, артиллеристами, саперами, связистами, танкистами и разведчиками в городском бою приобретает решающее значение. Нигде вы не увидите такого сближения и постоянного общения между бойца-

ми различных родов войск, как при штурме города. Здесь они постоянно чувствуют локоть друг друга и действуют буквально плечом к плечу. Поэтому командир штурмового отряда или группы всегда выступает в роли главного организатора тактического взаимодействия. От его умения осмысливать ход боя, умения быстро и правильно принимать решения зависят успехи бойцов всех родов войск, а следовательно, решение боевой задачи в целом.

Одной нашей штурмовой группе было приказано овладеть сильно укрепленным каменным домом на Потсдамерштрассе. Разведчики установили, что оборону этого здания противник организовал следующим образом: на втором этаже было установлено два пулемета, из которых плотным огнем простреливалась улица; в подвале была укрыта мелкокалиберная пушка (он имел две амбразуры, чтобы обстреливать обе улицы, на которые выходил этот угловой дом); все подходы к зданию немцы держали под огнем пулеметов и автоматчиков, расположенных в соседних домах.

В состав нашей штурмовой группы, помимо пехоты, пулеметчиков, саперов, входили пушки, танк и самоходное орудие. Когда гвардейцы заняли исходные позиции и приготовились к броску вперед, танк и самоходное орудие открыли стрельбу по амбразурам подвала и второму этажу — по пулеметам и пушке. Танкисты и самоходчики стреляли из-за угла, произведут два-три выстрела — и в укрытие. Несколько снарядов, угодивших в цель, сделали свое дело. Немцы ослабили стрельбу. А в это время гвардейцы под прикрытием пулеметно-автоматного огня устремились вперед. Пока шел бой за это здание, танк, самоходка и орудия вели огонь по соседним домам, не давая противнику поддерживать гарнизон атакуемого здания.

Особо хочется сказать о разведке. Она предшествовала каждой атаке, каждому штурму. Вести непрерывную разведку — значит знать сильные и слабые стороны противника, а следовательно, бить его наверняка. От разведчиков требовалась исключительная отвага, инициатива, находчивость.

На протяжении всего периода боев в Берлине хорошо действовала группа разведчиков под командованием старшего лейтенанта Виктора Лисицына. Разведчики Лисицына не раз проникали в расположение врага, про-

бирались в самые опасные места, изучали укрепления и силы противника. Действовали они хитро и умело.

В Берлине многие кварталы и дома соединены через подвалы ходами сообщения. Этими ходами умело воспользовались разведчики. Часть бойцов двигалась по ходу, имея впереди одного-двух бойцов с электрическими фонарями. Очень часто фашисты, увидев свет, принимали разведчиков за своих. Этим пользовались наши разведчики. Они или уничтожали обнаруженных гитлеровцев, или брали в плен.

ТИРГАРТЕН

1

В ночь на 27 апреля я перенес свой командно-наблюдательный пункт ближе к переднему краю, на Белле-Алионсештрассе. Эта улица называется по-новому — Меринг-Дамм. Мы выбрали большой пятиэтажный дом, расположенный невдалеке от главного корпуса аэропорта «Флюггафен», на стрелке треугольного квартала перед парком «Виктория». Темно-серые стены здания, видно, не раз облизывали языки пожаров. Стекла в окнах выбиты. Над входом в дом чернел сделанный из цемента орел с фашистской свастикой, в когтях — герб третьего рейха. На первом этаже небольшой, но высокий зал с черными мраморными колоннами. Темное, неуютное помещение. Все тут было мрачное: окна с темными косяками, черные простенки и серый, тяжелый потолок.

Я останавливаю внимание на таких деталях лишь потому, что этому помещению довелось быть местом событий, связанных с концом войны.

Когда я подъехал к новому КП, туда уже подали связь. Мне доложили, что несколько минут назад здесь произошел неприятный случай. С лестничной площадки третьего этажа по нашим девушкам-связисткам кто-то стал стрелять из пистолета. Связистки не растерялись, у них всегда за плечами были винтовки или автоматы. Бросились наверх. Человек в штатском, отстреливаясь, удирал по лестнице. Связистки во главе с Валей Токаревой преследовали его. Фашист скрылся на чердаке. Девушки за ним. Очередями из автоматов прочесали углы и темные места, а затем начали кричать: «Хенде хох!» Никто не ответил. Девушки стали обшаривать чердак. И вдруг увидели своего врага. С перекошенным, обезумевшим лицом, сжимая в руке пистолет, он выскочил из угла, ударом ноги выбил чердачное окно и с криком «Гитлер капут!» бросился вниз головой.

Связистки показали мне труп безумца, он лежал во дворе под рогожей.

Что же, для фашиста такой конец вполне закономерен...

27 апреля войска продолжали штурм кварталов старого Берлина. К исходу дня основные силы вышли к последнему рубежу обороны гитлеровских войск в Берлине — к Тиргартену. Путь гвардейцам пересек канал Ландвер. В четырехстах метрах за ним располагались главные государственные учреждения третьего рейха, в том числе и имперская канцелярия, где укрывался Гитлер со своей ставкой, а чуть дальше, на север — рейхстаг.

Соседние 3-я и 5-я ударные армии, наступавшие к центру Берлина с востока и севера, вышли к берегам Шпрее.

2-я гвардейская танковая армия вела бои в районе Шарлоттенбурга, 1-я гвардейская танковая армия действовала плечом к плечу с 8-й гвардейской. Между 2-й гвардейской танковой и 8-й гвардейской наступали части 1-го Украинского фронта.

Попытки советских войск с ходу форсировать Шпрее и канал Ландвер потерпели неудачу. Тиргартен — остров, омываемый со всех сторон водами Шпрее и каналов,— оборонялся отборными частями СС и охранными батальонами. Гитлеровцы укрывались в высоких, толстостенных, прочных зданиях, из которых хорошо просматривались и обстреливались прицельным огнем все подступы к водным преградам.

Вечером, выслушав доклады командиров корпусов и отдельных частей, а также проведя личную рекогносцировку местности, я принял решение: дать полусуточный отдых наступающим частям, но в то же время не ослаблять действий, сковывающих противника: вести усиленную разведку опорных пунктов, держать все площади и улицы под интенсивным огнем орудий и минометов.

Передышка была необходима не только для отдыха, но и для того, чтобы пополнить штурмовые группы, подвезти боеприпасы. Перед артиллеристами и минометчиками была поставлена задача — согласовать свои действия с артиллеристами соседних армий, наступающих на правительственные кварталы с востока, севера и за-

пада. Кольцо вокруг противника сужалось, и в такой обстановке малейший перелет снарядов и мин угрожал поражением своих войск. Военный совет и штаб армии при доукомплектовании и перегруппировке штурмовых отрядов особое внимание уделяли расстановке командиров, партийных и комсомольских сил. Назначить нового командира взамен выбывшего из строя — дело не простое. Инициативный и решительный командир может выполнить любую задачу, если ему без тени сомнения вверяют свою судьбу бойцы, если он имеет прочную опору среди коммунистов и комсомольцев. И начальник, делающий выбор — кого назначить командиром группы или отряда,— должен прислушаться к голосу партийных работников, поговорить с рядовыми коммунистами.

Важно, чтобы командир был близок к бойцам, умел найти путь к их сердцу. Правильно поставить задачу — это еще полдела. Надо довести задачу до сознания каждого бойца, зажечь, вдохновить человека, чтобы он выполнял смелое решение командира, не щадя себя, с глубоким пониманием смысла тех действий, которые он совершает под огнем противника. Одним приказом или распоряжением такого эффекта не достигнешь. Нужно, чтобы командира поддержали коммунисты и комсомольцы. Нужны их умное, проникающие в душу каждого воина слово и личный пример мужества и самоотверженности. Только тогда можно быть уверенным в успехе.

Сама жизнь научила нас придавать первостепенное значение партийно-политической работе. В условиях уличного боя она должна быть особенно гибкой и оперативной. Тут не добьешься цели общими установками и отвлеченными разговорами. Командир и политработник должны идти к бойцам, говорить с ними о конкретных вещах, о том, как лучше подготовить оружие, как перехитрить противника, поинтересоваться, знает ли воин свои обязанности в атаке, помнит ли сигналы, есть ли у него индивидуальные медицинские пакеты, неприкосновенный запас продуктов. Деловым и душевным должен быть разговор, таким, чтобы воин проникся уверенностью, что задача выполнима, что победа будет достигнута.

Пишу эти строки, и перед глазами встает заместитель командира по политчасти первого батальона 220-го гвардейского полка 79-й гвардейской стрелковой дивизии старший лейтенант Н. В. Капустянский. Внешне он ни-

чем не выделялся. Невысокого роста, щуплый, молчаливый человек.

— Замполит много говорить не любит. Больше слушает. Но уж если скажет, то каждое слово в самое темя, как гвоздь всадит,— так отзывались о нем бойцы.

В дни штурма Берлина Капустянского трудно было застать на одном месте. Когда он отдыхал — никто не видел. Появится ненадолго у командира батальона, узнает обстановку — и снова его нет. Спрашиваешь о нем в какой-нибудь штурмовой группе:

— Не видели замполита?

— Только что был у нас. Рассказывал об отличившихся бойцах, организовал выпуск боевого листка и ушел в соседний отряд.

— Кто с ним ходит?

— Один.

— Вот где-нибудь срежет его снайпер или завалит рухнувшая стена — и не найдете своего замполита.

— Мы тоже опасаемся, но он не разрешает себя сопровождать! Обойдусь, говорит, без хвостов!

Скромный и смелый человек, он не думал о себе. Лазил по подвалам, переползал под огнем улицы, лишь бы донести до бойцов добрую весть, ободрить, помочь словом и делом. Парторга и комсорга батальона Капустянский на первый день боев закрепил за вторым и третьим штурмовыми отрядами, а сам ушел в первый отряд. На второй день парторг и комсорг поменялись местами, а Капустянский остался в отряде, который готовился к штурму железнодорожной станции Темпельхоф. Коммунисты и комсомольцы батальона постоянно видели своих вожаков. Поздно ночью или в час затишья Капустянский собирал активистов, подводил с ними итоги дня, давал указания и советы — и снова к бойцам, на самые тяжелые участки. Зато любой боец батальона, будь это автоматчик или сапер, повар или связной, знал обстановку и свою задачу. Знал последние сообщения печати и радио. И в том, что первый батальон и его штурмовые отряды всегда добивались успеха в бою, немалая заслуга политработника.

Батальон в числе первых вышел к каналу Ландвер.

— Что же сейчас там делает замполит батальона? — спросил я своих собеседников, которые рассказали мне о Капустянском.

Вскоре мне доложили из полка по телефону:

— Помогает бойцам мастерить поплавки из подручных материалов.

— Какие поплавки?

— Но ведь завтра будем...— Шла подготовка к форсированию канала, и товарищ, говоривший со мной по телефону, не решился сказать об этом открыто.

— Ясно, ясно, рыбачить, значит, купаться собираетесь.

— И то, и другое. А он у нас большой мастер по этим делам. Из простой палатки может сделать лодку, а какие плотики сбивает — любо посмотреть. Вот и учатся возле него наши люди.

— Правильно делает. Спасибо. До свидания.

Перед этим завершающим ударом, когда уже ясно стал виден конец войны и почти каждый солдат мысленно рисовал себе грядущие мирные дни, могло возникнуть сомнение: не погас ли боевой порыв войск? Последняя схватка обещала быть жестокой и кровопролитной. А каждому, конечно, хочется дожить до победы. Как в таких условиях вести людей навстречу опасностям? К тому же в уличном бою ни командир полка, ни командир дивизии не может видеть боевых порядков своих подразделений так, как он их видит в поле. Тут нет сплошных траншей и окопов, нет и господствующих высот для наблюдательных пунктов. Кругом дома, стены, руины. Подразделения укрываются в подвалах, во дворах за прочными стенами, в глухих переулках, в развалинах. Их не видно. Где гарантия того, что по сигналу «В атаку!» полки и батальоны дружно двинутся на решающий штурм?

Гарантия была, есть и будет! Командиры, коммунисты, комсомольцы, их личный пример, высокое сознание ответственности перед своими товарищами, перед своей совестью, перед Родиной — постоянный и неистощимый источник боевого духа армии. Это залог успеха в любом деле.

Забегая немного вперед, скажу, что после той огромной работы, которую провели Военный совет, политорганы и партийные организации частей и соединений, завершающий штурм прошел на таком высоком уровне, что пришлось даже сдерживать людей, оберегая их от излишнего риска. Не было ни одного сигнала о том, что какой-то батальон или штурмовой отряд робко и нерешительно выполняет поставленную задачу.

Разумеется, ставя вопрос о личном примере коммунистов и комсомольцев в штурме Тиргартена, мы не могли пойти на то, чтобы бросать их через канал, на укрепления противника, под фланкирующий огонь пулеметов или на заминированные площадки без тщательного обеспечения, без огневого прикрытия, без мощного артиллерийского удара по объектам атаки.

Была дана команда: снарядов не жалеть, патроны не экономить, мины и гранаты расходовать без оглядки: запасы есть! Артиллерийские орудия от противотанковых до самых мощных систем, в том числе дальнобойные тяжелые пушки-гаубицы, были выдвинуты на прямую наводку. Даже «катюши» различных систем под прикрытием образовавшейся завесы от порохового дыма и пыли подкатывались вплотную к каналу, разворачивались и били в упор по укреплениям противника.

Мы сочли целесообразным форсировать канал не всеми силами полков и дивизий одновременно, а опять мелкими группами, и там, где артиллеристы смогли расчистить путь и подавить все, буквально все огневые точки, которые могли помешать преодолению водного рубежа. Право выбора участков форсирования я предоставил командирам частей. Командиру, который находится непосредственно на исходных позициях, виднее, как сработала артиллерия и где наиболее успешно, без потерь можно достигнуть цели.

Отдельные участки, мосты через канал, как, например, Горбатый мост Потсдамерштрассе, откуда можно было развивать наиболее эффективный удар на имперскую канцелярию, я взял под личный контроль.

В ходе обсуждения вопросов, связанных с подготовкой к штурму Тиргартена, Военный совет армии обратил внимание на сохранение национальных ценностей, принадлежащих немецкому народу. Охрана банков, книжных хранилищ, научно-исследовательских институтов, медицинских учреждений была возложена на особые команды комендантской службы тыловых подразделений армии. Военный совет армии взял на себя обеспечение неприкосновенности дипломатических миссий, посольств и консульств, находившихся в Берлине. Начальникам политорганов корпусов и дивизий было предложено лично следить за неприкосновенностью тех дипломатических пунктов, которые окажутся в полосе действий их соединений.

Пришлось также подумать о питании и медицинском обслуживании мирного населения Берлина. К тому времени на складах и продуктовых базах немецкой столицы оставались считанные тонны муки, немного мясных и рыбных консервов. Мяса, крупы, молочных продуктов уже не было. Народ голодал. Дети лезли к танкам, под огонь пулеметов и орудий, лишь бы добраться до наших кухонь, выпросить кусочек хлеба, ложку супа или каши.

Да! По-настоящему доброе сердце русского солдата! Бойцы кормили из своих котелков немецких детей, совали им в руки консервы, сахар — неси, мол, домой. Мы получили продовольственные лимиты в централизованном порядке для населения Берлина и развернули множество походных кухонь специально для местных жителей.

Сложнее обстояло дело с медицинским обслуживанием. Та часть Берлина, где проходили войска нашей армии, еще зимой была разрушена американской авиацией. Водопроводы и канализация оказались выведенными из строя. Освещение — коптилки, отопление — керосинки и железные печки. Санитарные узлы, кухни, коридоры и даже спальные комнаты завалены нечистотами. Кругом смрад, грязь, антисанитария. Стирать белье холодной водой — бесполезно: мыла нет. Тиф, чесотка, желудочные заболевания... Люди обовшивели, покрылись коростой.

Что же делать? Нужна целая армия санитаров, десятки госпиталей.

Начальник санитарной службы армии получил указание изыскать необходимое количество дезинфекционных средств и совместно с комендатурами районов мобилизовать немецких медико-санитарных работников, чтобы не допустить эпидемий.

Начальнику тыла армии я приказал выдать горожанам все имевшиеся запасы мыла. Коменданты районов организовали восстановление водокачек и очистку канализационных магистралей.

Политические органы соединений выделили офицеров, знающих немецкий язык, и те разъясняли населению Берлина, что пора браться за восстановление разрушенного хозяйства: война кончается.

Все это входило в круг вопросов, так или иначе связанных с политическим обеспечением боевой операции.

...До возобновления штурма осталось несколько часов. Начало рассветать. Минувшую ночь я не смыкал глаз, но спать не хочется. Курю много, очень много. Уже пуста вторая пачка «Казбека». Напряженно работает мозг. Какие вести мы сообщим Родине, миру завтра, послезавтра, в день всенародного праздника 1 Мая? Чем закончится последнее безрассудство Адольфа Гитлера? Куда он может укрыться от удара таких сил, как наши? Нет, советские воины сумеют найти этого сеятеля смерти, где бы он ни спрятался. Найдут и избавят от него человечество!

За четверо суток наша и соседние армии прорубились сквозь стены и каменные завалы к центру Берлина. Мы прошли за это время 12 километров. Армия Паулюса, наступая в Сталинграде, имела более выгодные позиции, чем мы здесь, но за сто с лишним дней не преодолела и половины того расстояния, которое мы преодолели за четверо суток.

Одним из проявлений творческой инициативы наших бойцов и командиров явилась тактика мелких штурмовых групп, которую мы применили в уличных боях на берегах Волги. Суть этой тактики — наступление. Там, на Волге, обороняясь, наши группы укрепляли и улучшали свои позиции наступательными штурмовыми ударами. Уже тогда, в 1942 году, наступательные приемы штурмовых групп были практически отработаны и проверены под огнем. Здесь, в Берлине, нам не было нужды обороняться и улучшать свои оборонительные позиции потому, что противник окружен плотным и мощным кольцом. Наше дело наступать и наступать. В Берлине задача наших войск — как можно скорее разгромить окруженный гарнизон и обезвредить фашистское правительство. Наши войска, ведущие штурм Берлина, чувствуют и верят, что это последний бой с фашизмом, что после овладения Берлином война кончится.

Как же подготовился берлинский гарнизон к отражению нашего натиска?

Говоря прямо — плохо. Гитлеровскому командованию удалось создать мощные оборонительные укрепления, крепости, форты, завалы, но самая главная крепость — человек, его сознание — оказалась разоруженной. Немецкие войска в Берлине упорствовали, но это было бессмысленное упорство обреченных. Немцы — народ дисциплинированный и храбрый. Но когда нет перспек-

тив, и храбрый солдат воюет плохо, даже у себя дома, в своем городе.

Правда, отдельные команды немцев, вооруженных фаустпатронами, в первые дни штурма Берлина вели весьма успешную борьбу с танками и нанесли нашим танковым войскам весьма ощутимые потери. Однако успех был кратковременным. Как только танковые войска перестроились и стали тесно взаимодействовать со своими пехотинцами — роль фаустников в обороне Берлина свелась почти к нулю. Против фаустников успешно боролись стрелки-автоматчики, прикрывающие танки. Находчивость и смекалка бойцов помогли увеличить огнестойкость брони, танки дополнительно получили броневкраны, пусть примитивные, но весьма эффективные. Фаустпатрон, ударяясь в экран, терял кумулятивную прожигающую силу, и броня оставалась неуязвимой.

Таким образом, это грозное средство против русских танков — фаустпатрон, на который возлагал большие надежды Гитлер,— оказалось не таким уже грозным. Сознание бессилия порой приводит в дикое безумие. Мы это видели своими глазами. Представьте себе толпу в четыреста юнцов. Каждому не более пятнадцати лет, все в черных школьных кителях. Идут вдоль улицы навстречу нашим штурмовым отрядам. На плечах белые фаустпатроны, с виду напоминающие графины, насаженные на метровые палки. Гитлер бросил этих юнцов против наших танков.

Что с ними делать? У наших бойцов не поднимается рука открывать огонь по ним. Командиры стали запрашивать по радио:

— Как быть: пропускать вперед или открывать огонь?

— Воздержитесь от стрельбы, найдите способ обезоружить их.

Вспышки желтых ракет, обозначавшие наш передний край, не остановили юнцов. Вот они уже вплотную приблизились к нашим позициям и, заметив орудия, повозки, исступленно бросились на них. Полетели фаустпатроны. Они рвали в клочья людей, лошадей. Пришлось открыть ответный огонь. Увидев, как падают идущие впереди, остальные повернули обратно.

Это произошло днем, 26 апреля, после взятия аэродрома Темпельхоф. Толпа юнцов вышла из Тиргартена

и двигалась по Колоненштрассе на боевые порядки 28-го гвардейского стрелкового корпуса.

Ну, кто так воюет, даже в самых отчаянных условиях? Кто мог послать детей на верную смерть?

Если бы в самые невыносимо трудные дни обороны Сталинграда мы так безрассудно бросали людей, то едва ли удалось бы удержаться не только на западном, но и на восточном берегу Волги.

2

За час до начала артподготовки знаменщик 220-го гвардейского стрелкового полка 79-й гвардейской стрелковой дивизии сержант Николай Масалов принес знамя полка к Ландвер-каналу. Его сопровождали два ассистента. Гвардейцы знали, что перед ними главный бастион фашистской столицы, знали, что здесь находится ставка Гитлера и главный узел связи, через который главари третьего рейха еще продолжают руководить своими войсками, вынуждая их вести бессмысленные кровопролитные бои.

Путь к центру Тиргартена с юга преграждал глубокий с отвесными бетонированными берегами канал. Мосты и подступы к ним густо заминированы и плотно прикрыты огнем пулеметов. Только дружным и стремительным рывком можно преодолеть этот грозный и опасный рубеж.

От Ландвер-канала до Фоссштрассе и имперской канцелярии, в подземелье которой укрывался Гитлер, осталось не более четырехсот метров. Подступы к имперской канцелярии обороняли батальоны особой бригады лейб-штандарт «Адольф Гитлер». Командовал бригадой верный слуга Гитлера, матерый нацист Монке.

Гвардейцы начали мелкими группами выдвигаться к рубежу атаки. Одним предстояло форсировать канал вплавь на подручных средствах, другим — решительным броском проскочить сквозь ливень свинца через Горбатый заминированный мост. А на противоположной стороне лишь бы зацепиться за первый дом. Потом наших гвардейцев не удержать, они пойдут вперед через проломы стен, через подвалы. За их плечами большой опыт уличных боев...

До атаки осталось минут пятьдесят. Наступила тишина, как перед бурей — тревожная, напряженная. И вдруг

в этой тишине, нарушаемой лишь треском пожаров, послышался детский плач. Словно откуда-то из-под земли, глухо и призывно, звучал голос ребенка. Плача, он повторял одно, понятное всем слово: «Муттер, муттер...»

— Кажется, это на той стороне канала,— сказал товарищам Масалов.

Оставив у знамени ассистентов, он пришел к командиру:

— Разрешите спасти ребенка, я знаю, где он.

Ползти к Горбатому мосту было опасно. Площадь перед мостом простреливалась огнем пулеметов и автоматических пушек, не говоря о минах и фугасах, запрятанных под коркой асфальта.

Затрещали пулеметные очереди. Сержант Масалов полз вперед, как лист, прижимаясь к асфальту, временами прячась в неглубоких воронках от снарядов и мин. Не забывал ощупывать каждый бугорок, каждую трещину на асфальте, чтобы не нарваться на мину. Вот он пересек набережную и укрылся за выступом бетонированной стенки канала. И тут снова услышал ребенка. Тот звал мать жалобно, настойчиво. Он будто торопил Масалова. Тогда гвардеец поднялся во весь рост — высокий, могучий. Блеснули на груди боевые ордена. Такого не остановят ни пули, ни осколки.

Боевая биография Николая Масалова как в капле воды отражала историю 8-й гвардейской армии. Он был призван Тисульским райвоенкоматом Кемеровской области, когда формировалась 62-я армия. На его долю выпало быть вместе с нами на направлении главного удара немецких войск, наступавших на Сталинград. Масалов сражался на Мамаевом кургане рядовым стрелком, в дни боев на Северном Донце стал пулеметчиком, при форсировании Днепра командовал отделением, после освобождения Одессы его назначили помощником командира комендантского взвода, на Днестровском плацдарме был ранен, через четыре месяца, при форсировании Вислы, снова ранение, но гвардеец остался в строю и весь путь от Вислы до Одерского плацдарма шел с забинтованной головой.

...Масалов перекинулся через барьер канала... Прошло еще несколько минут. На миг смолкли вражеские пулеметы. Затаив дыхание, гвардейцы ждали голос ребенка, но было тихо. Ждали пять, десять минут... Неуже-

ли напрасно рисковал Масалов?.. Несколько гвардейцев, не сговариваясь, приготовились к броску. И в это время все услышали голос Масалова:

— Внимание! Я с ребенком. Прикройте меня огнем. Пулемет справа, на балконе дома с колоннами. Заткните ему глотку!..

Но подошел момент артподготовки. Командующий артиллерией армии генерал Н. М. Пожарский уже дал команду:

— Натянуть шнуры... Огонь!

Тысячи орудий и минометов ударили по врагу. Тысячи снарядов и тысячи мин как бы прикрывали выход советского воина из зоны смерти с трехлетней немецкой девочкой на руках.

Ее мать, вероятно, пыталась бежать из Тиргартена, но эсэсовцы стали стрелять ей в спину. Спасая дочку, она укрылась под мостом и там скончалась.

Передав девочку санитаркам, сержант Масалов снова встал у знамени полка, готовый к броску вперед.

Артиллерийский огонь по Тиргартену продолжался с нарастающей силой около часа. С наблюдательного пункта я видел плотные тучи дыма и красноватой кирпичной пыли, поднимавшиеся над правительственными кварталами. Ветер дул с севера на юг, и одна из таких туч наползла на наш наблюдательный пункт. Едва заметный, тусклый диск солнца бесследно исчез. Стало сумрачно, лишь изредка мне удавалось разглядеть высокие стены набережной на противоположном берегу канала.

По характеру артиллерийских взрывов я понял, что артиллеристы, выкатившие свои орудия на прямую наводку, бьют по весьма ограниченному количеству целей, вероятно вдоль улиц, разметая на другой стороне канала баррикады, преграждающие подходы к площадям. Но пулеметные точки, запрятанные в переулках и за углами перекрестков, остаются недосягаемыми для нашей артиллерии. Как только туда прорвутся наши пехотинцы, они откроют огонь. Предупреждаю командиров частей:

— Не торопитесь. Бросок через канал начинайте мелкими группами и там, где артиллерия сделала свое дело.

Прошло еще каких-то полчаса, и командиры частей стали доносить, что на многих участках, намеченных для форсирования канала, противник ведет сильный фланки-

рующий огонь преимущественно из крупнокалиберных пулеметов и автоматических зенитных пушек.

Значит, предчувствие не обмануло меня.

— Мы ведем разведку боем. Продолжайте выявление огневых точек противника.

Таким ответом я дал понять, что необходимо искать новое решение, а не бросать людей под губительный огонь.

Фланкирующий огонь... Значит, противник запрятал свои огневые точки где-то в прочных укрытиях и на весьма выгодных позициях. Где же? Смотрю на карту. В полосе наступления нашей армии канал Ландвер выгнулся дугой в сторону противника. С его отлогих изгибов врагу удобно вести фланкирующий огонь. Кроме того, враг может разместить своих пулеметчиков в опорах трех железнодорожных и шести трамвайных мостов, чтобы вести огонь вдоль канала, как только на воде появятся люди.

Какое же принять решение? Наша артиллерия, сосредоточенная в теснинах улиц, не может поразить огневых точек, что находятся в стороне от этих улиц — под мостами и в нишах у самой воды на изгибах канала. Их можно подавить только тогда, когда наши орудия выйдут на набережную и смогут вести огонь вдоль канала. Значит, надо стремиться овладеть подступами к каналу, и прежде всего на его изгибах. Надо выбивать клин клином: по фланкирующим огневым точкам врага нанести артиллерийские удары тоже с флангов.

Одновременно перед артиллеристами поставили задачу — поразить цели, находящиеся в глубине кварталов, прилегающих к каналу. Пускать в дело авиацию бесполезно: слишком узка нейтральная полоса. Пробивать стены ударами снарядов и затем в проломы бить наугад — едва ли целесообразно, да и на это потребуется несколько дней. Самое эффективное оружие в такой обстановке — миномет. Минометчики могут вести огонь через дом, доставать цели в самых узких переулках и, как шутят они, направлять мины по крутой траектории прямо в квартиры через дымоходные трубы.

Наступил вечер. Артиллеристы, уточнив задачи, приступили к подготовке нового удара. Стрелковые батальоны вместе с танкистами и саперами продолжали очищать подступы к каналу и занимать более выгодные позиции.

Чтобы подготовиться к решительному штурму Тиргартена, передышку сделали и другие армии. В частности, 3-я ударная армия ввела целый свежий корпус для атаки рейхстага.

Я выслушал соображения разведчиков о возможности проникновения в Тиргартен по подземным магистралям метро. До сих пор мы почти не пользовались этими туннелями, так как в южной части города большинство станций метро находилось на поверхности. А там, где магистрали скрывались под землю, они уводили нас в сторону. К тому же берлинское метро далеко не похоже на московское: станции узкие, тесные, туннели прорыты на глубине всего трех-четырех метров, от взрывов авиационных бомб их во многих местах завалило землей или затопило водой.

Но два параллельных туннеля, идущих из Темпельхофа на Тиргартен, пересекают канал Ландвер под землей. Нельзя ли их использовать?

Вот что рассказал разведчик Александр Жамков.

— Задача у нас была: пройти под землей как можно дальше и разведать пути до самого центра... Спустились мы в подземную станцию. Там — хоть глаз коли. Ориентируемся только по слуху и на ощупь. Прошли триста метров вдоль рельсов. Никого! Вдруг показалась тоненькая полоска света. Решили дальше двигаться ползком. Видим — в стене ниша, в ней аккумулятор, горит маленькая электрическая лампочка. Невдалеке слышен немецкий разговор. Пахнуло табачным дымом и мясными консервами. Засветился второй фонарик. Немцы направили его в нашу сторону, и сами притаились в тени. Мы припали к земле, приглядeлись: впереди туннель перегорожен кирпичной стеной, со стальными щитами в центре... Продвинулись еще на несколько десятков метров. Засвистели пули. Мы укрылись в нишах. Выждав немного, пустили в ход фаустпатроны и гранаты. Прорвались вперед. Через двести метров — снова препятствие: такая же стена. В общем, оборона немцев в метро построена перемычками: пустой участок — стена, снова пустой участок — снова стена.

Да, перебросить большие силы в Тиргартен по магистралям метрополитена нельзя. Послали в метро усиленные группы разведчиков. Их задачей было из-под земли достать гитлеровцев.

Ночь прошла в беспрерывной перестрелке. Наши под-

разделения демонстрировали ложную активность, чтобы лучше выяснить огневую систему противника. На тех участках, где штурмовые отряды вплотную подошли к каналу, имитировались попытки форсировать его вплавь: на воду бросали мешки, набитые стружкой и перетянутые ремнями. Действовало: враг открывал огонь из всех пулеметов, гвардейцам оставалось лишь засекать их.

Утром артиллеристы и минометчики начали наносить мощные удары по разведанным огневым точкам противника. Дома и другие сооружения на изгибах канала разрушались буквально под корень. Штурмовые отряды приступили к форсированию канала.

Танки, действовавшие в составе штурмовых отрядов, могли ворваться в Тиргартен только через мосты. Поэтому мы стремились прежде всего овладеть ими. Наиболее напряженный бой развернулся за Горбатый мост. Саперам под огнем пулеметов удалось снять мины и разрядить два мощных фугасных заряда, подвешенных под фермами. Первая попытка проскочить мост с ходу не дала результатов. Танк — очень крупная цель, и, как только он появился на площади перед мостом, на него обрушивался шквал огня. Из глубины Тиргартена ударил «тигр», закопанный где-то по самую башню.

К вечеру, вытащив подбитый танк из опасной зоны, танкисты попросили усилить на этом участке огонь артиллерии и дать дымовую завесу.

Под прикрытием дыма через мост успели проскочить несколько автоматчиков штурмового отряда первого батальона 220-го гвардейского полка и захватить угловой дом на противоположном берегу канала. Но едва появились танки, как опять заработали огневые точки противника. Один танк, подскочивший к мосту, был подбит фаустпатроном, который выпустил гитлеровец, каким-то чудом уцелевший в своем гнезде на балконе третьего этажа углового дома, уже захваченного нашими автоматчиками.

Казалось, на этом и закончатся попытки танкистов прорваться в Тиргартен со своими грозными машинами. Но опять выручила солдатская смекалка. Увешали танк дымовыми шашками. Их подожгли, когда машина подошла к мосту. Гитлеровцы растерялись: горящий танк идет вперед и, не прекращая, ведет огонь. Этих нескольких секунд замешательства хватило для того, чтобы танк

проскочил мост и скрылся во дворе углового дома. Отсюда танкисты, взаимодействуя с автоматчиками штурмового отряда, приступили к очистке квартала, который мы потом использовали в качестве плацдарма для развития дальнейшего наступления.

В борьбе за Горбатый мост отличился парторг полка капитан Александр Николаевич Евдокимов. Пули будто не брали его. В числе первых он перебежал через мост, а затем дважды возвращался обратно, увлекая за собой воинов полка. Кавалер Золотой Звезды, удостоенный высокого звания за подвиг на Висле, Евдокимов и здесь показал образец мужества и отваги.

Следуя примеру своего парторга, другой Герой Советского Союза из этого же полка лейтенант Павел Васильевич Зубенко, командир взвода минометчиков, быстро оказался на той стороне канала, забрался вместе со своими подчиненными на крышу дома, втащил минометы, и оттуда они стали угощать эсэсовцев минами. Каждая мина ложилась точно в цель, так как сверху было хорошо видно, где сосредоточены силы противника и его огневые точки.

В тот же день смогли преодолеть водную преграду штурмовые отряды 74-й гвардейской стрелковой дивизии. Прежде чем форсировать ее, отряд старшего лейтенанта Александра Никитовича Гуданова овладел кварталом, прилегающим к каналу на правом фланге в самом конце дуги. Гуданов и его бойцы под покровом густого дыма прорвались на берег, не задерживаясь для ликвидации вражеских автоматчиков, засевших в подвалах крайних домов.

Повернув одну часть пулеметов в сторону канала, другую — против окруженного гарнизона, он дождался прихода сюда других подразделений, которые во главе с комбатом бросились форсировать канал. Но в это время противник открыл огонь с тыла. Комбат был убит. Командование батальоном принял Гуданов. Несколько подразделений были направлены на ликвидацию осажденного вражеского гарнизона, остальные готовились к форсированию канала. Вскоре над осажденным кварталом взвился красный флаг. В это время штурмовые группы, руководимые Гудановым, форсировали канал и зацепились за противоположный берег. Таким образом, фланг дивизии оказался прикрытым и все пулеметные точки противника, которые вели огонь вдоль канала,

оказались под прицелом наших орудий и пулеметов с двух сторон. Это сразу облегчило переправу.

Сложный и тяжелый бой провел командир стрелкового батальона 47-й гвардейской стрелковой дивизии 4-го стрелкового корпуса майор Владимир Степанович Новиков. Форсировав канал в районе парка Тиргартен, он оказался со своими бойцами в расположении эсэсовцев. Схватка длилась шесть часов. В ход пошли гранаты, ножи. На стороне эсэсовцев были заранее подготовленные позиции и укрытия, на стороне Новикова и его бойцов — беззаветная храбрость и опыт, приобретенный еще в уличных боях на берегах Волги. Победили гвардейцы. Эсэсовцы Монке были разгромлены и частично пленены, хотя они и писали клятвы, что, прежде чем сдаться в плен, последнюю пулю пустят в собственную голову. Патроны у них еще остались, но руки они подняли.

Отлично действовал двадцатидвухлетний командир роты 39-й гвардейской стрелковой дивизии 28-го гвардейского стрелкового корпуса старший лейтенант Николай Пименович Балакин. Разведав канализационные трубы, он принял смелое решение: пробраться по ним до канала, затем вплавь достигнуть противоположной стенки и там так же по сточному трубопроводу проникнуть в тыл противника. Маневр был осуществлен блестяще. Рота Балакина разгромила два вражеских гарнизона, захватив в плен 68 автоматчиков и пулеметчиков батальона фольксштурма. Балакин, будучи раненым, продолжал руководить боем, пока не подоспела помощь.

Таким же путем форсировали канал штурмовые группы отряда, которыми командовал старший лейтенант Александр Степанович Климушкин из 120-го гвардейского стрелкового полка 39-й гвардейской стрелковой дивизии. По сточным трубам и подземным коммуникациям связи он провел своих бойцов под мост, что возле железнодорожной станции Меккерн-Брюкке, и оттуда стремительным броском ворвался в вокзал. Вскоре весь батальон, возглавляемый Героем Советского Союза капитаном Михаилом Павловичем Карнаущенко, оказался на противоположном берегу канала и приступил к штурму привокзального квартала.

В этот же день по всей армии пролетела весть о новом подвиге бесстрашного комсорга полка старшего

лейтенанта Леонида Ладыженко. Удивительной храбрости человек. Еще в прошлых боях он ходил в атаку с губной гармошкой. Увидев, что бойцы залегли под огнем противника, Ладыженко прикладывал к губам гармошку и, наигрывая на ней что-нибудь веселое, первым шел вперед, а за ним поднимались в атаку и бойцы. Высокого роста, гибкий, ловкий, он поистине не знал страха в бою. Так было на Северном Донце, под Запорожьем, на Висле, на Одерском плацдарме. А здесь, на Ландвере, он переплыл канал ночью, не переставая играть на губной гармошке, давая этим знать, где находится. Под утро гармошка смолкла. Когда к нему подоспели товарищи, Ладыженко показал на окровавленные щеки: пуля пробила их насквозь. Но комсорг не ушел из боя, пока не был вторично ранен, на этот раз тяжело, осколком мины в позвоночник.

Вот какие люди пришли в Берлин!

Захватив несколько небольших плацдармов на той стороне канала Ландвер, войска армии начали штурмовать Тиргартен с юга. Острие удара всех частей, в том числе и наступающих с севера, запада и востока, было направлено на центр острова, где находилась ставка Гитлера и откуда все еще шли приказы о продолжении бессмысленной борьбы.

Территория Тиргартена напоминала сильно вытянутый эллипс — восемь километров в длину и два в ширину. Это все, что осталось от фашистской империи — остров, охваченный огненным кольцом, которое неумолимо сжималось.

В западной части Тиргартена раскинулся обширный парк и зоологический сад. В центре парка возвышались два мощных железобетонных бункера из шести этажей каждый — три под землей и три над поверхностью. Двухметровые стены с бойницами и смотровыми окнами, закрывающимися стальными створками, надежно укрывали находящиеся там узлы связи, пункты управления и штабы противовоздушной обороны Берлина. На крышах бункеров располагались зенитные батареи.

Одно из огромных зданий, которыми густо застроена восточная часть Тиргартена, мрачное, угловатое, с массивными квадратными колоннами, занимает целую улицу Фоссштрассе. Это и есть новая имперская канцелярия. В ее трехэтажных подземных укрытиях нашел свое последнее убежище Гитлер. Пленные показали, что, на-

чиная с марта, фюрер нигде не показывался. Нам стало известно, что вместе с ним в подземелье имперской канцелярии находятся Геббельс, Борман, начальник генерального штаба Кребс, заменивший на этом посту Гудериана, и много других высокопоставленных чиновников; всего около шестисот человек. Туда сходятся все нити руководства войсками третьего рейха, и от того, как скоро будет взято это гнездо, последняя цитадель Гитлера, зависит окончание боевых действий не только в Берлине, но и на всей территории Германии.

Севернее имперской канцелярии, около Бранденбургских ворот, находится рейхстаг — высокое с куполом здание. Оно было повреждено прямыми попаданиями бомб и теперь представляло собой пустую массивную коробку, удобную для обороны как тактический опорный пункт.

Оперный театр, дворцы, музеи — все это гитлеровцы превратили в опорные пункты и мощные узлы сопротивления.

Каждый шаг здесь стоил нам труда и жертв. Бои за этот последний район обороны третьего рейха отмечены массовым героизмом советских воинов. Камни и кирпичи развалин, асфальт площадей и улиц немецкой столицы были политы кровью советских людей. Да каких! Они шли на смертный бой в солнечные весенние дни. Они хотели жить. Ради жизни, ради счастья на земле они прокладывали дорогу к Берлину через огонь и смерть от самой Волги.

Настал день, и закопченные колонны и стены рейхстага покрылись множеством надписей и имен. Эти надписи на колоннах рейхстага — неповторимый исторический памятник войне и победе, лучше которого не создаст ни один художник мира. В те дни мы клялись перед могилами павших друзей сохранить память о героях последнего штурма Берлина, чтобы и внуки наших детей знали, чьей жизнью и кровью завоевана победа над фашизмом. Реваншисты стерли со стен рейхстага имена и живых и погибших солдат армии освобождения, но они бессильны вычеркнуть славные подвиги наших воинов из памяти советского народа, из памяти всего прогрессивного человечества.

Много славных имен записано в летопись героизма советских войск, штурмовавших Берлин. Многие стали известны всему советскому народу, о многих еще надо

рассказать. Это — почетная и благодарная задача писателей, поэтов, историков. Тогда, в дни боев, просто некогда было собирать материалы о подвигах: живые сражались, а мертвые о себе не говорят.

Мы руководствовались формулой: «Герой не только тот, кто погиб при выполнении задачи. Дважды герой тот, кто, рискуя жизнью, сумел выполнить задачу и остаться в живых, чтобы жить и творить». Формула правильная, она сыграла свою роль. Именно на них, на живых, мы опирались, и они довели дело до конца. Но ни один солдат, ценой жизни проложивший путь к победе, не должен остаться безвестным.

ВИЗИТ КРЕБСА

1

Два дня — 29 и 30 апреля — войска фронта, преодолевая возрастающее упорство противника, особенно батальонов СС, все глубже вгрызались в правительственные кварталы Берлина. Войска 8-й гвардейской армии и 1-й гвардейской танковой генерала Катукова — с юга, войска 3-й ударной генерала Кузнецова и 5-й ударной генерала Берзарина — с востока и севера, танкисты 2-й гвардейской танковой генерала Богданова — с запада, войска маршала Конева — с юго-запада.

Вечером, когда я вернулся со своего наблюдательного пункта в штаб армии в район Иоганнистали, мне позвонил командующий фронтом маршал Жуков. Он спросил:

— Есть ли надежда, что к празднику Первого мая мы очистим полностью Берлин?

Я ответил, что, судя по сопротивлению противника, которое, правда, ослабевает, надежды на скорую капитуляцию у меня нет.

На этом наш разговор и закончился. Маршал Жуков не дал никаких указаний, так как знал, что задача нам всем ясна.

Настроение было хорошее, бодрое: скоро конец войны. Работники политического отдела армии пригласили меня поужинать, а заодно — поговорить о предстоящих делах. В политотделе находились писатели Всеволод Вишневский, Константин Симонов и Евгений Долматовский, композиторы Тихон Хренников и Матвей Блантер. Пока накрывали стол, Тихон Хренников сел за рояль и спел песенку из кинофильма «Свинарка и пастух», а Матвей Блантер — вальс «В лесу прифронтовом». Собрались сесть за стол. В эту минуту ко мне подошел дежурный политотдела и сказал, что меня срочно вызывают к телефону. Я прошел в комнату дежурного, взял трубку. Говорил командир 4-го гвардейского стрелкового

корпуса генерал-лейтенант В. А. Глазунов. Взволнованно, немного в приподнятом тоне он доложил:

— На передний край сто второго гвардейского стрелкового полка тридцать пятой дивизии прибыл с белым флагом подполковник германской армии. У него пакет на имя командования русских войск. Немец просит немедленно доставить его в вышестоящий штаб для передачи важного сообщения. Ему удалось перейти канал на участке Висячего моста. Фамилия этого подполковника Зейферд. Сейчас он находится в штабе дивизии. У него есть полномочия германского верховного командования. Он просит указать место и время для перехода линии фронта представителям верховного командования Германии.

— Ясно,— ответил я.— Скажите подполковнику, что мы готовы принять парламентеров. Пусть он ведет их на том же участке, где перешел сам, через Висячий мост.

— Ваше указание я сейчас же передам в штаб дивизии,— сказал Глазунов.

— Огонь на этом участке прекратить, парламентеров принять и направить на мой передовой командный пункт, я сейчас же выезжаю туда.

Вслед за тем я вызвал к телефону начальника штаба армии В. А. Белявского и приказал обеспечить меня надежной связью. Затем доложил обо всем по телефону командующему фронтом и вместе с генералами Пожарским и Вайнрубом выехал на свой КП.

Еще не зная, с чем придут парламентеры, я чувствовал, что назревают серьезные события.

Едва успел перешагнуть порог рабочей комнаты, как на столе затрещал телефон. В трубке услышал хорошо знакомый мне голос писателя Всеволода Вишневского, который с самого Одера находился при 8-й гвардейской армии. Узнав о том, что я на своем КП ожидаю парламентеров — представителей верховного командования Германии, Всеволод Вишневский взмолился всеми богами, даже назвал меня родным отцом, лишь бы я разрешил ему приехать на КП и присутствовать при переговорах. Я решил, что такое событие не должно пройти мимо наших писателей. Они ведь тоже вместе с войсками шли от Волги до Берлина, по мере сил помогая нам. И многие из них погибли как солдаты. Кому, как не писателям, рассказать обо всем знаменательном в жизни наших воинов. Я пригласил Вишневского к себе.

После этого я вызвал к телефону генерала Белявского и приказал прибыть ко мне с офицерами и переводчиками разведотдела штаба армии.

Наступило томительное ожидание. В комнате только я и адъютант. Прошло полтора часа. Глубокая ночь, но спать совершенно не хочется. В голове проносятся воспоминания. Война длится уже четыре года. Перед глазами Волга, теперь далекая и в то же время близкая — по ней разлилась горящая нефть, бушующее пламя пожирает все — баржи, лодки. Вот листовки геббельсовской пропаганды, гитлеровцы сообщали в них нашим бойцам, что «будут считать дезертиром того, кто не сдастся в плен на западном берегу Волги, а всех тех, кто уйдет на восточный, запишут в списки злостных дезертиров...» Вот Запорожье, ночной штурм, Никополь, Одесса, Люблин, Лодзь. И вот наконец — Берлин. Отстояв священные рубежи на Волге, советские воины стоят теперь на Шпрее. Опустив на время оружие, они ждут парламентеров от руководителей вермахта, тех самых, которые еще недавно были уверены в близком конце Советского государства. Парламентеры от главарей третьего рейха. Не думают ли теперь эти главари, что у нас короткая память, и мы уже забыли о миллионах убитых, о десятках миллионов вдов и сирот, о виселицах и душегубках, о Майданеке и других лагерях смерти?..

Адъютант тоже не спит. Он молчит, и я молчу, но мы хорошо понимаем друг друга. Мы ждем. Ждут наши гвардейцы на Ландвер-канале. Они не отдыхают, они наготове, и если враг не согласится сложить оружие, то ринутся снова на штурм...

Шумно распахнулась дверь. На пороге — Всеволод Вишневский. Он прибыл не один — писатели в одиночку не ездят. Вслед за ним в комнату вошел поэт Евгений Долматовский, который знаком с бойцами 62-й армии еще с берегов Волги, он живой очевидец великой битвы и капитуляции армии Паулюса. Здесь и композитор Матвей Блантер, которого я еще при встрече на Одере с легкой руки Всеволода Вишневского стал звать по-дружески — Мотя.

Но в этот раз мы не могли беседовать, как обычно, разговор не клеился. Каждый думал, пытался оценить назревающие события. Все беспощадно курили, часто выходили в зал с черными колоннами, чтобы отсчитывать шагами секунды непомерно длинных минут.

Вот уже три часа утра... Три с половиной... Забрезжил рассвет. Наступило утро Первого мая... В Берлине мрачно, а там, на Родине, в ее восточных районах, уже начались первомайские демонстрации. Отстает время в Средней Европе от нашего — солнце восходит с востока! Там, в Сибири, на Урале, в Москве, люди уже проснулись и ждут сообщений о том, что происходит сейчас на фронте, в Берлине.

Наконец в 3 часа 55 минут дверь открылась, и в комнату вошел немецкий генерал с орденом Железного креста на шее и фашистской свастикой на рукаве.

Присматриваюсь к нему. Среднего роста, плотный, с бритой головой, на лице шрамы. Правой рукой делает жест приветствия по-своему, по-фашистски; левой подает мне свой документ — солдатскую книжку. Это начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Кребс. С ним вместе вошли начальник штаба 56-го танкового корпуса полковник генерального штаба фон Дуфвинг и переводчик.

Кребс не стал ожидать вопросов.

— Буду говорить особо секретно,— заявил он.— Вы первый иностранец, которому я сообщаю, что тридцатого апреля Гитлер добровольно ушел от нас, покончив жизнь самоубийством.

Произнеся эту фразу, Кребс сделал паузу, точно проверяя, какое воздействие произвело на нас это сообщение. Он, по-видимому, ожидал, что все мы набросимся на него с вопросами, проявим жгучий интерес к этой сенсации. А я, не торопясь, спокойно сказал:

— Мы это знаем!

Затем, помолчав, попросил Кребса уточнить: когда это произошло.

Кребс заметно смутился. Он никак не ожидал, что его сенсационное заявление окажется холостым выстрелом.

— Это произошло в пятнадцать часов сегодня,— ответил он.— И видя, что я смотрю на часы, поправился, уточнил: — Вчера, тридцатого апреля, около пятнадцати часов.

Затем Кребс зачитал обращение Геббельса к Советскому Верховному Командованию, в котором говорилось: «Согласно завещанию ушедшего от нас фюрера, мы уполномачиваем генерала Кребса в следующем:

Мы сообщаем вождю советского народа, что сегодня

в 15 часов 50 минут самовольно ушел из жизни фюрер. На основании его законного права фюрер всю власть в оставленном им завещании передал Деницу, мне и Борману. Я уполномочен Борманом установить связь с вождем советского народа. Эта связь необходима для мирных переговоров между державами, у которых наибольшие потери. Геббельс».

Кребс вручил мне еще два документа: о его полномочии на ведение переговоров с русским Верховным командованием (бланк начальника имперской канцелярии с печатью подписан Борманом 30 апреля 1945 года) и завещание Гитлера со списком нового имперского правительства и верховного командования вооруженных сил Германии (этот документ подписан Гитлером и свидетелями; на нем пометка — 4 часа 00 минут 29 апреля 1945 года).

Кребс как бы хотел прикрыться этими документами от вопросов, которых, разумеется, ожидал. Он чувствовал неловкость и трудность дипломата, пришедшего не просто представлять одну сторону другой, а просить «пардона». Конечно, ему хотелось осторожно прощупать нас, узнать, нельзя ли чего выторговать, играя на наших чувствах обоснованного недоверия к союзникам по антигитлеровской коалиции, которые так долго тянули с открытием второго фронта. В то же время ему, закоренелому нацисту, не так-то легко было признать себя побежденным. Ведь он принимал личное участие в походе на Восток.

Почему же я ответил Кребсу, что самоубийство Гитлера не является для меня новостью?

Должен признаться, что я не знал о смерти Гитлера и не ожидал услышать о ней из уст Кребса. Однако же, готовясь к этому разговору, я настроил себя встретить любую неожиданность спокойно, не выказывая и тени удивления, не делая торопливых выводов. Я знал, что опытный дипломат — а Кребс был именно таковым — никогда не начнет разговора с того вопроса, который для него является главным. Он обязательно сначала разведает настроение своего собеседника, а затем постарается повернуть разговор так, чтобы о главном вопросе заговорил первым тот, кто должен его решить.

Для меня и для всех присутствующих при переговорах смерть Гитлера была действительно новостью первостепенной важности, но для Кребса она служила лишь

дипломатической маскировкой основного, самого главного вопроса. Поэтому я сразу отвел его попытку увести разговор в сторону и тем самым заставил перейти к делу, ради которого он пришел к нам.

— В этих документах речь идет о Берлине или о всей Германии? — спросил я.

— Я уполномочен Геббельсом говорить от имени всей германской армии,— последовал ответ.

Соединился по телефону с маршалом Жуковым, доложил, что Кребс уполномочен временно прекратить военные действия. Жуков спрашивает Кребса, идет ли речь о капитуляции.

— Есть другие возможности прекратить войну,— ответил Кребс.— Для этого необходимо дать возможность собраться новому правительству во главе с Деницем, которое решит вопрос путем переговоров с Советским правительством.

— Какое может быть правительство, если ваш фюрер покончил жизнь самоубийством, тем самым признал несостоятельность возглавляемого им режима. После него, наверное, остался кто-то из заместителей, который вправе решать — быть или не быть дальнейшему кровопролитию. Кто сейчас замещает Гитлера?

— Сейчас Гитлера замещает Геббельс. Он назначен канцлером. Но перед смертью Гитлер создал новое правительство во главе с президентом гросс-адмиралом Деницем.

Пока я разговаривал с Кребсом, мой адъютант, Всеволод Вишневский и Евгений Долматовский старательно записывали каждое слово. Чего-чего, а секретарей на этих переговорах хватало.

Кстати говоря, несколько лет назад ко мне обратилась вдова Всеволода Вишневского, Софья Касьяновна Вишневецкая, с просьбой дать согласие на опубликование записей, сделанных ее мужем во время моих переговоров с Кребсом. Я их внимательно прочитал и дал согласие: они весьма точны, хотя, разумеется, не полны. Но упрекать писателя за это нельзя. Ведь в переговорах, кроме меня и Кребса, участвовало командование фронта. И конечно, присутствующие не знали содержания телефонных разговоров.

К счастью, память хорошо сохранила подробности той ночи, и я постараюсь воспроизвести их с максимально возможной точностью.

Получив первые ответы на свои вопросы от Кребса, решаю позвонить командующему фронтом. Беру телефонную трубку, вызываю маршала Жукова, докладываю ему:

— Ко мне прибыл начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Кребс. Он сообщил, что Гитлер покончил жизнь самоубийством. Геббельс как канцлер и Борман как председатель нацистской партии уполномочили Кребса вести переговоры с нами о перемирии. Кребс просит прекратить военные действия на время переговоров, дать возможность собраться новому правительству во главе с президентом Деницем, которое решит вопрос о дальнейшем течении войны.

Г. К. Жуков сказал, что немедленно доложит в Москву. Я же должен ждать у телефона: возможно, будут вопросы и потребуются разъяснения.

Спустя минуту он спросил:

— Когда Гитлер покончил с жизнью?

Сознательно задаю Кребсу вторично этот вопрос, так как в первый раз он оговорился не то механически, не то умышленно. Спрашиваю и смотрю на часы, они показывали 4 часа 27 минут 1 мая. Кребс поспешил уточнить:

— Вчера, тридцатого апреля, в пятнадцать часов пятьдесят минут.

Передаю это Жукову, а тот — в Москву.

Через минуту в телефоне слышится:

— Спросите Кребса, хотят ли они сложить оружие и капитулировать или же намерены заниматься переговорами о мире?

Спрашиваю Кребса в упор:

— Идет ли речь о капитуляции и заключается ли ваша миссия в том, чтобы ее осуществить?

— Нет, есть другие возможности.

— Какие?

— Разрешите и помогите нам собрать новое правительство, которое назначил Гитлер в своем завещании, и оно решит этот вопрос в вашу пользу.

Докладываю этот ответ Г. К. Жукову. Он приказывает снова ждать у телефона.

Ну, думаю, хитер этот Кребс: второй раз повторяет одно и то же — излюбленный прием дипломатов добиваться цели настойчивым повторением одной и той же мысли в разных вариантах. Но сейчас он грубо перехлестывает. На пятой странице завещания Гитлера

читаю: «Чтобы Германия имела правительство, состоящее из честных людей, которые будут продолжать войну всеми средствами, как лидер нации, я назначаю членами нового кабинета...»

— Что за новое правительство? — интересуется Жуков.

Я как раз, читая завещание Гитлера, дошел до состава этого нового правительства. Вот оно:

1. Президент — Дениц
2. Канцлер — Геббельс
3. Министр партии — Борман
4. Министр иностранных дел — Зейс-Инквартт
5. Министр внутренних дел — гаулейтер Гислер
6. Военный министр — Дениц
7. Командующий сухопутными войсками — Шернер
8. Командующий военно-морским флотом — Дениц
9. Командующий военно-воздушным флотом — Грейм
10. Рейхсфюрер СС и начальник германской полиции — гаулейтер Ханке
11. Министр хозяйства — Функ
12. Министр сельского хозяйства — Баке
13. Министр юстиции — Тирак
14. Министр просвещения — д-р Шил
15. Министр пропаганды — д-р Науман
16. Министр финансов — Шверин-Крозиг
17. Министр труда — д-р Хурфауэр
18. Министр вооружения — Саур
19. Руководитель германского рабочего фронта и член кабинета, рейхсминистр — Лей

— Что еще может сказать Кребс? — спросил Жуков.

Передаю вопрос Кребсу. Тот пожимает плечами. Тогда я пояснил ему, что мы можем вести переговоры только о полной капитуляции Германии перед союзниками по антигитлеровской коалиции: СССР, США и Англией. В этом вопросе мы едины.

— Для того чтобы иметь возможность обсудить ваши требования, я прошу о временном прекращении военных действий и о помощи новому правительству собраться

здесь, в Берлине.— И подчеркнул: — Именно в Берлине, а не в другом месте.

— Нам понятно, чего хочет ваше новое правительство, — заметил я, — тем более нам известна попытка ваших друзей, Гиммлера и Геринга, зондировать почву у наших союзников. Разве вы об этом не знаете?

Кребс насторожился, видимо, мой вопрос был для него неожиданным. Смутился, начал шарить в боковом кармане мундира и достал карандаш, который ему был совершенно не нужен.

— Я являюсь уполномоченным законного правительства, которое сформировано по завещанию Гитлера, — ответил он наконец. — Может появиться новое правительство на юге, но оно будет незаконным. Пока правительство есть только в Берлине, оно законное, и мы просим перемирия, чтобы собраться всем членам правительства, обсудить положение и заключить выгодный для вас и для нас мир.

— Вопрос о перемирии или мире может решаться только на основе общей капитуляции, — твердо заявил я.— Таково решение наше и наших союзников, и никакими разговорами и обещаниями вам не удастся разорвать этот единый фронт антигитлеровской коалиции.

По лицу Кребса пробегает дрожь, шрам на его щеке порозовел. Заметно, что напрягает всю силу воли, чтобы оправиться от растерянности, и тут же проговаривается.

— Мы думаем, что СССР будет считаться с новым легальным немецким правительством. Для обеих сторон это выгодно и удобно. Если вы завладеете районом, где находится правительство, и уничтожите всех нас, тогда немцы не будут иметь возможности работать с вами и...

Я перебиваю:

— Мы пришли не для того, чтобы уничтожать немцев, а освобождать их от фашизма. И немцы, честные немцы, уже работают с нами, чтобы избежать дальнейшего кровопролития.

Кребс снова продолжает:

— Мы просим признать новое правительство Германии до полной капитуляции, связаться с ним и дать ему возможность войти в сношение с вашим правительством. От этого выгадаете только вы.

Повторив, что у нас одно условие — общая капиту-

ляция, я вышел в соседнюю комнату позвонить командующему фронтом.

В докладе маршалу Жукову я изложил свои соображения:

— Кребс пришел не для переговоров о капитуляции, а, по-видимому, выяснить обстановку и наше настроение — не пойдем ли мы на сепаратные переговоры с новым правительством. Сил у них для дальнейшей борьбы с нами нет. Геббельс и Борман решились на последний ход — завязать переговоры с нашим правительством. Они ищут всякие лазейки и трещины между нами и союзниками, чтобы посеять недоверие. Кребс явно тянет с ответами на вопросы, хочет выиграть время, хотя это не в их пользу, так как наши войска продолжают наступление. Тихо лишь на участке, где перешел Кребс.

Маршал задал несколько вопросов, сказал, что он сейчас доложит обо всем в Москву, и приказал мне продолжать переговоры и добиться от Кребса согласия на общую капитуляцию.

Начальник штаба армии генерал Белявский подает мне на подпись проект приказания за № 2948 от 30 апреля 1945 года. Читаю. Что же, все правильно. Молча визирую этот документ, который по существу стал последним боевым распоряжением по 8-й гвардейской армии:

«В связи с возможной капитуляцией или массовой сдачей в плен окруженного противника в городе Берлине командарм приказал:

1. Начальнику тыла армии подготовиться к приему 40—50 тысяч пленных, для этого:

а) в полосе армии, вне черты города, но не далее 5—8 км от его окраины, не позднее 1.5.45 г. подготовить достаточной емкости армейский пункт сбора военнопленных (возможно, в районе Дамм);

б) для питания военнопленных подвезти необходимые запасы продовольствия.

2. Командирам корпусов:

а) для надежной охраны пленных и для конвоирования их с армейского пункта во фронтовой лагерь военнопленных подготовить по одному стрелковому батальону;

б) на случай капитуляции противника в Берлине, заранее наметить места для разоружения и пути вывода частей противника из города на армейский пункт военно-

пленных. Сюда же принимать военнопленных от 1-й гвардейской танковой армии.

О готовности к приему пленных донести к 18.00 1.5.45».

Возвращаюсь в комнату переговоров. Время — 4 часа 40 минут. От усталости и бессонницы в голове шум. Непривычная работа быстро утомляет.

Сажусь за стол против Кребса. Чувствую, что за время моего отсутствия он обдумал положение и подготовил какие-то новые аргументы в защиту своих, вернее геббельсовских, предложений. Он заговорил первым, снова настаивая на временном перемирии.

— Я не имею возможности вести иные переговоры,— заявил он,— я только уполномоченный и не могу отвечать за свое правительство. В ваших интересах вести их с новым правительством Германии. Мы знаем, что немецкое правительство — пас (и сам засмеялся). Сильны вы — мы это знаем, и так думаете вы сами...

Это уже ход ферзем. Кребс пускает в дело главную фигуру. Давать ему спуску за навязчивость нельзя. Он явно хочет втянуть меня в обсуждение вопроса о перемирии.

— Вы должны понять, господин генерал,— сказал я,— что мы знаем, чего вы хотите от нас. Вы намереваетесь предупредить, что будете продолжать борьбу, точнее, бессмысленное сопротивление, которое увеличит число напрасных жертв. Я задаю вам прямой вопрос: в чем смысл вашей борьбы?

Несколько секунд Кребс смотрел на меня молча, не зная, что сказать, затем выпалил:

— Мы будем бороться до последнего.

Я не мог сдержать иронической улыбки.

— Генерал, что у вас осталось, чем, какими силами вы хотите бороться? — Затем, после небольшой паузы, добавил: — Мы ждем полной капитуляции.

— Нет! — воскликнул Кребс. Потом со вздохом сказал: — В случае полной капитуляции мы юридически не будем существовать как правительство.

2

Переговоры утомляли все больше. Ясно: Кребс имеет задачу убедить нас признать «новое» правительство. Без согласия Геббельса и Бормана он не может изменить

высказанных им предложений и будет твердить одно и то же. В его словах, во всем поведении чувствовалась безнадежность, но он не уходил, чего-то ждал от меня. Возможно, объявления, что я разговариваю с ним, как с пленником.

По ходу событий на участках, где не прекращался огонь, чувствовалось, что сплошного сопротивления противника по всему фронту окружения уже нет. Сопротивляются лишь отдельные гарнизоны и отряды войск СС, пока еще довольно сильные. Они обороняются в правительственных кварталах, на вокзалах, в рейхстаге и в бункерах на территории зоологического сада.

Мне принесли письмо из одного иностранного посольства, в котором глава миссии благодарил советские войска за внимательное отношение к членам миссии.

Стрелки часов показывали пять утра. Я не выдержал и заявил Кребсу:

— Вы настаиваете на перемирии и ведении переговоров о мире в то время, когда ваши войска капитулируют, когда ваши солдаты и офицеры сотнями и тысячами сдаются в плен.

Кребса передернуло.

— Где? — быстро спросил он.

— Везде.

— Без приказа? — удивился Кребс.

— Наши наступают — ваши сдаются.

— Может быть, это отдельные явления? — цеплялся за соломинку немецкий генерал.

И как раз в этот миг донесся грохот залпа «катюш». Кребс даже съежился.

Беру газету и читаю вслух сообщение агентства Рейтер о неудачном дипломатическом маневре Гиммлера, который с помощью Бернадотта — члена шведской королевской семьи — стремился вступить в переговоры с влиятельными людьми Англии и с британским правительством. Гиммлер через Бернадотта передавал, что фюрер конченный человек, как политически, так и физически.

— «В сложившейся ситуации, — читал я, — руки у меня свободны. Желаю предохранить возможно большую часть Германии от русского вторжения, я готов капитулировать на Западном фронте, чтобы тем самым войска западных держав смогли как можно быстрее продвинуться на восток. В противоположность этому я не

намерен капитулировать на Восточном фронте. Я всегда был и остаюсь заклятым врагом большевизма». Так заявил Гиммлер англичанам,— заметил я и продолжал читать:

— «Благодаря вмешательству Советского правительства американцы и англичане отказались вести с Гиммлером сепаратные переговоры, о чем поставили в известность Советское правительство...»

Смотрю на неудачливого парламентера. Кребс явно удручен. Глядя в пол, он бормочет:

— Гиммлер на это не был уполномочен. Мы этого боялись. Гиммлер не знает, что фюрер покончил с собой.

— Но ведь вам известно, что Гиммлер по радио назначал пункты для сепаратных переговоров с нашими союзниками?

— Это частное мероприятие,— ответил Кребс,— на других основаниях.— И, помолчав, добавил: — В случае полной капитуляции мы не сможем избрать свое правительство.

Немец-переводчик вмешивается в разговор:

— Берлин решает за всю Германию.

Кребс его тут же обрывает:

— Я сам говорю по-русски не хуже вас.— И, обращаясь ко мне, уже на русском языке быстро заговорил: — Я боюсь, что будет организовано другое правительство, которое будет против решений Гитлера. Я слушал только радио Стокгольма, но мне показалось, что переговоры Гиммлера с союзниками зашли далеко.

Этими словами Кребс выдал себя с головой. Руководство третьего рейха знало о переговорах Гиммлера, оно было убеждено, что наши союзники соблазнятся на предложение Гиммлера, а Советское правительство примет предложение Геббельса — Бормана. Как нам было известно, Герман Геринг нацеливался с такой же миссией на американцев, конкретно на Эйзенхауэра, но его попытки потерпели неудачу.

Герман Геринг — правая рука Гитлера, создатель и командующий нацистской авиацией. Это он заявил когда-то, что на территорию Германии не упадет ни одна бомба. Что осталось от его хвастливых заявлений? После войны я видел фотографию: Геринг стоит перед международным трибуналом в Нюрнберге и дает показания. Толстяк заметно похудел. Он — подсудимый. А когда-то он выступал как обвинитель — самоуверенный, наглый.

Это было в Лейпциге в 1933 году на позорном судебном процессе над Димитровым после провокационного поджога рейхстага.

А теперь он сам стоит в качестве обвиняемого, похудевший и опустившийся, чувствуя безнадежность. Рядом с ним — Риббентроп, Кейтель, Кальтенбруннер... Главари гитлеровской банды не избежали справедливого возмездия...

Но вернемся к переговорам.

После короткой паузы Кребс снова повторил о необходимости создания нового германского правительства, что задача нового правительства — заключить мир с державой-победительницей, то есть с СССР.

Я дал понять Кребсу еще раз, что действия правительств США и Англии согласованы с нашим правительством, что демарш Гиммлера я понимаю как неудачный дипломатический шантаж. Что касается нового правительства, то мы думаем так: самое авторитетное немецкое правительство для немцев, для нас и наших союзников будет то, которое согласится на полную капитуляцию.

— Ваше так называемое «новое» правительство, — сказал я, — не соглашается на общую капитуляцию потому, что связало себя завещанием Гитлера и намерено продолжать войну. Ваше «новое» правительство или «новый кабинет», как назвал его Гитлер в своем политическом завещании, хочет в будущем выполнять его волю. А его воля заключается в следующих словах завещания: «Чтобы Германия имела правительство, состоящее из честных людей, **которые будут продолжать войну всеми средствами...**» — Я показываю Кребсу эти строчки. — Разве из этих посмертных слов Гитлера не видно, что, отрицая общую капитуляцию, ваше так называемое «новое» правительство хочет продолжать войну?

Время потянулось еще медленнее. Но приходилось сидеть и ждать решений Москвы. Переходим к частным разговорам.

— Где сейчас генерал Гудериан, с которым я в тридцать девятом году встречался в Бресте? — поинтересовался я. — Он тогда командовал танковой дивизией.

— Гудериан был начальником штаба сухопутных войск Германии до пятнадцатого марта, затем заболел и сейчас находится на отдыхе. Тогда я был его заместителем.

— Болезнь Гудериана дипломатическая, политическая или военная хитрость?

— О своем бывшем начальнике я не могу говорить плохо, но нечто в этом роде было.

— Вы все время находились в ставке?

— Я работал начальником отдела боевой подготовки. Я был также в Москве и до мая сорок первого года замещал там военного атташе, а затем меня назначили начальником штаба армейской группы на Востоке.

— Значит, это вы в Москве научились русскому языку и с вашей помощью Гитлер получал информацию о Советских Вооруженных Силах? Где вы были во время Сталинградского сражения и как вы к нему относитесь?

— Я был в это время на Центральном фронте, у Ржева. Ужасно — этот Сталинград! С него начались все наши несчастья... Вы были в Сталинграде командиром корпуса?

— Нет, командующим армией.

— Я читал сводки о Сталинграде и доклад Манштейна Гитлеру.

Долгая пауза.

Чтобы прервать молчание, я спросил:

— Почему Гитлер покончил жизнь самоубийством?

— Военное поражение, которого он не предвидел. Надежды немецкого народа на будущее потеряны. Фюрер понял, какие жертвы понес народ, и, чтобы не нести ответственности при жизни, решил умереть.

— Поздно понял, — заметил я. — Какое было бы счастье для народа, если бы он это понял пять-шесть лет назад...

Беру завещание Гитлера и читаю вслух:

— «Хотя в годы борьбы я считал, что не могу взять на себя такую ответственность, как женитьба, теперь, перед смертью, я решил сделать своей женой женщину, которая после многих лет настоящей дружбы приехала по собственному желанию в этот уже почти окруженный город, чтобы разделить мою судьбу.

Она пойдет со мной на смерть по собственному желанию, как моя жена, и это вознаградит нас за все, что мы потеряли из-за моей службы моему народу». Обращаюсь к Кребсу:

— Ева Браун как будто не арийской крови. Как же это Гитлер отошел от своих принципов?

Кребс поморщился и ничего не сказал.

Мне пришлось добавить:

— Жаль! Может быть, провести телефон из этого дома к Геббельсу? — переменил я тему разговора.

— Я буду очень рад, — встрепенулся Кребс. — Тогда и вы сможете говорить с доктором Геббельсом. Я готов послать с вашими телефонистами своего адъютанта — это поможет.

Позвонил маршал Жуков, я доложил, что Кребс с 15-го марта — начальник генерального штаба, читаю по телефону документ Геббельса о полномочии Гребса.

Мы договорились, что полковник, сопровождавший Кребса, и немецкий переводчик возвратятся к себе, чтобы установить прямую телефонную связь с имперской канцелярией. С ними ушли два наших связиста — офицер и рядовой, которых выделил начальник штаба армии.

К этому времени ко мне на КП прибыли член Военного совета армии генерал-майор Пронин, мой первый заместитель генерал-лейтенант Духанов, начальник оперативного отдела полковник Толконюк, начальник разведки полковник Гладкий, его заместитель подполковник Матусов и наш переводчик капитан Кельбер.

Мы перешли в соседнюю комнату, приспособленную под столовую. Принесли чай, бутерброды. Все проголодались. Кребс тоже не отказался. Взял стакан и бутерброд. Я заметил, как дрожат у него руки.

Сидим уставшие. Чувствуется близость конца войны, но ее последние часы утомительны. Ждем указания Москвы.

А фронтовая жизнь шла своим чередом. Штаб армии предупредил войска, в первую очередь армейских артиллеристов, что надо быть готовыми к продолжению штурма. Разведчики вели наблюдение за противником, его резервами, снабжением. В подразделения подвозили боеприпасы и горючее. Саперы строили и улучшали переправы через канал Ландвер. Я иногда уходил от Кребса в соседние комнаты, чтобы дать указания и утвердить распоряжения штаба.

Командирам корпусов и дивизий было четко сказано, что переговоры ведутся как положено, а войска должны быть готовы немедленно, по первому сигналу возобновить штурм. Получалось так: Геббельс, Борман и Кребс хотели оттянуть время в свою пользу — авось русские начнут перепалку с союзниками... А мы это же самое время использовали для того, чтобы получше подгото-

виться и одним ударом завершить штурм Тиргартена, если капитуляция не состоится.

Разговор с Кребсом возобновился. Хотелось проникнуть в тайны руководителей третьего рейха, в их замыслы и надежды, тем более, без ответа Москвы прекратить переговоры с Кребсом я не мог. Кребс, конечно, все знает, но ничего толком не скажет, из него надо суметь выудить все, что можно, ведя беседу, сопоставляя его ответы на вопросы:

— Где сейчас Герман Геринг?

Кребс встрепенулся, будто его разбудили:

— Геринг? Он — предатель, его фюрер терпеть не может. Геринг предложил фюреру сдать ему управление государством, фюрер исключил его из партии... — И тут же поправляется: — Гитлер перед смертью исключил его из партии, о чем он пишет в завещании.

Уже путаница: то «фюрер терпеть не может Геринга» сказано в настоящем времени, то «Гитлер перед смертью исключил его из партии» — уже прошедшее время.

Пытаюсь уточнить:

— Кто же, по-вашему, Гиммлер?

— Гиммлер — предатель. Он работал против фюрера, давно хотел заключить сепаратный мир с западными державами и разъединить нас. О его намерении узнал фюрер и... — несколько секунд пауза, — это одна из причин его самоубийства. Фюрер дорожил преданностью своих соратников. Перед смертью он искал выхода... в заключении мира, в первую очередь с Россией.

— Итак, Гиммлер — предатель?

— Да, — подтвердил Кребс. — Согласно завещанию Гитлера, Гиммлер исключен из партии. Гиммлер вне Берлина. Он в Мекленбурге.

— Вы ведь знали о предложении Гиммлера: полная капитуляция перед США и Англией? (Тут я прямо беру Кребса «на пушку»: я до последнего дня почти ничего не знал о предложении Гиммлера.)

Кребс, подумав, ответил:

— Как вам известно, мы его подозревали, но окончательно я убедился в этом из сообщения агентства Рейтер. Мы не были извещены Гиммлером. Фюрер оставил его вне Берлина, чтобы он прислал помощь Берлину, бросил сюда все части вооруженных сил Германии. Но он обманул фюрера, не сделал этого. Гиммлер — предатель, хотел заключить мир без ведома фюрера, он против

интересов Германии. Я все время находился с фюрером, был его непосредственным советником по вопросам войны. А вне Берлина, в Мекленбурге, был ОКВ. Фюрер давал им приказы непосредственно из Берлина. Я был ответственным за Восточный фронт.

Тут Кребс проболтался и тем подтвердил все наши догадки и предположения. В его словах о том, что Гитлер приказал все части вооруженных сил Германии бросить «оттуда», то есть с Запада, к Берлину, на Восточный фронт, против нас, и тем самым открыть войскам западных держав путь на Берлин, была истинная правда.

Не теряя этой нити, спрашиваю Кребса:

— Кто у вас сейчас является главнокомандующим?

— Согласно завещанию Гитлера, теперь стал Дениц. Шернер — новый командующий сухопутными войсками; воздушными силами — фон Грейм. Геринг болен, Гудериан болен.

— Где Риббентроп?

— В Мекленбурге. Вместо него Зейс-Инкварт.

— Таким образом, полная реорганизация правительства. Она не касается только вас. Вы были при Гитлере и остаетесь сейчас начальником генерального штаба сухопутных войск?

— Да, — подтвердил Кребс.

— Кто же будет уполномочен на окончательные переговоры с Советским Союзом и его союзниками?

— Геббельс и Борман. Они находятся в Берлине и являются единственными представителями Германии.

— А что будут делать другие члены правительства?

— Они выполняют приказ фюрера.

— А признают ли войска новое правительство?

— Если представится возможность довести завещание фюрера до сведения армии, войска выполнят его волю. Лучше это сделать до объявления другого правительства.

— Вы боитесь этого «другого» правительства?

— Гиммлер предал нас и может создать новое правительство. Гиммлер еще не знает о смерти фюрера и его завещании.

— Как вы думаете связаться с другими районами? Ведь они отрезаны.

— Посредством временного перемирия с вами. Мы тогда все огласим.

— Не понимаю.

Кребс уточнил:

— При вашем содействии мы свяжемся с периферией при помощи авиации или другими способами.

— Значит, правительство создается, чтобы действовать на территории Германии, собрать силы и продолжать войну?

— Нет, чтобы начать переговоры и кончить войну.

— Однако, — ловлю его опять, — в завещании Гитлера ясно говорится, что он создает правительство из людей, «которые будут проводить войну всеми средствами». Не лучше ли вам согласиться сначала кончить войну, а потом начать переговоры?

Кребс что-то медлит с ответом, а затем отвечает:

— Ответ может дать мое правительство, а не я...

БЕРЛИНСКИЙ ПЕРВОМАЙ

1

За окном грохот орудий. На улице уже светло, день 1 мая начинается в Берлине для нас очень своеобразно. Мы целую ночь ведем переговоры, а пользы — ноль. Москва приказала ждать ответа, то и дело запрашивает о разных деталях, уточняя ход переговоров. Из штаба фронта срочно потребовали прислать документы, принесенные Кребсом.

Подходит генерал Пожарский и сообщает, что меня к телефону вызывает командир 28-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-лейтенант Рыжов. Перехожу в другую комнату, оставляю Кребса с генералами Пожарским, Вайнрубом и писателями.

Генерал Рыжов докладывает, что в 4 часа 30 минут немецкие радиостанции якобы из штаба обороны города Берлина попросили выслать офицера на северо-восточную окраину зоологического сада для встречи с парламентерами немецкой армии. Генерал Рыжов и командир 39-й гвардейской стрелковой дивизии полковник Марченко назначили своим парламентером майора Берсенева — офицера штаба этой дивизии.

Как прошла и чем закончилась эта встреча, мне рассказал Берсенев (ныне подполковник в отставке).

«Я должен был предъявить ультиматум о безоговорочной капитуляции, гарантировав жизнь всем сдавшим оружие и прекратившим сопротивление. Я должен был заявить немцам, что в случае отказа сдаться они в течение 24 часов будут полностью уничтожены.

Я отдавал себе отчет в том, что успешное выполнение этого задания сохранило бы много жизней наших солдат и офицеров. Прекрати враг бессмысленное сопротивление, намного меньше было бы в мире калек, вдов и сирот. Я дорожил оказанным доверием и был полон решимости выполнить задание до конца, чего бы это мне ни стоило.

Ровно в 5 часов 1 мая 1945 года я был с белым флагом на указанном месте, у северо-восточного угла зоологического сада. Свою автомашину с ординарцем и шофером оставил за углом соседней улицы в укрытии.

Пока шел к назначенному месту и пока минут двадцать ждал парламентеров, немцы огня по мне не вели. По-видимому, немецкие войска на этом участке были предупреждены о прибытии представителя нашего командования.

За эти двадцать минут ожидания я многое передумал, но одна мысль особенно сверлила мой мозг: не ложный ли был вызов со стороны противника, не провокация ли это? Однако, зная хорошо обстановку в Берлине, в каком безвыходном положении находятся войска противника, я эту мысль отбрасывал. Но она возникала снова и снова. Наконец я увидел, как метрах в двухстах от меня из-за угла вышли двое немцев с белым флагом и направились ко мне.

Я сделал несколько шагов к ним навстречу. Вдруг один из парламентеров упал. Послышались выстрелы, и пули завизжали вокруг меня. Я не успел принять мер предосторожности. Почувствовал удар в левое бедро и коленный сустав. После этого я упал, сильно ударился головой о панель.

Очнулся уже около своей автомашины. Оказывается, ординарец, рискуя жизнью, вытащил меня из зоны огня. Вместе с шофером они подняли меня в автомашину. Нога висела, как плеть, но особенной боли я не чувствовал, только в голове шумело. Я сказал: «Везите к комдиву»— и снова впал в забытье. Пришел в себя, когда мне сделали укол. Надо мной склонились полковник Марченко и генерал Рыжов. Посмотрев на свои ноги, я не узнал свою левую: вместо сапога и брюк увидел белую чурку с красными кровавыми пятнами. В глазах рябило, лица людей расплывались. Я рассказал по порядку все, как было...»

После того как генерал Рыжов доложил мне о случае с Берсеневым, стало совершенно ясно, что в гарнизоне Берлина произошел раскол: одна часть солдат и офицеров готова сдаться на милость победителя, другая, состоящая из оголтелых нацистов, не только сама не идет на капитуляцию, но и силой оружия пресекает попытки других к сдаче. Кто из них возьмет верх, зависит от наших действий. Ясно только одно, что наступившее за-

тишье в связи с переговорами с Кребсом, нацисты используют для усиления своего влияния на осажденный гарнизон. Нам нужно скорее нанести еще удар посильнее, и сопротивление врага будет сломлено. Возможно, даже с помощью тех, кто готов к капитуляции.

Звонок из штаба фронта. Маршал Жуков сообщил, что ко мне выехал его заместитель генерал армии Соколовский. Командующий попросил уточнить данные о Гиммлере, узнать, где Риббентроп, кто сейчас начальником генерального штаба, где труп Гитлера. И еще вопросы, вопросы...

Отвечаю то, что знаю из разговора с Кребсом. Остальное надо еще вытягивать из него. А он не особенно разговорчив на эти темы: на каждый вопрос отвечает предельно кратко и уклончиво. Его положение не из легких. Он знает, что уговорить нас, заставить поверить Геббельсу и Борману невозможно. Но его послали за этим, и он упорно добивается своего. Мы, ведя переговоры, можем сами решить только один вопрос — принять капитуляцию. Мы с большим удовольствием выпроводили бы Кребса обратно к Геббельсу, чтобы затем силой оружия заставить войска сдаться и капитулировать. Но Москва приказала ждать.

Вернувшись в комнату переговоров, задаю вопросы Кребсу:

— Где труп Гитлера?

— В Берлине. Сожжен по завещанию. Это совершилось сегодня.

— Кто начальник штаба вашей ставки?

— Йодль, а Дениц — новый верховный главнокомандующий, оба в Мекленбурге. В Берлине только Геббельс и Борман.

— Что же вы раньше не сказали, что Дениц в Мекленбурге?

Кребс молчит.

Беру трубку, вызываю маршала Жукова и докладываю:

— «Верховный главнокомандующий» гросс-адмирал Дениц находится в Мекленбурге, там же рядом и Гиммлер, которого Геббельс считает предателем. Герман Геринг якобы болен, находится на юге. В Берлине только Геббельс, Борман, Кребс и труп Гитлера.

Маршал Жуков говорит, что эта путаница, неразбериха с посылкой парламентеров к нам, в Берлине, а на

западе и на юге — к союзникам задерживает решение нашего правительства. Но ответ скоро будет и, наверное, с требованием полной капитуляции.

Кребс слышал мой разговор с Жуковым: я не стеснялся высказывать при нем свои мысли. Положив трубку, обращаюсь к нему:

— Значит, основные военные деятели в Мекленбурге, а в Берлине Геббельс и Борман остались выполнять волю фюрера. Какую?

— Они хотят прекратить войну, но только после признания вами правительства, созданного согласно воле фюрера.

— То есть правительства, которое не хочет ни мира, ни войны?

Кребс задумался, потом сказал:

— На том участке, где огонь, я согласен его прекратить.

— Зачем это надо, раз ваше так называемое правительство не идет на капитуляцию? Вы хотите, чтобы еще лилась кровь?

— Я хочу все сделать, и как можно скорее, чтобы было признано одно легальное правительство в Берлине, чтобы не появилось еще какое-то — нелегальное правительство.

— Если вы не капитулируете, то наши войска пойдут на штурм, а там разбирайся, где легальное, а где нелегальное правительство.

— Поэтому мы и просим перемирия.

— А мы требуем капитуляции!

Обращаюсь к Кребсу:

— У вас есть еще какие-либо документы, кроме предъявленных?

— Тут есть приложение — состав правительства, о котором я вам доложил, — и он протягивает мне еще бумагу, в которой указываются члены кабинета, уже названные в завещании Гитлера.

— Цель вашего прихода — переговоры только с СССР?

— Только с вами.

— Вы — с нами, а Гиммлер и другие — с союзниками? Почему вы не хотите говорить одновременно с нами и с нашими союзниками, а предпочитаете действовать раздельно?

Пауза. Кребс потупился. Затем поднял голову:

— При расширении полномочий будем вести переговоры и с другими правительствами, с вашими союзниками.

— Это зависит от решения вашего правительства?

— Да, когда оно соберется полностью. Это основная его цель.

— Где должно собраться ваше правительство?

— До сих пор это не решено. Но лучше всего в Берлине.

— Но ведь до безоговорочной капитуляции остатков берлинского гарнизона ваше правительство не сможет здесь собраться.

— А я глубоко убежден, что при капитуляции берлинского гарнизона наше правительство вообще никогда не соберется. Это будет невыполнением завещания фюрера. Я считаю, что полная капитуляция не может быть решена до признания всеми нового правительства.

— Итак, правительство действует и не капитулирует?

— Я прибыл, чтобы разрешить все эти вопросы и передать немецкие заверения. А вопрос о полной капитуляции может быть решен в несколько часов после перемирия и признания нового правительства.

— Это значит, вы хотите драться до последнего? Знаете ли вы об условиях полной капитуляции?

— Да, знаю, — ответил Кребс. — Но кому вести эти переговоры?

— У вас есть рейхсканцлер, с ним Борман. Если они уполномочили вас вести с нами переговоры, значит, они могут принять окончательное решение. Разве это не так?

— Они не могут принять решение о полной капитуляции, не проинформировав обо всем Деница. Единственная рация находится у Гиммлера. У нас же радиостанция разбомблена.

— Мы дадим вам радиосвязь. Обнародуйте завещание фюрера по радио. Это прекратит кровопролитие.

Кребс поморщился:

— Неудобно. Для Деница это будет неожиданным известием. Он еще не знает о завещании. Мы сделали попытку заинтересовать СССР, мы не хотим нелегального правительства, согласного на отдельный договор с США и Англией. Мы предпочитаем вести переговоры с Россией.

Только теперь, видимо, до него стало доходить, что мы не доверяем ни Геббельсу, ни его посланцам. И мне осталось сказать ему прямо, что, как военный, я заинтересован прежде всего в том, чтобы поскорее разделаться с войсками противника, безнадежно обороняющимися в Берлине.

Кребс, выслушав меня, опять повторил:

— Если будет уничтожен берлинский гарнизон, не будет германского легального правительства...

— Бессмыслица, — прервал я его.

— Я познакомил вас с моим поручением, других у меня нет...

— А я сообщил вам единственное и окончательное условие: безоговорочная капитуляция.

Генерал Кребс и его адъютант внешне сдержанны, спокойны, но чего им это стоит!

Я снова подтверждаю:

— Гарантируем сохранение жизни. А о правительстве после будем говорить. У вас нет войска, а вы хотите собрать какие-то силы — не выйдет!

Кребс говорит торопясь:

— Я предлагаю паузу в боевых действиях. Мы можем с определенного времени отдать приказ не стрелять.

Опять звонок телефона. Звонит командующий фронтом, интересуется, как идут переговоры. Я объясняю, что у немцев нет средств связи. Они не хотят объявлять о смерти и завещании Гитлера, чтобы Гиммлер этим не воспользовался. По-видимому, боятся и Деница. Они хотят объявить это при нашем содействии и после перемирия. Гиммлер откололся и исключен из партии.

Кладу трубку. И опять к Кребсу:

— Лучший выход для тех, кто хочет признания нового правительства, — капитуляция.

— Полная? — переспросил Кребс.

— Полная. Тогда мы будем разговаривать с этими членами правительства.

Кребс отрицательно мотает головой:

— Я не уполномочен объявлять о капитуляции. Наше правительство, таким образом, будет уничтожено... — Он говорит то по-немецки, то по-русски.

— Но и снаряд не будет разбирать, кто солдат, а кто член правительства, — заметил я.

Кребс опять трясет головой и говорит по-русски:

— Я беспокоюсь в интересах заключения мира...

— Мы настаиваем на общем требовании — нашем и союзников: безоговорочная капитуляция.

Теперь Кребс уже возражает с раздражением:

— Полная и действительная капитуляция может быть решена легальным правительством. Если у Геббельса не будет договоренности с вами, то что получится? Вы должны легальное правительство предпочесть правительству предателя Гиммлера. Вопрос войны уже предрешен. Результаты должны решаться с правительством, указанным фюрером...

— Объявите волю вашего фюрера войскам, — подсказал я.

Кребс, волнуясь, уже почти кричит по-русски:

— Изменник и предатель Гиммлер может уничтожить членов нового правительства!

Какой страх! Мне становится смешно. Они думают только о своей шкуре.

Хорошо бы сейчас на воздух. Там ласково светит весеннее солнце. А мы сидим усталые. Немцы тихо совещаются друг с другом.

Приехал генерал Соколовский. Я докладываю ему о ходе переговоров. Выслушав меня, Соколовский начинает сам спрашивать Кребса. Воспроизвожу их диалог:

Соколовский (Кребсу). Когда вы объявите о Гитлере и Гиммлере?

Кребс. Тогда, когда мы придем к соглашению с вами о новом правительстве.

Соколовский. Командующий фронтом считает, что сначала надо объявить Гиммлера изменником, чтобы помешать его планам.

Кребс (оживляясь). Очень умный совет. Это можно сейчас же сделать. Конечно, с разрешения доктора Геббельса. Я снова прошу послать к нему моего адъютанта.

— Надо передать Геббельсу, что до капитуляции не может быть нового правительства,— говорю я.

Кребс. Сделаем паузу. Создадим правительство...

— После полной капитуляции.

Кребс. Нет.

Соколовский. У вас есть Геббельс и другие — и вы сможете объявить капитуляцию.

Кребс. Только с разрешения Деница, а он вне Берлина. Мы могли бы послать Бормана к Деницу, как только объявим паузу. У меня нет ни самолета, ни радио.

Атмосфера накаляется.

— Сложите оружие, потом будем говорить о дальнейшем.

Кребс. Нет, это невозможно. Мы просим перемирия в Берлине.

— У вас есть коды, шифры и так далее? — спрашиваю я.

Кребс. Они у Гиммлера...— Мы с Соколовским невольно переглядываемся.— Если вы разрешите паузу, мы придем к соглашению...

— Только на основе капитуляции, после которой Деница сможет прийти к нам, как это сделали вы.

Кребс. Надо Деница вызвать сюда, пропустите его.

Соколовский. Капитулируйте — и мы пропустим его немедленно.

Кребс. Я не полномочен это решить...

Чуйков. Немедленно капитулируйте, тогда мы организуем поездку Деница сюда.

Кребс. Сначала связь с Деницем, потом капитуляция. Я не могу без Деница капитулировать. (Подумав.) Но я все же мог бы спросить об этом Геббельса, если вы отправите к нему полковника. (Показывает на своего адъютанта.)

Соколовский. Итак, мы пришли к следующему: немецкий полковник идет к доктору Геббельсу узнать, согласен ли тот на немедленную капитуляцию?

Кребс (прерывая). Будет ли перемирие, или до перемирия Геббельс должен согласиться на капитуляцию?

Соколовский. Мы не разрешим запрашивать Геббельса о перемирии.

Кребс (снова упирается). Без Деница ни я, ни Геббельс не можем допустить капитуляцию.

— Тогда вы не создадите правительство.

Кребс. Нет, надо создать правительство. Потом решить вопрос о капитуляции.

Соколовский выходит в соседнюю комнату, звонит командующему фронтом и докладывает:

— Кребс настаивает на своем, говорит, что без согласия Деница капитулировать они не могут, а Дениц якобы ничего не знает о событиях. Кребс просит сообщить ему обо всем, тогда будто бы последует решение. Просит также послать адъютанта к Геббельсу, а потом, возможно, послать человека к Деницу. Машиной в Мекленбург и обратно — более четырехсот километров. Предлагает послать туда и нашего офицера: Дениц мо-

жет ждать его на линии фронта. Все это — большая затяжка времени. Мы пока разрешаем послать человека только к Геббельсу.

Получив указание Жукова, возвращаемся к Кребсу.

К р е б с. Можно мне на минуту выйти?

— Пожалуйста.

Кребс и адъютант вышли. Скоро они вернулись.

Адъютант Кребса уходит к Геббельсу. Я звоню начальнику штаба и приказываю обеспечить переход полковника и одновременно связать наш батальон на переднем крае с немецким батальоном и таким образом дать Геббельсу связь с нами.

— Правительство Германии должно быть авторитетным, — вдруг заявил Кребс.

— А вы считаете, что при полном поражении Германии авторитет Гитлера сохранится?

— Вы видите наши страдания, — печально вымолвил Кребс. — Может быть, авторитет фюрера несколько стал меньше, но он еще велик. Его мероприятия никогда не смогут измениться. Новые люди, новые правительства будут основываться на авторитете Гитлера.

Какой-то фанатик. Говорит серьезно. И внешность солидная: на мундире — генеральские красные петлицы с золотом, узкие погоны, ленточка зимы 1941 года, ордена, Железный крест...

— Может быть, база будет шире, демократичней, — продолжает он. — Я это допускаю. Но мы хотим сохранить себя. И если Англия и Франция будут нам диктовать формулы капиталистического строя — нам будет плохо...

С о к о л о в с к и й. Мы не хотим уничтожать немецкий народ, но фашизма не допустим. Мы не собираемся убивать членов национал-социалистической партии, но распустить эту организацию надо. Новое германское правительство должно быть создано на новой базе.

К р е б с. Я думаю, уверен, что есть только один вождь, который не хочет уничтожения Германии. Это — Сталин. Он говорил, что Совегский Союз невозможно уничтожить и также нельзя уничтожить Германию. Это нам ясно, но мы боимся англо-американских планов уничтожения Германии. Если они будут свободны в отношении нас — это ужасно...

— А Гиммлер?

К р е б с. Разрешите говорить прямо? Гиммлер думает, что германские войска еще могут быть силой против

Востока. Он доложил об этом вашим союзникам. Нам это ясно, совершенно ясно!..

— Тогда, господин генерал, мне окончательно непонятно ваше упорство. Бои в Берлине — это лишняя трата крови.

Кребс. Клаузевиц говорит, что позорная капитуляция — худшее, а смерть в бою — лучшее. Гитлер покончил с собой, чтобы сохранить уважение немецкого народа...

Логика самоубийц. Мы расспрашиваем генерала о подробностях самоубийства Гитлера.

Кребс. Было несколько свидетелей: Геббельс, Борман и я. Согласно завещанию, труп облили бензином и сожгли... Перед смертью фюрер попрощался с нами, предупредил нас. Мы отговаривали его, но он настаивал на своем. Мы советовали ему прорваться на Запад...

9 часов 45 минут. Звонок. Советское правительство дает окончательный ответ: капитуляция общая или капитуляция Берлина. В случае отказа — в 10 часов 40 минут мы начинаем новую артиллерийскую обработку города. Говорю об этом Кребсу.

— Я не имею полномочий, — отвечает он. — Надо воевать дальше, и кончится все это страшно. Капитуляция Берлина — тоже невозможна, Геббельс не может дать согласия без Деница. Это большое несчастье...

Соколовский. Мы не пойдем на перемирие или на сепаратные переговоры. Почему Геббельс сам не может принять решение?

Кребс (снова и снова). Если мы объявим полную капитуляцию Берлина, то все поймут, что фюрер погиб. А мы хотим создать правительство и сделать все организованно.

Соколовский. Пусть Геббельс объявит...

Кребс (перебивая). Но Дениц — беспартийный. Легче решить ему. Пусть он и капитулирует, чтобы не нести напрасных жертв.

Соколовский. Капитулируйте и объявите о новом правительстве. Мы вам дадим для этого рацию в Берлине. Вы свяжетесь и с правительствами наших союзников.

Кребс. Да, Геббельсу, пожалуй, придется на это решиться. Может быть, можно мне поехать к нему?

Соколовский. Можете ехать. Мы говорим вам все напрямую. У вас положение безвыходное: даже нет связи между Геббельсом и Деницем. А после капитуляции

Берлина мы дадим вам самолет или автомашину и установим радиосвязь.

Кребс. Нас не арестуют? Все военные, которые будут руководить капитуляцией, останутся на свободе? Или мы будем считаться пленными?

Соколовский. Мы не знаем, каковы будут решения союзных правительств.

Кребс. Я снова повторяю свой вопрос: что нас ждет после капитуляции?

Соколовский. Мы гарантируем членам нового временного правительства право снестись с союзными правительствами совершенно официально. Решения примут три союзных правительства и, повторяю, вам сообщат...

Кребс. Мне надо узнать, что думает доктор Геббельс. Надо сказать ему о варианте капитуляции Берлина.

Соколовский. Выступайте перед тремя союзными державами. Так как Гитлер умер, то у вас все полномочия.

Кребс. Когда мы получим связь?

Он нервничает. 10 часов 40 минут. Началась наша артиллерийская подготовка... Пролетели самолеты.

Вернулся немецкий переводчик, который уходил с полковником фон Дуфвингом и нашими связистами для установления прямой связи с имперской канцелярией. Он очень взволнован:

— Когда мы шли, я кричал: «Не стрелять, мы парламентеры!» Наши мне не ответили. Русский майор тянул провод для связи. На углу Принц-Альбертштрассе он был обстрелян с немецкой стороны. Его ранило в голову. Я стал кричать, чтобы не стреляли. Сам пошел с кабелем. Полковник фон Дуфвинг снял шинель и оружие и направился с белым флагом вперед. Обстрел продолжался. Ранило несколько русских солдат и офицера — командира роты: они стояли неподалеку, ожидая связи. Но ее нет до сих пор. Со стороны русских она включена, а с нашей стороны — нет. Вероятно, боевая группа не была информирована. Что же теперь делать? Ждать связи или возвращения полковника? Русские сказали, что с их стороны полковнику будет обеспечено беспрепятственное возвращение.

— Вернитесь и обеспечьте переход полковника обратно,— распорядился Кребс.— Кто стрелял?

— Должно быть, снайпер. Русский майор, очевидно, умрет. Жаль...

Отыскали на карте улицу Принц-Альбертштрассе. Смотрим.

— Тут отель «Эксцельсиор», — показывает переводчик. — Тут мы кричали, тут стрелял наш снайпер. Русские не стреляли по всему участку.

Отметили на карте три квартала. Телефонный звонок из нашего батальона: немецкий полковник перешел к немцам, но связи пока нет.

— Идите, — говорю я переводчику.

Он просит мегафон и белый флаг.

Получив их, четко повернулся, руку вверх, поклон нам — и ушел.

Командующий артиллерией генерал Пожарский отдает приказ не вести огня на 35-м участке — от озера и до зоологического сада, вплоть до Фридрихштрассе: здесь пройдут парламентеры.

Немного погодя Кребс говорит:

— Первое мая у вас — большой праздник.

— А как же нам не праздновать сегодня — конец войны и русские в Берлине.

— В сорок первом году я был в Москве. Я уже говорил, что имел честь быть заместителем военного атташе. Во время парада стоял на трибуне, возле Мавзолея...

После завтрака дали связь с имперской канцелярией. Генерал Кребс приободрился, просит точно записать все пункты капитуляции, предъявленные советским командованием. Берет в руки трубку и начинает говорить. Подчеркивает пункт: по радио будет объявлено о предательстве Гиммлера. Геббельс ответил, что требует возвращения генерала Кребса и тогда лично все с ним обсудит. Мы даем согласие.

Затем Кребс еще раз прочел свою запись наших условий капитуляции:

«1. Капитуляция Берлина.

2. Всем капитулирующим сдать оружие.

3. Офицерам и солдатам, на общих основаниях, сохраняется жизнь.

4. Раненым обеспечивается помощь.

5. Предоставляется возможность переговоров с союзниками по радио».

Мы разъясняем:

— Вашему правительству будет дана возможность сообщить о том, что Гитлер умер, что Гиммлер — из-

менник и заявить трем правительствам — СССР, США и Англии — о полной капитуляции. Мы, таким образом, частично удовлетворим и вашу просьбу. Будем ли мы помогать вам в создании правительства? Нет. Но даем вам право сообщить список лиц, которых вы не хотите видеть в качестве военнопленных. Мы даем вам право после капитуляции сделать заявление Союзным Нациям. От них зависит дальнейшая судьба вашего правительства.

— Список лиц, находящихся в Берлине, который мы дадим, не будут рассматривать как список военнопленных?

— Это обеспечено. Офицерам сохраним звания, ордена, холодное оружие. Мы даем право представить список членов правительства, право связи с Деницем и так далее. Но все это после капитуляции.

— С целью образования общего легального правительства Германии?

— Только для заявления и связи с правительствами государств нашей коалиции. Их дело решать, как будет дальше.

— Итак, после капитуляции советское радио даст сообщение о смерти Гитлера, о новом правительстве и о предательстве Гиммлера?..

Он заверил, что постарается обо всем быстро договориться.

13 часов 08 минут.

Кребс ушел. Парламентер от руководства третьего рейха не согласился на капитуляцию, не захотел приостановить разрушение Берлина и прекратить напрасные жертвы с той и другой стороны, включая мирных граждан.

Чего он хотел от нас, от советского командования, правительства? Перед тем как уйти, Кребс что-то долго собирался и даже два раза возвращался уже с лестницы: сперва он позабыл перчатки, которые положил на подоконнике вместе с фуражкой; однако фуражку-то он надел, а вот перчатки не взял. Второй раз Кребс вернулся под предлогом, что забыл полевую сумку, которой у него вообще не было. Он уверял, что принес в ней документы от Геббельса и Бормана, хотя — я хорошо это помню — доставал бумаги из бокового кармана.

По его глазам и поведению было видно — генерал колебался: идти ему обратно в пекло или первому сдаться

на милость победителя. Возможно, ждал, что мы объявим его пленником, с чем он, возможно, охотно согласился бы.

Но зачем нам такой пленный? Целесообразнее было, чтобы он возвратился назад, так как мог повлиять на прекращение кровопролития.

Чего же добивался от нас Кребс? Несомненно, он выполнял волю Геббельса и Бормана, которая была и его волей. Они рассчитывали смягчить противоречия между Советским Союзом и фашистской Германией известием о смерти Гитлера. Дескать, Германия расплатилась за миллионы жертв тем, что главный виновник войны сожжен. Но это не все и не главное.

Главное было то, что гитлеровские главари, как и сам Гитлер, до последних часов своей жизни рассчитывали на усиление противоречий между нашей страной и ее союзниками.

То, что определенные расхождения существовали, не было секретом. Но у народов антигитлеровской коалиции была общая цель, был общий враг, и они стремились быстрее покончить с ним.

Этого не понимали и не учитывали руководители третьего рейха и кое-кто на Западе. Они искали трещину внутри антигитлеровской коалиции. Но такой трещины не нашли, ее не было.

Пробыв у нас около полсуток, генерал Кребс не увидел никаких колебаний нашей верности союзническому долгу. Наоборот, мы показали ему, что ни на шаг не отступим от решений Тегеранской и Ялтинской конференций. У наших союзников Геринг и Гиммлер тоже не добились успеха.

Генерал Кребс, несомненно, крупный разведчик и опытный дипломат, ушел, как говорят, несолоно хлебавши. Очевидно, это была последняя попытка добиться раскола между союзниками. Потерпев неудачу, Геббельс и компания должны были принять какое-то решение.

2

Дана команда: огонь на полную мощь и быстрее добить врага! Тысячи мин и снарядов полетели на правительственные кварталы, на имперскую канцелярию, на рейхстаг.

Результат мощного и хорошо подготовленного удара

скоро сказался. Начали поступать донесения и доклады об успешных действиях наших войск.

Командир 28-го гвардейского стрелкового корпуса генерал А. И. Рыжов доложил, что его войска находятся в центре зоологического сада и успешно развивают наступление на север, на соединение с танковой армией С. И. Богданова.

Командир 74-й гвардейской стрелковой дивизии генерал Д. Е. Баканов обрадовал вестью, что его гвардейцы овладели Потсдамским вокзалом.

У этой дивизии славные традиции. Она была сформирована в грозные годы гражданской войны и под командованием героя-большевика Николая Александровича Щорса принимала активное участие в разгроме интервентов и белогвардейцев. Знаменитые полки этой дивизии Богунский, Таращанский и Донской, геройски сражавшиеся за молодую Советскую республику, столь же самоотверженно сражались в Сталинграде, за что заслужили звание гвардейских. В городе на Волге прославленные полки вели бои в районе завода «Красный Октябрь». Во время контрнаступления они первыми пробились на западную окраину Сталинграда, где встретились с войсками 65-й армии, наступавшей с запада, и вместе с ними разрезали надвое окруженную группировку Паулюса.

Теперь эти полки разрезали надвое осгатки берлинского гарнизона, наступая навстречу 3-й ударной армии В. И. Кузнецова через Потсдамский вокзал, на рейхстаг.

Фашисты сильно укрепили вокзал. В многоэтажном здании оказалось много проходных комнат. Под вокзалом — разветвленные подземные ходы. Приемы боя здесь во многом напоминали сталинградские схватки, бои за элеватор, за дом Павлова. Широко применялись те же испытанные тактические приемы — обходы и охваты не только с флагов и с тыла, но и сверху или снизу. Бойцы продвигались по этажам, по подземным проходам и по чердачным помещениям, а во многих случаях и по крыше.

Бойцы дивизии при штурме конторы и цехов завода «Красный Октябрь» были вынуждены разбирать 122-миллиметровые гаубицы, по частям перетаскивать их в здания, там их снова собирать и пускать в дело. Опыт тех боев гвардейцы с успехом применили здесь, в Берлине. Упорные, смекалистые и отчаянно храбрые, бойцы почти двенадцать часов выбивали гитлеровцев из здания

вокзала. Бой был жестоким. Многие комнаты и залы, этажи и подземные ходы по нескольку раз переходили из рук в руки. Но гвардейцы брали верх. На их стороне был опыт и огромное мужество. И вот генерал Баканов уже докладывает, что Потсдамский вокзал наш, сейчас бои идут в 152-м квартале перед метро Саарланштрассе. Фашисты бьют фаустпатронами. Наши бойцы отвечают выстрелами орудий всех калибров, а также трофейными фаустпатронами.

Штурм развивается. Занят квартал 151-й — развилка улиц Вильгельмштрассе и Лейпцигштрассе, бой идет за 150-й и 153-й кварталы — центр Тиргартена.

Идет первомайский штурм, острие которого направлено в самое сердце третьего рейха.

Взят квартал 152-й — гестапо. Уничтожено гнездо самых опаснейших гадин, стремившихся отравить и умертвить своим ядом все живое и прогрессивное.

Кто-то из корреспондентов читает по телефону сводку с переднего края. Читает, как стихи:

— «Бой идет на аллее Побед. Свистят снаряды над головой статуи железного канцлера Бисмарка. Рядом статуя Мольтке-старшего, победителя под Седаном, но его спокойная поза не гармонирует с обстановкой, он видит, как советские бойцы третий раз за историю Берлина победоносно шагают по самому его центру...»

Наконец сообщил, что генерал Кребс благополучно перешел линию фронта. Теперь он, наверно, докладывает Геббельсу и Борману.

После обеда Всеволод Вишневский просится на передовую, вернее, хочет пробраться в правительственные здания. Говорю ему в шутку:

— Тебя, Всеволод, стукнут, и все, а мне за тебя дадут суток двадцать гауптвахты. И Софья Касьяновна всю жизнь меня ругать будет. Сиди на месте!

Докладывают: в зоологическом саду взорвали стену ограды и через проломы продолжают наступление на Шарлоттенбург, навстречу танковой армии Богданова. Немцы с крыш домов и бункеров бьют из зенитных орудий прямой наводкой. Наши артиллеристы тоже прямой наводкой сметают их оттуда.

Докладывают: дошли до стены ипподрома. Советуем: осторожнее, надо сохранить ценных лошадей.

Берлин гремит и стонет от выстрелов и взрывов. Нужен еще один рывок...

Входит генерал Пожарский. Докладывает:

— Приказал стрелять только прямой наводкой.

Решение правильное. Бить надо только по хорошо наблюдаемым целям, надо беречь дома — они пригодятся жителям.

Поступают данные о добровольной сдаче в плен многих немецких солдат и офицеров.

22 часа 20 минут.

День пролетел, как мгновение. Все устали до предела, но все же держимся. Никто не хочет уходить. Стол завален планами, возле них переполненные окурками тарелки.

К ночи бой начинает стихать. С улицы перекатами доносится треск автоматов. Всем хочется спать, а спать нельзя. Да и нервы в таком состоянии, что не заснешь: канун конца войны!

Все же прилег на диван. Глаза закрыты, но мозг не дремлет, работает с той же нагрузкой. Звонок — и телефонная трубка снова в руках. Генерал Рыжов докладывает:

— Севернее зоологического сада наши бойцы вышли в район шведского посольства. Посол просит дать охрану, хотя бы несколько солдат. Восхищаются мужеством Красной Армии. Личный состав посольства находится в убежище и всем доволен.

Даю приказание:

— Шведов успокоить, охрану дать. Абсолютная вежливость!

1 мая 1945 года провели в боях, без сна и без отдыха. Зато советские люди, родная Москва и другие наши города и села веселились!

СЧАСТЬЕ СОЛДАТА

1

1 час 25 минут 2 мая. Хотя не везде, но бой идет, слышны автоматные очереди и взрывы гранат. Пытаюсь заснуть, накрываюсь с головой буркой. Но опять телефонный звонок — и трубка в руках.

Докладывают из штаба 28-го корпуса. В 0 часов 40 минут радиостанции 79-й гвардейской стрелковой дивизии перехватили радиограмму из штаба на русском языке: «Алло! Алло! Говорит пятьдесят шестой германский танковый корпус. Просим прекратить огонь. В ноль пятьдесят по берлинскому времени высылаем парламентеров на Потсдамский мост. Опознавательный знак — белый флаг. Ждем ответа». Это обращение было повторено немцами пять раз.

Радиостанция дивизии ответила: «Вас поняли, вас поняли. Передаем вашу просьбу вышестоящему начальнику». Немецкий радист живо подтвердил: «Русская радиостанция, вас слышу. Вы докладываете вышестоящему начальнику».

Тут же отдаю приказ: штурм прекратить только на участке встречи парламентеров; в штаб 56-го танкового корпуса передать, что переход и встреча парламентеров в указанное время и в указанном месте будут обеспечены; на других участках штурм продолжать. Для встречи с парламентерами посылаю офицера штаба армии подполковника Матусова и переводчика капитана Кальберга. Даю указание: никаких переговоров, кроме как о безоговорочной капитуляции, не вести, пусть сразу сдают оружие.

Принесли пакет. На бумаге штамп — «Королевская шведская миссия» (на шведском языке). Дальше по-русски:

«Командующему генералу.

Сим позволяем себе обратить Ваше внимание на то, что Королевская шведская миссия находится под адре-

сом: Раухштрассе №№ 1, 3, 25 и Тиргартенштрассе № 36. Шведская церковь находится под адресом: Берлин, Вильмередорф, Ландхаузштрассе № 27.

Прошу Советские военные власти дать миссии возможность продолжать исполнение своих задач по отношению к покровительству шведских граждан и шведского имущества.

Я был бы Вам очень благодарен за случай разговора с компетентным представителем Красной Армии.

Ожидаю Вашего благосклонного ответа на этот счет. Как известно, Королевская шведская миссия является до сих пор покровительницей советских прав в Германии.

Берлин, 1 мая 1945 года.

Гуго Эрифаст, поверенный в делах».

В шведскую миссию послали офицера штаба с заверением, что командование армии с должным вниманием отнеслось к письму поверенного в делах и гарантирует полное содействие миссии в ее служебных делах.

Бой продолжался, но уже с большими паузами. Генерал армии В. Д. Соколовский пошел отдохнуть в соседний дом. Меня тоже валило с ног.

Опять звонок. Докладывают из 47-й гвардейской стрелковой дивизии: высланные на Потсдамский мост офицеры из штаба встретили там немецких парламентеров — одного полковника и двух майоров. Полковник фон Дуфвинг, начальник штаба 56-го танкового корпуса, заявил, что они уполномочены командиром корпуса генералом артиллерии Вейдлингом заявить советскому командованию о решении генерала Вейдлинга прекратить сопротивление частей 56-го танкового корпуса и капитулировать. При этом полковник фон Дуфвинг предъявил следующий документ:

«Командир 56-го танкового корпуса.

Командный пункт. 1.5.45 года.

Полковник генерального штаба фон Дуфвинг является начальником штаба 56-го танкового корпуса. Ему поручено от моего имени и от имени находящихся в моем подчинении войск передать разъяснение.

Генерал артиллерии Вейдлинг».

Исполняющий обязанности командира 47-й гвардейской стрелковой дивизии полковник Семченко спросил полковника фон Дуфвинга: «Сколько нужно времени командованию корпуса для того, чтобы сложить оружие и

организованно передать личный состав и вооружение частей корпуса советскому командованию?»

Фон Дуфвинг ответил, что для этого необходимо три-четыре часа. Причем они намерены использовать ночное время, так как Геббельс приказал стрелять в спину всем, кто попытается перейти к русским.

Я приказал:

— Полковника фон Дуфвинга отправить обратно к генералу Вейдлингу с заявлением о принятии капитуляции, а двух немецких майоров оставить у себя.

В ожидании результатов задремал. В 5 часов 50 минут разбудили: прибыла делегация от Геббельса. Вскакиваю с дивана, быстро умываюсь холодной водой.

Делегатов трое, они в штатской одежде, с ними солдат в шлеме и с белым флагом. Даю указание, чтобы солдат вышел. Один из прибывших — правительственный советник министерства пропаганды Хейнерсдорф.

Спрашиваю:

— Что вы хотите и чем могу служить?

Хейнерсдорф вручает мне письмо в розовой папке. Читаю. Через мои плечи заглядывают и также читают Вишневский, Пожарский, Вайнруб, Ткаченко.

«Как Вы извещены генералом Кребсом, бывший рейхсканцлер Гиглер недостижим. Доктора Геббельса нет в живых. Я, как один из оставшихся в живых, прошу Вас взять Берлин под свою защиту. Мое имя известно. Директор министерства пропаганды доктор Фриче».

Читаю и поражаюсь ходом событий за последние дни и даже часы: вслед за Гитлером ушел Геббельс, за Геббельсом кто? Кто бы там ни был, но это уже есть конец войны. Спрашиваю:

— Когда покончил жизнь самоубийством доктор Геббельс?

— Вечером, в министерстве пропаганды.

— Где труп?

— Сожжен. Его сожгли личный адъютант и шофер.

Интересно... Гитлера тоже сожгли. Главари третьего рейха избрали огонь средством очищения от земных грехов...

— Где сейчас находится начальник генерального штаба Кребс, который вчера по полномочию Геббельса вел с нами переговоры?

— Не знаем. Нам известен новый начальник — генерал Ейнсдорф.

(Позже стало известно, что Кребс покончил с собой.)

— Известны ли вам наши условия: мы можем вести разговор только о безоговорочной капитуляции?

— Да, известны. Мы для этого пришли и предлагаем свою помощь.

— А чем вы можете помочь своему народу?

— Доктор Фриче просит дать ему возможность обратиться по радио к немецкому народу и армии, чтобы прекратили напрасное кровопролитие, принять безоговорочную капитуляцию.

— Будут ли войска выполнять приказы Фриче?

— Его имя известно всей Германии, и особенно Берлину. Он просит разрешения выступить в Берлине по радио.

Раздается телефонный звонок. Докладывает генерал Глазунов с командного пункта 47-й гвардейской стрелковой дивизии: с первой линии передают, что там видят, как немецкие войска строятся в колонны.

В штаб немецкого корпуса направлен офицер С. А. Глущенко с двумя разведчиками. Глущенко за сутки третий раз идет к немцам: он встречал и провожал Дуфвинга и наших связистов, ранен пулей навылет, но продолжает выполнять свои обязанности. Сейчас он у Вейдлинга.

В 6 часов 2 мая командир 56-го танкового корпуса генерал артиллерии Вейдлинг в сопровождении двух генералов своего штаба перешел линию фронта и сдался в плен. Вейдлинг показал, что он является одновременно и командующим обороной Берлина. На эту должность был назначен шесть дней назад.

На вопрос командира 47-й гвардейской стрелковой дивизии полковника Семченко, произошла ли капитуляция корпуса с ведома Геббельса, Вейдлинг ответил, что он принял решение о капитуляции без ведома Геббельса.

Я приказал генералу Глазунову прекратить огонь на всем участке корпуса, а генерала Вейдлинга — направить ко мне.

Обращаюсь к делегатам от Фриче:

— Известно ли вам и Фриче, что берлинский гарнизон начал сдаваться?

Отвечают, что, когда они выезжали, ничего не было известно.

— Сейчас немецкие войска на всех участках фронта капитулируют. Где Борман?

— Он, кажется, был в канцелярии Гитлера. Там произошел взрыв газа. Борман и семья Геббельса погибли.

По телефону вызываю маршала Жукова, докладываю о цели прихода делегатов от Фриче.

— Можно ли положиться, что доктор Фриче скажет по радио немецкому народу то, что нужно? — спрашивает Жуков.

Я ответил, что положиться можно, но под нашим контролем. Мы сумеем это обеспечить.

Через несколько минут — звонок Жукова. После переговоров с ним объявляю всем присутствующим и главным образом делегатам от Фриче:

— Первое. Советское командование принимает капитуляцию Берлина и отдает приказ о прекращении военных действий.

Второе. Оставшиеся немецкие гражданские и военные власти должны объявить всем солдатам, офицерам и населению, что все военное имущество, здания, коммунальные сооружения и ценности должны быть в порядке, ничего не взрывать и не уничтожать.

Третье. Вы, господин Хейнерсдорф, поедете с нашими офицером к доктору Фриче, заберете его с собой на радиостанцию для выступления, затем вернетесь сюда.

Четвертое. Я еще раз подтверждаю, что мы гарантируем жизнь солдатам, офицерам, генералам и населению и по возможности окажем медицинскую помощь раненым.

Пятое. Мы требуем, чтобы не было никаких провокационных действий со стороны немцев — выстрелов и прочих диверсий, иначе наши войска будут вынуждены принять ответные меры.

Хейнерсдорф заявляет просьбу о защите сотрудников министерства пропаганды.

— Те, — говорю, — кто сложит добровольно оружие и не проявят враждебных действий против советских людей, могут быть спокойны: у них и волос с головы не упадет.

Явился полковник Вайгачев и с ним переводчик гвардии старшина Журавлев. Ставлю задачу Вайгачеву:

— Вы поедете с Хейнерсдорфом к доктору Гансу Фриче. От имени немецкого правительства Фриче даст приказ войскам о капитуляции, о сдаче войск в плен в полном порядке, с вооружением и техникой. Пусть Фриче передаст по радио всем, что советское командование

приняло предложение о капитуляции и берет Берлин и весь его гарнизон под свою защиту. Вы обеспечите приезд Фриче на нашу радиостанцию и установите контроль за передачей того, что я сказал. После выступления Фриче по радио, он и его ближайшие сотрудники должны прибыть сюда. Будем здесь разговаривать о дальнейшем. Ясно?

Полковник Вайгачев и старшина Журавлев, а вместе с ними и немецкая делегация направляются к выходу.

В дверях они неожиданно сталкиваются с Вейдлингом. Тот зло покосился на них и проговорил:

— Нужно это было делать раньше!

С Вейдлингом длительных переговоров не предстояло.

Вейдлинг — в очках, среднего роста, сухощавый и собранный. Спрашиваю его:

— Вы командуете гарнизоном Берлина?

— Да.

— Где Кребс? Что он говорил вам?

— Я видел его вчера в имперской канцелярии. Я предполагал, что он покончит жизнь самоубийством. Вначале он упрекал меня за то, что — неофициально — капитуляция была начата вчера. Сегодня приказ о капитуляции дан войскам корпуса. Кребс, Геббельс и Борман вчера отклонили капитуляцию, но вскоре Кребс сам убедился в плотности окружения и решил — наперекор Геббельсу — прекратить бессмысленное кровопролитие. Повторяю, я дал приказ о капитуляции моему корпусу.

— А весь гарнизон? Распространяется ли на него ваша власть?

— Вчера вечером я всем дал приказ отбиваться, но... потом дал другой...

Чувствую, что у немцев беспорядок. Вейдлинг показывает по немецкой карте место расположения своего штаба и частей корпуса, фольксштурма и прочих. В шесть часов утра они должны были начать капитуляцию.

Входит генерал Соколовский. Разговор продолжается втроем:

— Что с Гитлером и Геббельсом?

— Насколько мне известно, Геббельс и его семья должны были покончить с собой. Фюрер тридцатого апреля принял яд... Его жена тоже отравилась...

— Это вы слышали или видели?

— Я был тридцатого к вечеру в имперской канцелярии. Кребс, Борман и Геббельс мне это сообщили...

— Значит, это конец войны?

— По-моему, каждая лишняя жертва — преступление, сумасшествие...

— Правильно. Давно вы в армии?

— С одиннадцатого года. Начал солдатом.

— Вы должны отдать приказ о полной капитуляции, — говорит Соколовский.

— Я не мог отдать всем приказ о капитуляции, так как не было связи,— объясняет Вейдлинг.— Таким образом, в ряде мест отдельные группы еще могут сопротивляться. Многие не знают о смерти фюрера, так как доктор Геббельс запретил сообщать о ней...

Соколовский. Мы полностью прекратили военные действия и даже убрали авиацию. Вы не в курсе событий? Ваши войска начали сдаваться, вслед за этим прибыла гражданская делегация от Фриче с заявлением о капитуляции, и мы, чтобы облегчить ее задачи, прекратили огонь.

— Я охотно помогу прекратить военные действия наших войск.

Он показывает, где еще остались части СС. В основном вокруг имперской канцелярии.

— Они хотят пробиться на север, — сообщает Вейдлинг. — На них моя власть не распространяется.

Соколовский. Отдайте приказ о полной капитуляции... Чтобы и на отдельных участках не сопротивлялись.

— У нас нет боеприпасов. Поэтому сопротивление долго продолжаться не может.

Соколовский. Это мы знаем. Напишите приказ о полной капитуляции, и у вас будет совесть чиста.

Вейдлинг набрасывает проект приказа. Присутствующие беседуют вполголоса. Вейдлинг пишет...

— Может быть, вам нужен ваш помощник? — спрашиваю его.

— О, да, да! Это будет очень хорошо! — обрадовался генерал.

Приказываю позвать начальника штаба германского корпуса. Входит рослый брюнет — с моноклем, с отличным пробором, серые перчатки. Франт франтом. Немцы советуются друг с другом. Вейдлинг хватается за голову,

но пишет. Всматриваюсь в него. С гладко зачесанными назад волосами он типично по-немецки аккуратен.

Вейдлинг молча вручает мне бумагу. Читаем... Формулировки, может быть, и не все хороши. Но ему сейчас, конечно, не до четкости формулировок. Вот что он написал:

«30 апреля фюрер покончил с собой и, таким образом, оставил нас, присягавших ему на верность, одних. По приказу фюрера, мы, германские войска, должны были еще драться за Берлин, несмотря на то что иссякли боевые запасы и несмотря на общую обстановку, которая делает бессмысленным наше дальнейшее сопротивление.

Приказываю: немедленно прекратить сопротивление.

Вейдлинг, генерал артиллерии,
бывший комендант округа обороны Берлина».

— Не надо «бывший», вы еще комендант, — поправляет Соколовский.

— Нужны ли формулировки о присяге? — сомневается Пожарский.

— Не надо переделывать, — сказал я, — это его собственный приказ.

Вейдлинг в затруднении, не знает, как озаглавить: призыв или приказ?

— Приказ, — говорю я.

— Сколько экземпляров отпечатать? — спрашивает переводчик.

— Двенадцать. Нет, как можно больше...

— У меня большой штаб, — говорит Вейдлинг. — У меня два начальника штаба и еще два генерала, которые были на пенсии, но пришли служить ко мне и отдали себя в мое распоряжение. Они помогут организовать капитуляцию...

Подали чай. Немцев отвели в отдельную комнату и там кормят. Мы — Соколовский, Ткаченко, Пронин, Вайнруб, Пожарский и я — вновь и вновь комментируем события последних дней и часов.

— У Вейдлинга нервный припадок, заметили? — спрашиваю я.

— А ведь ему трудно! — говорит Соколовский.

— Разумеется, — соглашается Пронин. — Но приказ хитрый. Он умело подчеркнул и присягу, и обязательства... Он вне правительства — просто «вывеска»...

Докладывают, что приказ отпечатан. Говорю начальнику штаба армии генералу Белявскому:

— На машину посадить одного нашего офицера и одного немца, дать им приказы в руки, пусть ездят по улицам и оглашают его войскам и населению.

Утро серое, прохладное. Вспоминаем о Сталинграде, шутим, курим.

11 часов 30 минут.

Адъютант докладывает: на самоходке приехал Фриче. Входит Фриче — в сером пальто, в очках, небольшого роста. На ходу читает бумаги. Молча садится. Переводчик рядом.

Фриче тоже принял условия безоговорочной капитуляции. Хотел он этого или не хотел, но то был неизбежный итог наших переговоров.

Соколовский (Фриче). Мы заинтересованы в том, чтобы в Берлине было спокойно. Тем, кто беспокоится за свою судьбу, мы можем дать охрану.

Фриче. Немецкие полицейские органы разбежались, но можно их вновь собрать.

Соколовский. Нас полиция не интересует. Она будет причислена к военнопленным. Нас интересуют чиновники администрации. Им мы обеспечим охрану. Ущерба им не будет. Ясно?

Фриче. Не понимаю. Кто, где может причинить ущерб? Кто решится на эксцессы?

Соколовский. И наши отдельные бойцы и немецкое население могут проявить жестокость к вам за действия гестапо и тому подобное...

Фриче. Да, возможно.

Соколовский. У нас все предусмотрено, объявлено. Есть комендант Берлина — советский генерал Берзарин. Созданы районные комендатуры. Они примут все меры. Есть ли у вас другие пожелания?

Фриче. Я вам писал письмо как последний ответственный представитель правительства. Я написал его, чтобы предотвратить кровопролитие.

Соколовский. Ваш вынужденный жест нам понятен.

Фриче. Я бы хотел расширить документ, для чего мне нужно связаться с Деницем.

— В десять часов утра, — сообщил я, — Дениц обратился к армии и народу с заявлением, что он принял руководство и до конца продолжает борьбу с большевиз-

мом, а также американцами и англичанами, если они будут мешать. Но нам он не страшен!

Фриче. Я этого не знал.

Окончательно уточнив условия капитуляции, мы расстаемся с ним. Все задумчивы: не подставное ли это лицо? Хоть враг повержен, все равно чувствуешь к нему недоверие. Рассуждаю вслух:

— Дениц объявил Гиммлера предателем. Берлин капитулировал отдельно. Но, в общем, мы их доконали. Какой же у них развал и разброд, если Геббельс хотел ориентироваться на нас...

Все поняли мою иронию и засмеялись.

Звонок телефона. Начальник штаба армии сообщил: наши части встретились с ударной армией генерала Кузнецова. Бой в районе рейхстага, имперской канцелярии и во всем Тиргартене закончился. В Берлине стало тихо.

Я сообщил об этом всем присутствующим на КП.

— Наступает конец войны, — возбужденно сказал Василий Данилович Соколовский.

— Да, закурим трубку мира!

В полдень берлинский гарнизон, а также войска СС, охранявшие имперскую канцелярию и остатки гитлеровского правительства, капитулировали.

Мы вышли на улицу. Вокруг тишина, от которой мы так отвыкли. С непривычки она кажется звенящей. И вдруг мы услышали, как где-то недалеко чеканит шаг строй. Даже не верится, что это наши гвардейцы могут маршировать так торжественно. Из парка Тиргартен идет рота 79-й гвардейской стрелковой дивизии. Роту ведет гвардии капитан Н. И. Кручинин. Он только что закончил очистку восточного бункера от фашистов, пытавшихся еще сопротивляться. Там был сделан последний выстрел в полосе 8-й гвардейской армии. Последний выстрел — и гвардейцы вышли из боя на центральную улицу Берлина строевым шагом. Какая выправка, сколько радости на лицах воинов-победителей!

Нет, я, кажется, еще никогда не видел такого строя. Шаг в шаг, нога в ногу, плечо к плечу. Богатыри земли русской идут по Берлину! И вдруг песня — песня широкая, певучая, наша русская. Она плывет по еще дымящимся улицам города, где когда-то созревали планы главарей третьего рейха о мировом господстве.

Я смотрю на лица бойцов, усталые и радостные. Вот оно, настоящее счастье солдата!

Кончилась война. Пройден большой и трудный путь. Если бы все траншеи, окопы, ходы сообщений, по которым довелось ходить в годы войны, если бы все маршруты стремительных маршей и обходных маневров соединить в одну прямую линию, она опоясала бы весь земной шар по экватору. И я горжусь, что это расстояние я прошел вместе с воинами армии — под вражеским огнем, через водные рубежи и заминированные поля.

То, что выпало в эту войну на долю наших воинов, всего советского народа, никогда еще не выпадало ни на чью долю. Эта война была самой кровопролитной и разрушительной из всех войн в истории человечества. Что мы, пережившие ее испытания, можем и должны сказать нашим детям, внукам, всем грядущим поколениям?

Каждая строчка этих воспоминаний — результат моих наблюдений, переживаний и размышлений, порой, может быть, субъективных, но всегда искренних. Я говорил, говорю и буду говорить о войне без утайки все, что думаю, что тревожит мою душу.

Зловещее пламя минувшей войны взметнулось из центра Европы, из гитлеровской Германии. Сколько страданий, какие жертвы понесли народы, чтобы погасить его! Десятки миллионов убитых и искалеченных, многие тысячи городов, сел, поселков разрушены и сожжены.

Наибольшие жертвы понес советский народ, потому что главную тяжесть удара военной машины Гитлера приняли на себя мы, советские люди. Война прошла по нашей земле от западных границ до Москвы и Ленинграда, до Нижней Волги и обратно. У нас есть полное моральное право судить и агрессора, и тех, кто развязал ему руки.

Совместными усилиями народов стран антигитлеровской коалиции пламя войны погашено там, откуда оно взметнулось.

Кто думает о прошлом, тот имеет в виду и будущее. Кто говорит о будущем, тот не имеет права забывать о прошлом. Прошедший сквозь огонь многих сражений, я знаю тяжесть войны и не ~~хочу~~, чтобы эта участь снова выпала на долю народов. Но угрозу новой мировой войны нельзя считать полностью устраненной.

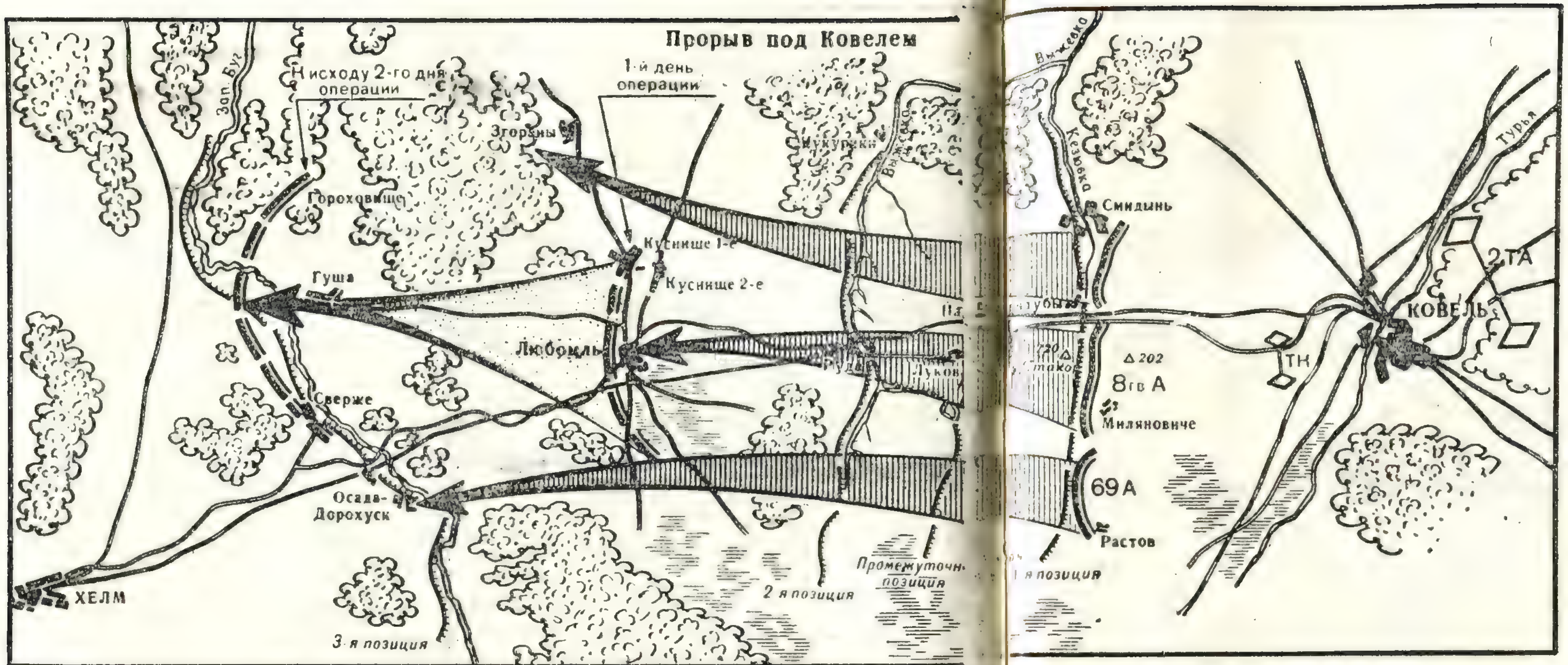
В минувшую половину столетия нам довелось много воевать, потому что со дня рождения Советского государства кое-кто рассчитывал поживиться за счет нашего народа. Чем кончились все эти попытки — известно всему миру.

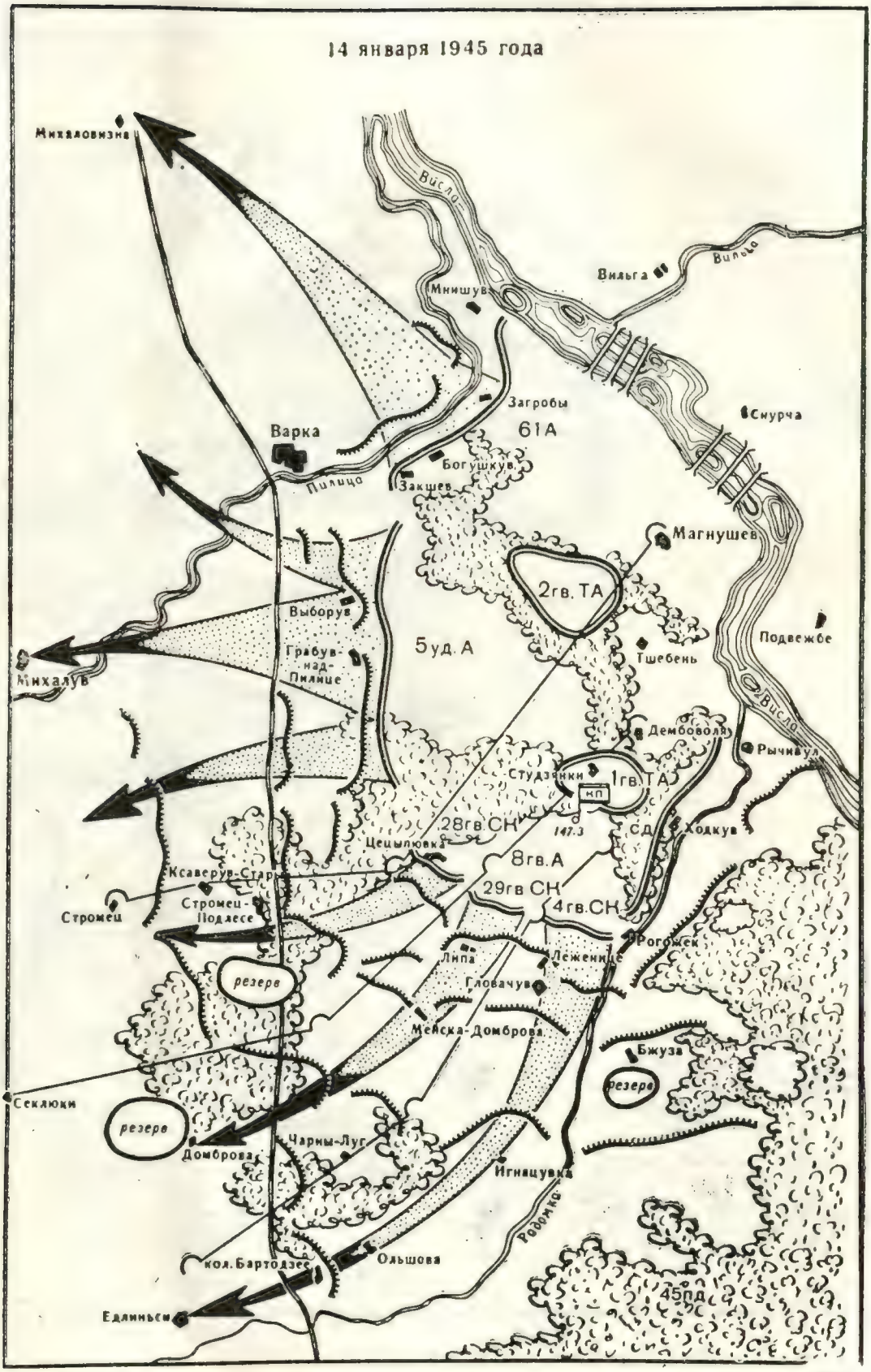
Разум требует не забывать уроков истории. Пусть помнят о них и те, кто строит новые планы агрессии.

Мое поколение призвал к оружию для защиты социалистического Отечества величайший гуманист Владимир Ильич Ленин.

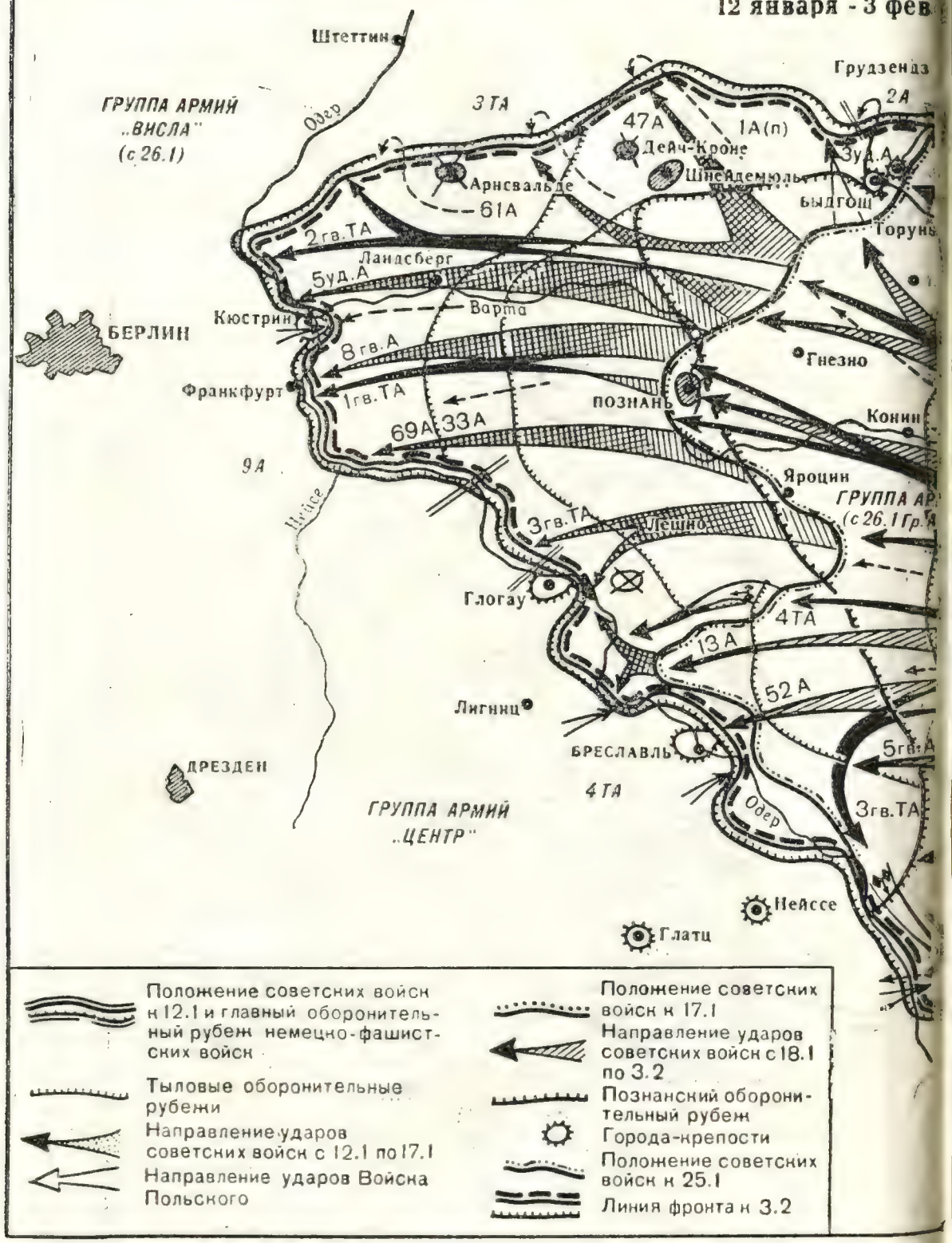
Мне идет восьмой десяток лет, пятьдесят пятый год я ношу военную форму, и я со всей ответственностью говорю: мы, советские воины, сделаем все, чтобы защитить нашу социалистическую Родину от любого агрессора, и будем в первых рядах в борьбе за мир во всем мире.

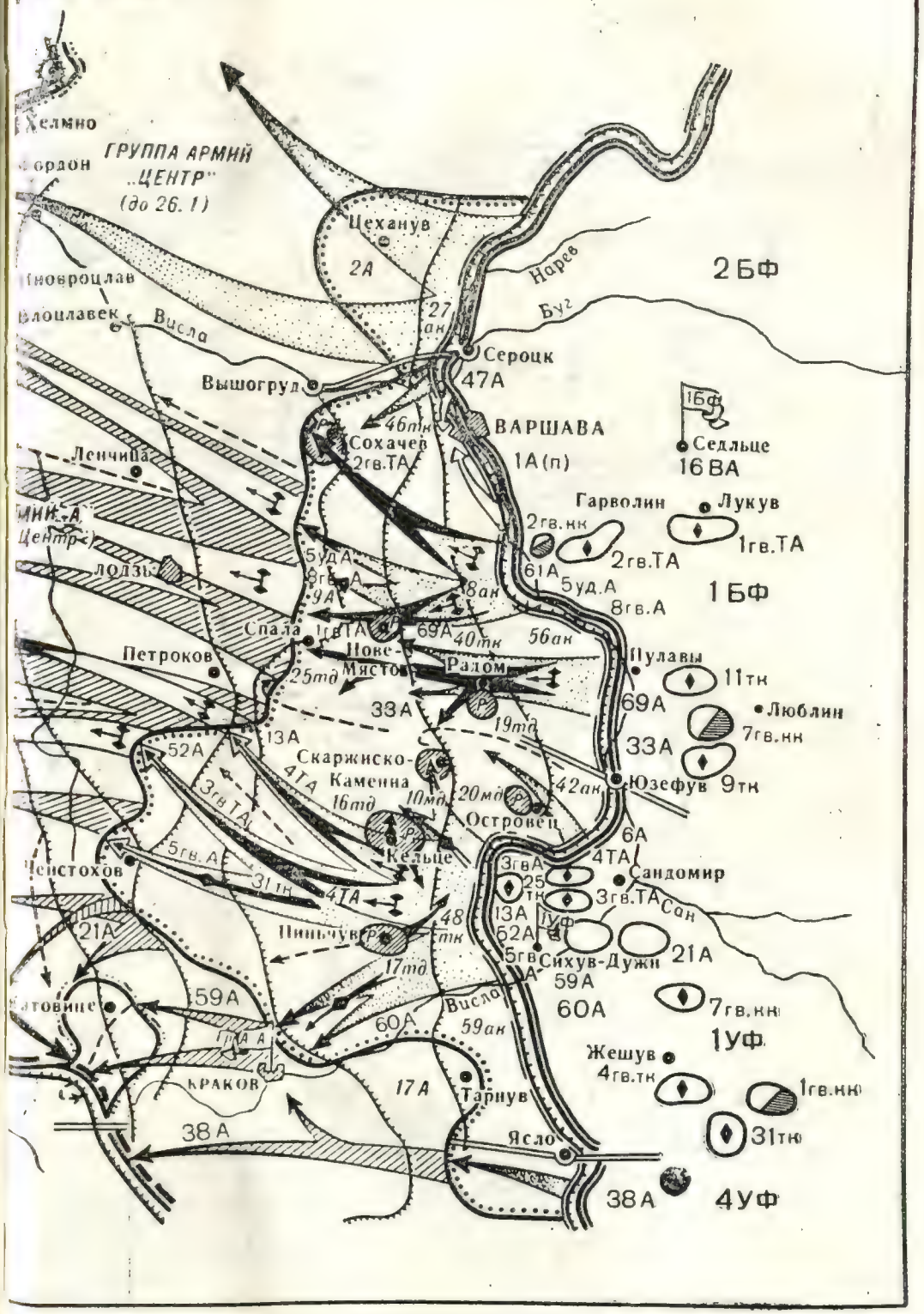
ЛИНИЯ ФРОНТА К СЕРЕДИНЕ ИЮНЯ 1944 г.


Прорыв под Ковелем
К исходу 2-го дня операции
1-й день операции
Зап. Буг
Згораны
Гороховище
Гуша
Кусниче 1-е
Кусниче 2-е
Любомль
Сверже
Осада-Дорохуск
ХЕЛМ
3-я позиция
2-я позиция
Промежуточн. позиция
1-я позиция
Выжевка
Кезовка
Смидынь
Миляновиче
Растов
8 гв А
69А
△ 202
ТК
КОВЕЛЬ
2 ТА
Турья


14 января 1945 года
Михяловизна
Висла
Вильга
Вильно
Мнишув
Загробы
61А
Смурча
Варка
Пилица
Богушкув
Закшев
Магнушев
2гв. ТА
Выборув
5уд. А
Подвежбе
Грабув-над-Пилицей
Тшебень
Михалув
Дембоволя
Рычивул
Студзянки
1гв. ТА
КП
28гв СК
147.3
СД
Ходкув
Цецылювка
8гв.А
29гв СК
4гв.СК
Ксаверув-Стары
Стромец
Стромец-Подлесье
Рогозек
Липа
Леженице
резерв
Главачув
Мейска-Домброва
Бжуза
резерв
Секяюки
резерв
Домброва
Чарны-Луг
Игнацувка
Радомка
кол. Бартодзеи
Ольшова
45пд
Едлиньси

ОСВОБОЖДЕНИЕ ПОЛЬШИ
12 января - 3 февраля 1945 г.





БЕРЛИНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ
апрель-май 1945 г.
Направление ударов войск 2-го БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА
1-й БЕЛОРУССКИЙ ФРОНТ
Направление главного удара войск 1-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА
ГРУППА АРМИЙ ВИСЛА
АК ОДЕР
3 ТА
46 ТК
АРМЕЙСКАЯ ГРУППА ШТЕЙНЕРА
101 АК
56 ТК
11 ТК СС
9 А
3 А
5 ГСК
5 АК
4 ТА
Окруженные войска 9-й и 4 танковой армий
2 гв. ТА
4 гв. ТА
3 гв. ТА
61 А
Польск. А
47 А
3 уд. А
5 уд. и 2 гв. ТА
8 гв. и 1 гв. ТА
69 А
33 А
В. ГЕРМАНИЯ
канал Гогенцоллерн
Одер
Шпрее
Нейсе
Росток
Виттшток
Фюрстенберг
Темплин
Райнсберг
Грайфенберг
Грайфенхаген
Шведт
Грабов
Пеетциг
Одерберг
Цеден
Морин
Альт Рюднитц
Целлин
Кюстрин
Эберсвальде
Фрайенвальде
Нойштадт
Фербеллин
Креммен
Фризак
Велефанц
Бернике
Бернау
Бух
Вернойхен
Альт-Ландсберг
Штраусберг
Буков
Зеелов
Мюнхеберг
Рюдерсдорф
Геритц
БЕРЛИН
Этцин
Кетцин
Бранденбург
Потсдам
Тельтов
Лихтенраде
Фюрстенвальде
Бризен
Франкфурт
Фридерсдорф
Мюльрозе
Миттенвальде
Беелитц
Брюк
Цоссен
Треббин
Бееcков
Фюрстенберг
Тройенбритцен
Луккенвальде
Нимегк
Барут
Ютербог
Губен
Любен
Любенау
Виттенберг
Даме
Люккау
Штрега
Коттбус
Форст
Ессен
Герцберг
Торгау
Фалькенберг
Шпремберг
Мускау

ОГЛАВЛЕНИЕ

На главное направление 5
Новая задача 32
Висла 52
Сжатая пружина распрямляется . . 84
Обреченные 122
Скоро!!! 177
Впереди — гвардейские знамена . . . 185
Агония 198
Штурм 210
Тиргартен 226
Визит Кребса 246
Берлинский Первомай 265
Счастье солдата 282

Василий Иванович Чуйков

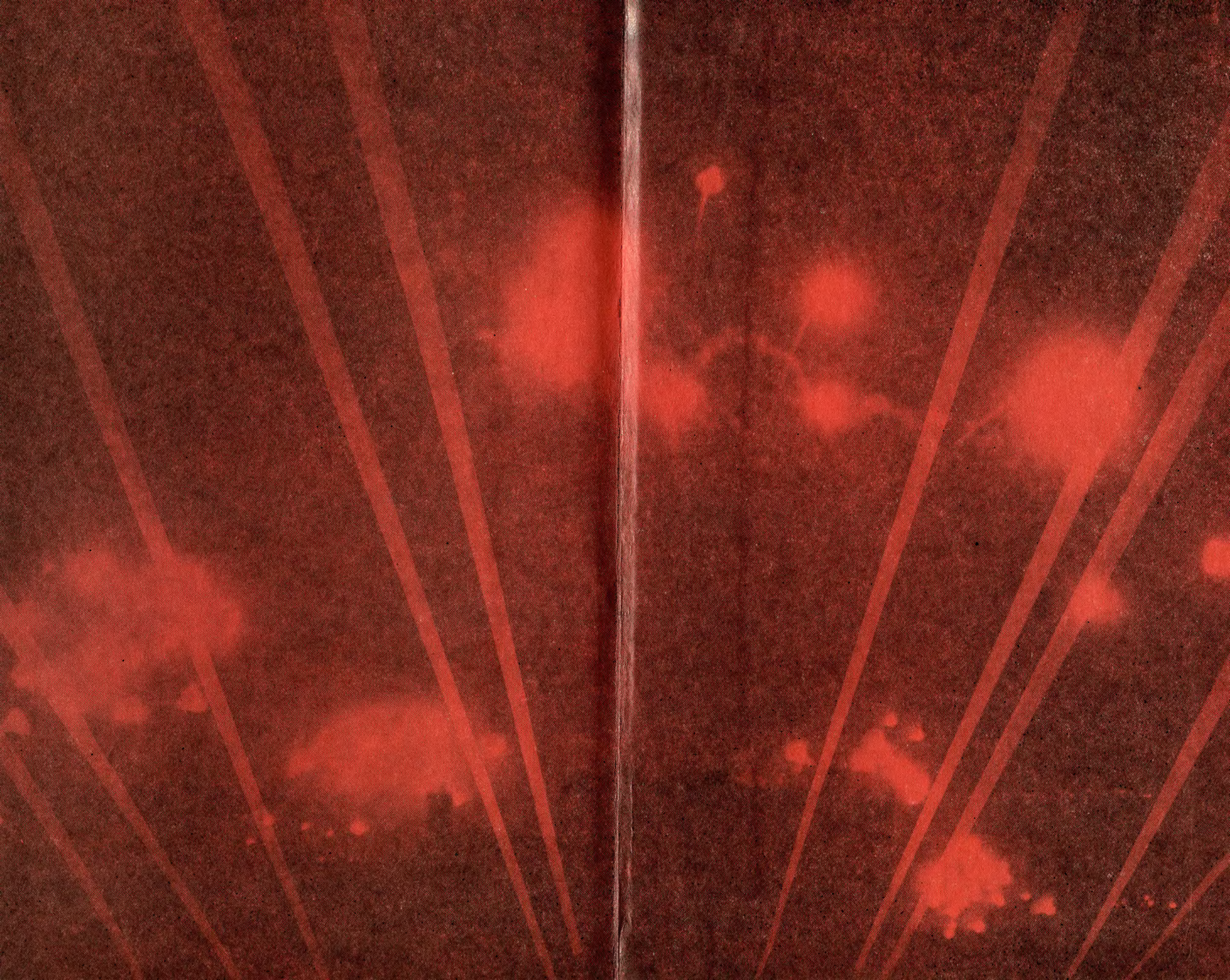
КОНЕЦ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

Редактор **Н. А. Арзуманова**
Художник **В. А. Родченко**
В книге помещены фотографии корреспондента газеты 8-й гвардейской армии «На защиту Родины» **Юрия Чернышова**
Художественный редактор **Н. Л. Юсфина**
Технические редакторы **Т. Ф. Евсенина** и **Т. С. Маринина**
Корректор **М. Е. Барабанова**

Сдано в набор 19/VII-72 г. Подп. к печати 29/VI-73 г. Формат бум. 84×108¹/₃₂. Физ. п. л. 9,5+16 вкл. Усл. п. л. 17,64. Уч.-изд. л. 18,00. Изд. инд. ХД-308. А07974. Тираж 200 000 экз. Цена 91 коп. в переплете. Бум. № 1.

Издательство «Советская Россия». Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Электросталь Московской области, ул. им Тевосяна, 25. Заказ № 709.



91 коп.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ

В.И. Чуйков

КОНЕЦ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА